

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати
и информации
Российской Федерации
Свидетельство
о регистрации
№ 0110347
от 27 октября 1993 г.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Ю.И. ИГРИЦКИЙ

кандидат исторических наук,
член-корреспондент МАИ,
главный редактор

Л.Н. ВЕРЧЕНОВ

кандидат философских наук

В.И. ГЕРАСИМОВ

кандидат филологических
наук, член-корреспондент
МАИ, зам. главного
редактора

Л.П. ДЕЛЮСИН

доктор исторических
наук, профессор

Е.Б. КАЛОЕВА

кандидат исторических наук,
зам. главного редактора

А.Д. НЕКИПЕЛОВ

доктор экономических
наук, академик РАН

Б.С. ОРЛОВ

доктор исторических
наук, профессор

Т.Г. ПАРХАЛИНА

кандидат исторических наук

Ю.С. ПИВОВАРОВ

доктор политических наук,
академик РАН

Л.В. СКВОРЦОВ

доктор философских наук,
профессор, академик МАИ

Б.А. ХЕЙФЕЦ

доктор экономических наук

Л.Н. ШАНШИЕВА

кандидат философских наук

В.М. ШЕВЫРИН

кандидат исторических наук,
зам. главного редактора

Ответственный секретарь

А.А. ХАЛАТОВ

Редактор-консультант

И.Л. БЕЛЕНЬКИЙ

Литературный редактор

Д.А. СЕМЕНОВА

Художник обложки

Г.И. КОЗУБОВ

© ИНИОН РАН

РОССИЯ и современный МИР

RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD

4(57)

В НОМЕРЕ:

In This Issue:

Больная экономика с большой энергетикой

Sick Economy with Plenty of Energy

Зарубежная экспансия российского бизнеса

Foreign Expansion of Russian Business

Образ России на Западе и в Японии

Russia's Image in the West and Japan

Статус русского языка в Украине

The Status of the Russian Language in Ukraine

Воспитание, старение, умирание: Социальные и этические проблемы

Upbringing, Ageing, Dying: Social and Ethical Problems

МОСКВА
2007

**РОССИЯ И МИР
В XXI ВЕКЕ**

В. Г. Клинов
*Как лечить больную экономику.
 «Голландская болезнь»
 и энергетическая
 политика России* **5**

Б. А. Хейфец
*Зарубежная экспансия
 российского бизнеса* **22**

С. В. Колчин
*Западный и восточный векторы
 в российской нефтегазовой
 политике: Взаимодополнение
 или конкуренция?* **45**

ОБРАЗ РОССИИ В МИРЕ

Ю. И. Игрицкий
*Истоки и развитие
 зарубежных представлений
 о России/СССР/России* **60**

Н. Ю. Лапина
Образ России во Франции. **90**

М. Н. Корнилов
*Русская история, политика и
 культура в восприятии японцев* **111**

ПРОБЛЕМЫ СНГ

В. Н. Бабенко
*К вопросу о статусе
 русского языка в Украине* **128**

**RUSSIA AND THE WORLD
IN THE 21ST CENTURY**

V. G. Klinov
*How to Cure a Sick Economy:
 The «Dutch Decease»
 and Russia's Energy
 Policy*

B. A. Heyfets
*Foreign Expansion
 of Russian Business*

S. V. Kolchin
*Western and Eastern Vectors
 in the Russian Oil
 and Gas Policy: Complementary
 or Competitive?*

RUSSIA'S IMAGE IN THE WORLD

Yu. I. Igritsky
*The Sources and Development
 of Foreign Views
 of Russia/USSR/Russia*

N. Yu. Lapina
Russia's Image in France

M. N. Kornilov
*Russian History, Politics and
 Culture in Japanese Perception*

PROBLEMS OF THE CIS

V. N. Babenko
*On the Status of the Russian
 Language in Ukraine*

Е. Ж. Ешаманова
Казахстан–Россия:
Сотрудничество на Каспии 137

РАЗМЫШЛЕНИЯ.
СООБЩЕНИЯ.
КОММЕНТАРИИ

М. Н. Муханова
Сельское население: Проблемы
и перспективы развития
в меняющемся обществе 144

М. Э. Рябова
Социокультурная
интерпретация российских
кризисов (размышляя над
«Трудами» А.С. Ахиезера) 158

И. А. Скрипачёва
Культурные процессы
в современном промышленном
городе (на примере Тольятти) 164

Т. В. Смирнова
Социальное конструирование
образа старости 172

О. В. Бессчетнова
Проблема жестокого обращения
с детьми в семье (на примере
Саратовской области) 181

О. В. Летов
Этические проблемы эвтаназии 187

Е. И. Силаева
Автобиографизм литературы
русского зарубежья
(о воспоминаниях
М.Н. Осоргина) 196

Е. В. Левченко
Россия как лирическая
мифологема в творчестве
И.А. Бунина 204

Ye. Zh. Yeshamanova
Kazakhstan–Russia: Cooperation
in the Caspian Sea Basin

REFLECTIONS.
COMMUNICATIONS.
COMMENTS

M. N. Mukhanova
Rural Population: Problems
and Prospects in the Changing
Society

M. E. Ryabova
On the Socio-Cultural
Interpretation of the Russian
Crises (reflecting after
A.S. Akhiezer's «Works»)

I. A. Skripacheva
Cultural Processes in a Modern
Industrial City (the case
of Togliatti)

T. V. Smirnova
Social Designing of the Image
of the Elderly

O. V. Besschetnova
Cruel Treatment of Children
in the Family (the case
of Saratov Province)

O. V. Letov
Ethical Problems of Euthanasia

Ye. I. Silaeva
Autobiographic Traits
in the Russian Émigré
Literature (on M.N. Osorgin's
recollections)

Ye. V. Levchenko
Russia as a Lyric Myth
in the Works
of I.A. Bunin

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

- И. Покровский
Этические предпосылки
свободного строя.
(Предисловие И.Л. Беленького) **211**

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

- Сен-Мезар И.
Отношения между Индией,
Китаем и США: Треугольник на
пути к стабилизации? **225**

- Бобокулов И.
Центральная Азия:
Существует ли альтернатива
региональной интеграции? **230**

БИБЛИОГРАФИЯ

- И.Л. Беленький
Интеллигенция и ее судьбы
в России: Из литературы
1993–2007 гг.
(Библиографические
материалы) **233**

- Содержание журнала «Россия
и современный мир»
за 2007 г. **254**

CLASSIC HERITAGE

- I. Pokrovsky
*Ethical Prerequisites of Liberty
Based Social Order*, (Preface
by I.L. Belenkiy).

SURVEYS. DIGESTS

- Saint-Mézard I.
*Les relations entre l'Inde, la Chine
et les États-Unis: Un triangle
en voie de stabilisation?*

- Bobokulov I.
*Central Asia: Is there
an alternative to regional
integration?*

BIBLIOGRAPHY

- I. L. Belenkiy
*Intellectuals
and Their Destinies
in Russia*,
(Literature
of 1993–2007)

- Contents of «Russia
and Contemporary World»
for 2007*

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

В.Г.Клинов

КАК ЛЕЧИТЬ БОЛЬНУЮ ЭКОНОМИКУ. «ГОЛЛАНДСКАЯ БОЛЕЗНЬ» И ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

Клинов Виленин Георгиевич – доктор
экономических наук, член-корреспондент
Российской академии естественных наук,
профессор МГИМО-Университета.

В 1991 г. рухнул политический режим, установленный в России в октябре (ноябре) 1917 г., а вместе с ним и советская империя.

Неконкурентоспособность отечественной экономики и удушающий характер политической системы, существовавшей в СССР, ответственной за гибель десятков миллионов соотечественников, подорвали жизненные силы нации. По выражению Н. Шмелёва, «XX век сломал России хребет» (16, с. 482). Тяжесть и неудачи реформ 90-х годов во многом обусловлены глубиной кризиса и состоянием агонии, в котором находилась страна в последние годы существования СССР.

Насильственный характер режима в СССР соответствовал природе экономической системы хозяйства, которую он выстроил. Диктатура была нужна для ликвидации частной собственности (10, с. 438), в которой коммунисты видели основу капиталистической эксплуатации наемного труда. Устранение частной собственности лишило экономику внутренних стимулов развития, дисциплины рыночных отношений.

Рыночная конкуренция побуждает независимые хозяйствующие субъекты накапливать научно-технический потенциал и использовать достижения научно-технического прогресса для повышения эффективности производства, для создания и налаживания выпуска новых видов товаров и услуг, спрос на которые развивается по мере повышения эффективности производства и роста доходов населения. Примечательно, что требование уничтожения частной собственности в Коммунистическом манифесте 1848 г. соседствует с признанием, что капиталистическая система (буржуазия) «менее чем за сто лет» сделала

больше для развития производительных сил, «чем все предшествующие поколения, вместе взятые» (10, с. 429).

Экономика СССР, на языке ООН получившая наименование системы централизованного планирования, по своей сущности, была административно-командной. В ней значительную роль играло принуждение. «Фундаментальная черта социалистической экономики, – отмечает Е. Гайдар, – она может работать лишь при сохранении жесткого политического режима, без него – разваливается» (4, с. 305).

Можно добавить, что такая система смогла существовать на протяжении большей части динамичного XX в. благодаря капиталистическому окружению. С одной стороны, установление деловых отношений с капиталистическими странами позволило закупать передовую технику и перенимать опыт организации современных производств, хотя при этом производительность труда оставалась ниже, чем в передовых экономиках. В 1931–1932 гг., в частности, закупки машин и оборудования Советским Союзом составляли от 1/3 до 1/2 мирового импорта техники (22, с. 28).

С другой стороны, существование идеологически враждебного окружения оправдывало милитаризацию экономики. «Состояние постоянной готовности к войне приводит к необходимости организовать общество на армейский манер» (12, с. 39).

Для подавляющего большинства населения страны, чей уклад жизни сформировался в обстановке сельской общины, крепостной зависимости и самодержавной власти, личные права и свободы занимали и до сих пор занимают весьма низкое положение в системе ценностей по сравнению с материальным благополучием.

На фоне достигнутого относительного достатка в СССР конца 30-х годов сформировалась опора автократического строя – «тираническое общественное мнение» (12, с. 56), горячо поддерживавшее расправу над «врагами народа». В стране, информационно отгороженной от остального мира, прошедшей через тяжкие испытания и вновь добившейся с помощью капиталистической техники относительного благополучия к середине второй половины XX в., власть сумела сотворить миф о преимуществах строя, пришедшего на смену «загнивающему» капитализму. В этих условиях доминировало, по выражению Ю.Н. Афанасьева, «агрессивно-послушное большинство» (2, с. 224), препятствующее социально-экономическим и политическим преобразованиям.

Роковую роль в судьбе СССР сыграла так называемая «голландская болезнь». Развитие этой болезни в условиях централизованной экономики и ее последствия тщательно отслежены и основательно документированы Е. Гайдаром в его книге «Гибель империи». Для понимания механизма развития этой болезни, что весьма актуально для нынешней российской экономики, важно дать адекватное определение этого феномена.

Суть «голландской болезни», по Е. Гайдару, в том, что «рентные доходы сырьевых отраслей стимулируют рост зарплат и издержек в прочих отраслях, продукция и услуги которых становятся неконкурентоспособными как на внутреннем, так и на внешнем рынке» (4, с. 94–95).

Причина неконкурентоспособности «прочих отраслей» не в том, в чем их видит Е. Гайдар, не в росте зарплат за пределами сырьевых отраслей. Рентные доходы позволяют повышать зарплату именно там, где их получают, хотя основную часть добавленной стоимости добывающей промышленности составляют имущественные, а не трудовые доходы. В США, например, в 2001 г. годовая зарплата в добывающей промышленности составляла в среднем 60,9 тыс. долл., а в обрабатывающей – 45,6 тыс. (24, с. D 36). В добывающей отрасли на долю трудовых доходов приходилось в 2000 г. около 30%, операционная прибыль – около 60 и налоги – около 11%. В обрабатывающей – эти доли соответственно, были равны 64, 33 и 3% (25, с. 45).

В СССР и России начисленная среднемесячная зарплата в нефтедобывающей и газовой промышленности была и остается существенно выше среднего по промышленности показателя. В 1980 г. в СССР зарплата в рублях составляла в нефтедобывающей промышленности 250, газовой – 268, во всей промышленности (включая добывающую и обрабатывающую) – 191. В 2004 г. в России соответствующие показатели в тысячах рублей были равны 24,1, 33,4 и 7,9 (15, с. 191).

Невысокие внутренние цены на сырье и топливо и невысокие зарплаты лишали конкурентоспособности обрабатывающую промышленность. В СССР в период мирового энергетического кризиса середины 70-х годов бензин стоил дешевле газированной воды. В России, как и в других экспортирующих углеводороды странах, внутренние цены на нефть и газ ниже экспортных.

Сущность названной болезни в том, что норма прибыли в отраслях, получающих природную ренту, настолько выше, чем там, где этой дифференциальной ренты нет, что развитие «прочих отраслей» становится невыгодным. Дешевле импортировать продукцию обрабатывающей промышленности за счет выручки от экспорта сырья. Именно в этом состоит эффект деиндустриализации там, где болезнь не лечится. Это наблюдалось в СССР, и наблюдается в сегодняшней России. В 2004 г. в России норма прибыли после вычета налогов была равна, по данным ТПП, в обрабатывающей промышленности – 14%, в нефтедобывающей – 27% (1, с. 32). В 2005 г, по данным Министерства финансов РФ, в связи ростом цен на нефть рентабельность в обрабатывающей

промышленности снизилась до 8,5, а в нефтедобывающей – повысилась до 35,0% (14, с. 6)*.

В СССР начало разработки богатейших месторождений углеводородов в Западной Сибири и выход СССР на первое место в мире по добыче нефти совпали с весьма благоприятной конъюнктурой на рынке нефти. Добыча нефти в стране увеличилась с 350 млн. т. в 1970 до 600 млн. – в 1980 г. (4, с. 180). Начавшееся в 70-х годах, сначала постепенное, а затем прошедшее в два тура резкое повышение цен на нефть в 1973–1974 и 1979–1980 гг., привело к тому, что их уровень к 1981 г. превысил отметку конца 60-х в номинальном выражении практически в 20 раз.

Сложилась обстановка эйфории от притока нефтедолларов. Глава государства Брежнев Л.И. заявил на XXVI съезде КПСС в феврале 1981 г., что СССР «по силам решение самых больших и сложных задач» (3, с. 56). На самом деле, силы были направлены на обеспечение паритета в области стратегических вооружений с США, а обычных вооружений – со всем блоком НАТО, а также на субсидирование союзников. «Бремя тотального соревнования с самой мощной в технологическом и военном отношении страной (США)... в конечном итоге лишало командную экономику (СССР) возможности решать какие-либо задачи, кроме военных» (29, с. 68).

Резко возросший в 70-х годах импорт оборудования шел в основном для оснащения оборонной промышленности. Отрицательное сальдо внешней торговли машинами и оборудованием, составлявшее в 1970 г. 3,7 млрд. долл. в ценах 2000 г., увеличилось в тех же единицах измерения до 12,3 в 1975 г. и до 12,4 в 1980 г. (4, с. 177).

Увеличилась финансовая поддержка компартий в капиталистических странах. Гораздо более масштабными были субсидии странам Совета экономической взаимопомощи. Туда экспортировалось в два-три раза больше нефти, чем в развитые капиталистические страны. Причем отгрузки в страны СЭВ осуществлялись не по действующим мировым ценам, а по ценам, средним за предшествующие пять лет, т.е. в несколько раз ниже. Оплата производилась не в конвертируемой валюте, а встречными поставками товаров по клиринговым соглашениям. В СССР социалистические страны продавали товары, которые не пользовались спросом на капиталистических рынках.

Наибольший ущерб народному хозяйству «голландская болезнь» наносит в период благоприятной конъюнктуры для сырья, когда разрыв в прибыльно-

** В США она лечится с помощью налоговой системы. В этой стране норма прибыли в добывающей отрасли до вычета налогов выше, чем в обрабатывающей промышленности, о чем косвенно свидетельствует различие структур добавленной стоимости по видам доходов. После вычета налогов норма прибыли выше в обрабатывающих производствах. В 2003 г. она составляла 12,5% против 10,7 – в добывающей промышленности и 8,9% – в торговле (23, с. 507).*

сти между добывающей промышленностью и остальными отраслями оказывается особенно большим, и недостатки развития прочих отраслей компенсируются импортом товаров, закупленных на выручку от продажи сырья.

По свидетельству члена Политбюро ЦК КПСС Медведева В.А.: «Восьмая пятилетка (1966–1970) была, пожалуй, последним успешным периодом. В дальнейшем экономическое развитие стало быстро и неуклонно ухудшаться. Лишь один сектор экономики пребывал в цветущем состоянии – это военно-промышленный комплекс. Страна изнывала под гнетом непосильного бремени военных расходов» (4, с. 145).

Следующий этап развития «голландской болезни», поразившей экономику СССР, начинается со снижением мировых цен на нефть после 1981 г. и охватывает большую часть 80-х годов. Тогда «видимость полного порядка», т.е. удовлетворение внутреннего спроса путем сохранения импорта в объемах, сопоставимых с периодом роста цен на нефть, удавалось обеспечивать за счет расходования золотовалютных резервов и иностранных займов.

Быстро росла внешняя задолженность СССР развитым капиталистическим странам, в номинальном выражении она увеличилась с 26,5 млрд. долл. в 1981 до 41,5 млрд. в 1988 г. Министр финансов СССР В. Павлов в докладе о госбюджете страны на 1990 г. заявил, что на оплату долгов и процентов придется израсходовать почти всю выручку от экспорта продукции топливно-энергетического комплекса (4, с. 226).

В 1989 г. Госбанк информировал советское правительство, что по мнению экспертов ОЭСР, в 1985 и 1986 гг. произошло резкое ухудшение платежного баланса социалистических стран Европы, и что в структуре их внешнего долга значительная часть приходится на краткосрочную задолженность со сроком погашения до одного года (4, с. 227).

Доступ СССР на международные рынки кредитных ресурсов в 1985–1988 гг. облегчался завышенной оценкой западными экспертами советского золотого запаса. Они считали, что запас составляет в долларовом эквиваленте 36 млрд., тогда как в действительности к началу 1989 г. он сократился до 7,6 млрд. (4, с. 227).

Добиться устойчивого сокращения импортных закупок продовольствия, ввиду начавшегося снижения цен на нефть, не удалось. За девять лет с 1982 по 1990 г. отрицательное сальдо составило 216,9 млрд., или в среднем 24,1 млрд. в год (4, с. 172–173).

Руководство Советского Союза проводило в этих условиях политику наращивания капиталовложений и ускорения экономического роста. На 27 съезде КПСС в 1986 г. была поставлена задача удвоения экономического потенциала страны к 2000 г. (4, с. 237). Это привело к росту дефицита государственного бюджета с 18 млрд. руб. в 1985 до 90,1 млрд. в 1988 г. (4, с. 241). Для покрытия дефицита эмиссия денег осуществлялась в возрастающих мас-

штабах¹. Излишек наличных денег в обороте к началу 1990 г. оценивался Госбанком СССР в размере 47 млрд. руб., а общая сумма неудовлетворенного спроса населения на товары и услуги – в 105 млрд. руб. (4, с. 243).

Второй этап развития болезни продолжался до момента, когда советские государственные организации в сфере внешне экономических связей утратили доверие со стороны частных заимодавцев, и возникла необходимость в получении политических кредитов под определенную либерализацию внутренней и внешней политики. «В 1988 г. у западных банков начинает возникать сомнение в том, насколько устойчиво финансовое положение СССР. Возможности привлекать кредитные ресурсы на коммерческой основе становятся все более ограниченными, условия предоставления кредитов – жесткими. Это относится и к процентной ставке, и к срокам погашения» (4, с. 288).

Третий заключительный этап, завершившийся крахом, начинается с острейшего валютного кризиса, разразившегося в 1990 г. В апреле 1990 г. министр внешнеэкономических связей обращается в правительство с просьбой решить вопрос об оплате импортных поставок в связи с тем, что ведущие торговцы прекратили отгрузки товара в СССР (4, с. 310).

Внешэкономбанк не открывает аккредитивы, поскольку гарантийные обязательства его вышли за допустимые пределы. На 1 октября 1990 г. обязательства банка превысили 5 млрд. инвалютных руб. (4, с. 312). В 1990–1991 гг. советское руководство изъяло без согласия клиентов 6 млрд. долл., хранившихся во Внешэкономбанке (4, с. 368). 4 ноября 1991 г. Внешэкономбанк объявил себя банкротом (4, с. 410).

Из государственного резерва выделялись золото и алмазы для продажи на свободно конвертируемую валюту. Государственный запас золота к концу 1991 г. сократился до 290,0 т против 719,5 т в 1985 г. (4, с. 369). Председатель Госбанка СССР В. Геращенко в записке Президенту СССР М. Горбачёву сообщает об официальных золотых резервах страны, составивших в октябре 1991 г. 240 т (4, с. 408).

Тяжелые для страны времена оказываются золотыми для «гениев финансовых проделок», для «большого хапка». В мае 1988 г. был принят закон «О кооперации в СССР», открывший дорогу для роста частной торговли. Большинство кооперативов создавались при государственных предприятиях. Они покупали товары по фиксированным ценам, а продавали – по коммерческим расценкам. В условиях дефицита и финансовой несбалансированности это позволяло руководству предприятий и кооперативов получать немалые доходы (4, с. 276). 23 ноября 1989 г. был принят Закон «Об аренде». Он разрешил

1. В 1986 г. она составляла (млрд. руб.) 3,9; 1987 – 5,9; 1988 – 11,8 и 1989 г. – 18,3 (4, с. 243).

выкуп арендуемого имущества и открыл шлюзы для формирования частной собственности (4, с. 277).

В этом же ряду стоят Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 июля 1988 г. «О расширении внешнеэкономической деятельности ВЛКСМ» и Постановление Совета Министров СССР от 4 августа 1988 г. «О содействии хозяйственной деятельности ВЛКСМ». Руководящие деятели ВЛКСМ получили возможность создать за два года более тысячи коммерческих банков. На 1 января 1989 г. в СССР было всего 43 банка, а на 1 января 1991 – уже 1357 (4, с. 278). Новые банки превратились в инструменты обналичивания денег, т.е. в средство первоначального накопления частного капитала за счет депозитов государственных предприятий.

Е. Гайдар полагает, что с 1991 г. начался процесс экономической дезинтеграции Советского Союза. Все республики, кроме России, ввели таможи на своих границах. Таможни работали в одну сторону – запрета на вывоз товаров, но не на ввоз. Вывозить товары в Россию было нельзя, а ввозить из России – можно. Фактически процесс дезинтеграции начался в конце 1989 г., когда был принят закон об экономической самостоятельности прибалтийских республик. В начале 1991 г. Украина и Эстония разместили за рубежом заказы на печатание собственных денег (4, с. 391).

30 июля 1991 г. Президент СССР М. Горбачёв пошёл на ключевую уступку лидерам республик, согласившись на принятие идеи об одноканальной системе налогообложения, при которой союзные власти оказываются полностью зависимыми от властей республик в вопросе формирования союзного бюджета (4, с. 376). С начала осени 1991 г. возможности союзных органов власти контролировать налоговые поступления сводятся к нулю. Финансирование государственных расходов почти полностью обеспечивалось за счет кредитов Госбанка (4, с. 392).

Советский долг в конвертируемой валюте по состоянию на 1 января 1992 г. составил 83,4 млрд. долл. Кроме того, сальдо задолженности бывшим соцстранам и задолженность по клиринговым бартерным расчетам составили 40,4 млрд. долл. (4, с. 416–417).

Такова в общих чертах экономическая подоплека гибели советской империи. «Экономика Советского Союза распалась раньше, чем сама коммунистическая система» (21, с. 248).

Факты, изложенные в книге Е. Гайдара, призваны дать ответ на критику реформ начатых в 1992 г. Его оппоненты считали, что нельзя было отпускать цены до проведения приватизации. Однако изложенные в книге обстоятельства говорят о том, что отпуск цен был неотложной мерой в условиях тотальной нехватки продовольствия и других благ первой необходимости. Более того, опыт деятельности кооперативов при государственных предприятиях и «комсомольских» банков наглядно показал, что происходит, когда приватизация

осуществляется до отпуска цен, т.е. в условиях сосуществования фиксированных цен – для особ приближенных (номенклатура ЦК КПСС) и коммерческих – для всех остальных.

Отпуск цен обесценил вклады населения в Сбербанке. Вклады не были обеспечены товарами, но они могли быть учтены при приватизации государственного имущества. Формально это может быть справедливым упреком в адрес правительства Е. Гайдара. При учете денежных средств населения на банковских депозитах приватизация имела бы более широкую базу для создания среднего класса. Однако на самом деле, приватизационные чеки большинства населения превратились в пустые бумажки, по которым паевые фонды прекратили выплату мизерных дивидендов на второй-третий год своего существования.

Коварство «голландской болезни» по Гайдару состоит и в том, что невозможно прогнозировать цены на нефть. Он ссылается на следующие слова лауреата Нобелевской премии по экономике П. Самуэльсона, относящиеся к 1974 г.: «Экономист не может предвидеть будущее с точностью..., но если даже почти может предсказывать, то все что угодно, только не цены» (4, с. 97).

Действительно, если сравнивать прогнозы хорошо изученных физических явлений, например солнечных затмений, и прогнозы развития человеческого общества, то первые имеют поразительную точность, а вторые – в лучшем случае – вероятностный характер. Человеческое общество – это развивающаяся, а не стационарная система. Люди в состоянии принимать осознанные решения, в том числе менять стратегию и тактику своих действий в случае неблагоприятного прогноза и, таким образом, предотвращать наступление или ограничивать масштабы и смягчать последствия прогнозируемого события.

Трудно, однако, представить более уничтожающую характеристику направления экономической мысли в англосаксонском мире, кое представляет П. Самуэльсон, когда он расписывается в полной неспособности науки прогнозировать цены, притом, что система цен служит основой регулирования рыночного хозяйства.

По мнению Е. Гайдара, опыт XX в. показал, что «выбор стратегии развития на десятилетия вперед зависит от факторов, которые невозможно прогнозировать» (4, с. 204). Это утверждение можно воспринимать как отказ от выработки стратегии развития и как совет, по возможности, увеличивать страховой фонд на всякий непредвиденный случай.

Действительно в краткосрочном плане, а иногда и в среднесрочном, многое в экономической конъюнктуре зависит от случайных событий, которые, по определению, человечество не научилось прогнозировать. Однако современная экономическая наука доработалась до того, чтобы выявить решающую роль науки и техники в формировании долгосрочных тенденций экономического развития в капиталистических странах и во многом продвинулась в понима-

нии закономерностей формирования и использования научно-технического потенциала.

Особенно плодотворными были усилия в рамках разработки концепции больших циклов конъюнктуры мирового хозяйства, начало чему было положено в нашей стране Н.Д. Кондратьевым, основавшим в Москве в 1920 г. первый в Европе Институт исследования общехозяйственных конъюнктур. Знание механизма формирования и развития больших циклов экономической конъюнктуры дает основание прогнозировать высокие темпы мирового экономического развития в первой четверти XXI в., сопоставимые со среднегодовыми темпами третьей четверти XX столетия (7, с. 118–135).

Известно также, что в США центры исследования тенденций развития мирового хозяйства и международных экономических отношений заглядывают во вторую половину XXI столетия, чтобы оценить возможности пока еще неразработанных направлений техники, таких как нанотехнология и телепортация. Американские компании надеются оседлать их раньше других для обеспечения своей конкурентоспособности на мировых рынках.

Важным вкладом в анализ закономерностей движения цен в длительной перспективе представляет работа Джона Кендрика, опубликованная в 1980 г., в которой он исследовал тенденции роста цен в предпринимательском секторе экономики США и в крупных отраслях производства за период 1948–1976 гг. (19, с. 54).

Его работа позволяет сделать вывод, что в развитых странах, где в ВВП по ценам факторов производства преобладает вознаграждение за труд, динамика цен в основном определяется разницей в среднегодовых темпах прироста платы за труд в расчете на одного работающего (или на человеко-час) и соответствующего показателя прироста производительности труда. Наиболее быстро в условиях инфляции растут цены на продукцию тех отраслей, где медленнее растет (или даже снижается) производительность труда, а в отраслях, где производительность труда повышается быстро, цены растут медленнее или даже снижаются. Это подтверждается оценками инфляции по семерке ведущих стран за период 1970–2000 гг., а также динамики цен мирового экспорта по товарным группам (11, с. 110–114).

Для сырьевых товаров в силу низкой эластичности спроса и предложения по ценам и доходам характерны большие амплитуды цен, причем отклонение цен от средней траектории в ту или другую сторону может продолжаться не одно десятилетие. Это показало исследование динамики индексов цен, в которых доминировали сырьевые товары с конца XVIII и до начала XX в., выполненное Н.Д. Кондратьевым (8, с. 350–351).

Цены на нефть могут быть подвержены резким краткосрочным колебаниям (длина волны не превышает одного года), которые действительно невозможно прогнозировать, когда их причиной являются случайные события. Для

экономической стратегии гораздо важнее оценить доминирующее направление движения цен в длительной перспективе, а также возможные колебания среднесрочного порядка.

Опыт показывает, что для служб, специально занимающихся отслеживанием общехозяйственных, отраслевых и товарных конъюнктур это вполне посильная задача, правда о своих результатах, а тем более о методиках такого рода исследований они не имеют обыкновения делиться с третьими лицами, не принадлежащими к числу их заказчиков.

Неизбежность энергетического кризиса стала очевидной для американских исследователей мирового нефтяного рынка в Чейз Манхеттен Банке за много лет до того, как он разразился в конце 1973 г. В частности, осенью 1969 г. на заседании нефтяного комитета стран ОЭСР американская делегация заявила о неизбежности увеличения в ближайшие годы мировых цен на нефть в несколько раз (17, с. 486).

Зарождение энергетического кризиса можно было наблюдать в течение 10–15 лет, с конца 50-х годов. В тот период доминировали исторически едва ли не самые низкие цены на нефть. Справочные цены на легкую аравийскую нефть фоб Рас-Таннур с 2,08 долл. за баррель в 1958 г. снизились до 1,80 долл. за баррель в 1961, или 13,31 за т, и оставались на этой отметке по 1970 г. (6, с. 22), что укрепило позиции этого углеводорода на первом месте в энергобалансе капиталистических стран. В конце 50-х годов доля нефти среди энергоносителей достигла 42%, а угля сократилась до 36 (13, с. 90). С 1957 по 1970 г. потребление нефти в капиталистическом мире увеличилось в 2,5 раза.

В то же время низкие цены не способствовали финансированию вложений в разведку и освоение новых месторождений. Победа в 1957 г. революции в Ираке ознаменовалась национализацией нефтяной промышленности страны. До этого вся нефть Ближнего Востока добывалась восемью транснациональными компаниями – членами нефтяного картеля. Над всеми ими нависла угроза национализации. Она тем более усилилась после основания в 1960 г. Организации стран экспортеров нефти (ОПЕК).

Резко ухудшился инвестиционный климат в нефтедобывающей промышленности, особенно на Ближнем Востоке. Капиталовложения в разведку месторождений и наращивание мощностей в капиталистическом мире были заморожены на существенно более низком уровне, чем в 1957 г. В номинальном выражении вложения оставались в замороженном состоянии вплоть до 1967 г. В сопоставимых ценах они удерживались ниже отметки 1957 г. до начала 70-х годов (20, с. 24–31; 20а, с. 24–31). При этом эксплуатация ранее освоенных месторождений велась транснациональными корпорациями в форсированном режиме.

Американский исследователь Джеймс Эйкинз писал в начале 70-х: «Компании имеют мало стимулов для ведения разведки на Ближнем Востоке, по-

сколькo они уже располагают резервами, которыми они могут пользоваться до истечения сроков эксплуатации своих концессий» (17, с. 465).

Это предопределило ожидаемый американскими наблюдателями резкий переход от ситуации преобладания предложения над спросом на мировом рынке нефти в 60-х годах к превышению спроса над предложением в 70-х.

Сравнительно быстрому преодолению энергетического кризиса, выразившемуся в том, что цены на нефть стали снижаться после 1981 г., вопреки попыткам ОПЕК удержать их на высшей отметке, способствовал ряд факторов.

Во-первых, высокие цены стимулировали применение энергосберегающих технологий и освоение новых месторождений нефти, равно как и альтернативных источников энергии. Во-вторых, вторая волна повышения цен 1979–1980 гг., обязанная сокращению поставок из Ирана и Ирака, имела сравнительно кратковременный эффект по сравнению с первой 1973–1974 гг., вызванной многолетним отставанием в развитии нефтедобывающей промышленности. Третья причина сравнительно быстрого преодоления энергетического кризиса состояла в том, что он пришелся на нисходящую волну большого цикла мирового хозяйства, когда резко снизились темпы экономического роста в развитых странах, бывших основными импортерами нефти.

Тот факт, что советские исследователи не предвидели скачка цен на нефть в 70-х и, что особенно прискорбно, их снижения в 80-х годах имеет в своей основе причины фундаментального характера. Сталинский режим разгромил российскую экономическую школу в 1929 г. Был закрыт Конъюнктурный институт и ликвидирована Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). Были физически уничтожены лучшие представители российской школы, творцы НЭПа, в их числе Кондратьев Н.Д., Юровский Л.Н., Громан В.Г. Многие сотрудники Конъюнктурного института и других экономических учреждений были репрессированы. Имя Н.Д. Кондратьева оставалось под запретом до 1987 г., когда последовала его реабилитация.

После первого обострения энергетического кризиса 1973–1974 гг. в СССР получили определенное распространение примитивные взгляды, в соответствии с которыми мировые запасы нефти будут израсходованы к концу XX в., ибо объем разведанных запасов лишь в 30 раз превышал размер годовой добычи нефти. Из этой посылки делался вывод, что впредь нефть может только дорожать.

Запомнилась хлесткая фраза: «Эра дешевой нефти навсегда ушла в прошлое» (5, с. 1235). При том уровне экономических знаний, которым владело высшее руководство страны, легче всего воспринимались именно идеи, выраженные в простой запоминающейся форме.

Е. Гайдар, размышляя о причинах наращивания в 70-х годах внешнего долга СССР, т.е. в период беспрецедентного роста нефтяных доходов, прихо-

дит к весьма симптоматичному выводу: «Единственное рациональное объяснение этой политики – убежденность в том, что вышедшие в конце 1970-х годов на аномально высокий по историческим меркам уровень цены в дальнейшем на нем удержатся. О том, что делать, если они упадут, советское руководство явно не задумывается» (4, с. 185).

Можно добавить, что советское руководство, по-видимому, не задумывалось и о возможности снижения добычи нефти в СССР. Между тем Центральное разведывательное управление (ЦРУ) США, сознавая ключевое значение нефтяной промышленности для СССР, тщательно отслеживает ситуацию. В ЦРУ отмечают, что в 70-х годах «русские пренебрегали разведкой (новых месторождений), делая упор на форсированной эксплуатации освоенных нефтяных полей» (26, с. 81). Там же отмечается отставание СССР на много лет в области технологии добычи нефти более глубоких и более трудных для эксплуатации месторождений. Среднегодовые темпы прироста добычи нефти в СССР, по данным ЦРУ, составлявшие 8% в начале 1970-х, к концу десятилетия снизились до 4%.

Впервые предположение о том, что СССР может в обозримой перспективе столкнуться с дефицитом нефти, ЦРУ высказало в 1977 г. (26, с. 79). В 1979 г. оно укрепились в своем предположении, поскольку стало известно о намерении СССР не увеличивать поставки нефти странам СЭВ в 1981–1985 гг. По оценке ЦРУ, добыча нефти в СССР могла сократиться до 475 млн. т. в 1985 г. (26, с. 81).

Советское руководство именно в 1985 г. обратило внимание на опасную тенденцию падения добычи нефти в СССР. После поездки М. Горбачёва в Тюмень в сентябре 1985 г., смены ряда руководителей, выделения дополнительных ресурсов, снижение добычи нефти в регионе было приостановлено. Однако фундаментальные проблемы, связанные с форсированной эксплуатацией крупнейших месторождений, решены не были (4, с. 234).

В конце 1979 г. советское руководство ввело «ограниченный контингент» войск в Афганистан. Еще через два года выявилась устойчивая тенденция понижения мировых цен на нефть. Возраст и здоровье большинства членов Политбюро ЦК КПСС достигли критического уровня, когда вырисовывалась перспектива их физического конца. Падение темпов экономического роста свидетельствовало, что СССР терпит поражение в «холодной войне» (27, с. 182, 185). Все эти факты позволили сделать проницательным советологам вывод о взрывоопасной ситуации, складывающейся в СССР уже в первой половине 80-х годов.

О том, что на самом деле произошло со страной и империей в 80-х и 90-х годах теперь известно. Вопрос стоит об уроках на будущее.

Е. Гайдар ссылается на негативный опыт использования благоприятной нефтяной конъюнктуры Мексикой и Венесуэлой, где планы «масштабных ин-

вестиционных проектов... при ограниченных возможностях эффективно использовать нефтяные деньги, низком качестве государственного аппарата оказываются либо незавершенными, либо малоэффективными» (4, с. 122–123). В результате накапливаются долги, которые надолго обременяют экономику в условиях неблагоприятной конъюнктуры. В частности, внешний долг Мексики достиг в 1981 г. 60 млрд. долл., в том числе государственного сектора – 40 млрд. (4, с. 123).

Положительным Е. Гайдар считает хозяйственный опыт Чили, где в 70-х годах, в период благоприятной конъюнктуры для меди, руководство страны «отказалось от реализации масштабных инвестиционных проектов, направленных на диверсификацию национальной экономики. Вместо этого оно создает институциональные основы развития конкурентоспособных производств в отраслях, не связанных с медью...» (4, с. 127).

Совершенно очевидно, что Россия нуждается в создании высокооплачиваемых и конкурентоспособных рабочих мест по всей территории России, а не в отдельных заповедных зонах. Этой цели можно достичь не с помощью бюрократических программ, а, создав благоприятный климат для частной инициативы и творческого труда в отраслях, которые определяют эффективность всего народного хозяйства. Речь идет о том, чтобы было выгодно вкладывать капитал в обрабатывающую промышленность, которую, в отличие от добывающей промышленности, можно развивать повсеместно.

Речь идет также о том, чтобы было выгодно применять самую передовую технику, которая дает максимально большую экономию производственных ресурсов в расчете на единицу выпуска качественной продукции. Применять передовую технику может, однако, оказаться невыгодным, пока сэкономленные ресурсы стоят настолько дешево, что не оправдывают расходы на эксплуатацию передовой, но дорогой техники.

Основным средством решения стратегических проблем регулирования рыночной экономики в передовых странах является государственный бюджет, и этот опыт более чем подходит России. Он состоит в том, что наполнять государственный бюджет следует, прежде всего, за счет повышения налогов на ресурсы (землю, основные фонды, сырье и энергоносители, пользующиеся повышенным спросом). Это делает их более дорогими и создает стимулы для экономного и рационального их использования и, кроме того, служит сдерживающим фактором против концентрации недвижимости в руках монополистов. Должны быть прогрессивные ставки косвенных налогов и сборов как инструмент ограничения расточительного личного потребления, сдерживания приобретения предметов роскоши.

В то же время следует снижать налоги на доходы, включая прибыль. Снижение налогов на доходы, как свидетельствует опыт передовых стран, яв-

ляется самым мощным стимулом для роста инвестиций и интенсификации трудовой деятельности.

Ставки налогов должны быть выше в отраслях, чья эффективность основывается на природной ренте, ибо невозпроизводимые природные ресурсы и природная рента от их эксплуатации должны принадлежать обществу, а не частным компаниям. Нынешнее распределение рентных доходов от энергосырьевых ресурсов между бизнесом и государством Н. Шмелёв считает несправедливым. Для нахождения справедливой формулы он рекомендует обратиться к опыту Норвегии и даже Саудовской Аравии (16, с. 499).

Минимальными или даже нулевыми должны быть ставки подоходных налогов в обрабатывающей промышленности, особенно в наукоемких отраслях производства, а также в строительстве и сельском хозяйстве. Освобождение от налогов только прибыли, расходуемой на капиталовложения в производство, как рекомендует Н. Шмелёв (16, с. 499), недостаточно для кардинального улучшения инвестиционного климата в названных отраслях российской экономики.

В расходной части бюджета должны занять место, соответствующее нормам передовых стран, расходы на науку, образование и здравоохранение. По оценке Н. Шмелёва, расходы на науку в стране по сравнению с советским периодом сократились в десять раз, на образование – в пять раз (16, с. 490). Если в России будут созданы условия для эффективного и высокооплачиваемого труда всего экономически активного населения, то об ее будущем можно не беспокоиться.

Таким образом, автор «Гибели империи» со знанием дела характеризовал советское руководство как не соответствующее должности, прежде всего потому, что многие его представители плохо или совсем не разбирались в экономике. Он пишет о череде ошибок, о нерешительности правительства в вопросах экономической политики, «о непонимании масштабов проблемы» (4, с. 235).

В качестве урока следует говорить о необходимости повышения качества экономического образования. Нынешней России, как и советской, не везет в этом отношении. Раньше как абсолютную истину преподавали марксистско-ленинскую политэкономию, а прочие достижения экономической мысли отражались в кривом зеркале критики буржуазной экономической теории. Теперь упор сделан на неоклассическом синтезе и монетарных концепциях. Задачи, которые предлагается студентам решать в рамках изучения экономической теории носят абстрактный характер. Они не вырабатывают навыков анализа макроэкономической статистической информации, без чего невозможно ориентироваться в конъюнктуре, как на общехозяйственном, так и на отраслевом и товарном уровнях.

Прикладная экономическая дисциплина – маркетинг – лишен в России его важнейшей составляющей – анализа и прогнозирования экономической конъюнктуры. Курс экономической конъюнктуры не включен в так называемый федеральный компонент программы экономического образования, т.е. не является обязательным для студентов, чьей специализацией является экономика. Ныне экономическую конъюнктуру не преподают даже в Академии внешней торговли МЭРТ.

Василий Леонтьев выступая в качестве президента Американской ассоциации экономистов на 83-й ее конференции в декабре 1970 г. выразил серьезную озабоченность состоянием экономической науки. «Значительная часть действующих учебных и исследовательских программ университетов подверглась критике, – отметил президент, – за самоустранение от прямого участия в решении практических задач» (9, с. 101). Далее он прямо говорил о том, что «некритическое увлечение математическими формулами часто ведет к тому, что за внушительным фронтом алгебраических символов скрываются положения легковесные с точки зрения сущности предмета» (9, с. 101).

Отмечая, что от эмпирической достоверности допущений зависит полезность всего расчета, В. Леонтьев с горечью оценивал состояние экономической мысли в США: «Есть что-то скандальное в зрелище, которое представляет такое большое количество людей, занятых оттачиванием анализа экономических ситуаций, относительно которых у них нет никаких оснований полагать, что они когда-либо будут иметь место в действительности. Это – неудовлетворительное состояние дел, в котором есть даже что-то бесчестное» (9, с. 102).

Характеристика, данная В. Леонтьевым состоянию дел в господствующем направлении экономической науки, остается актуальной. Творец монетаристской концепции – Милтон Фридман – подтвердил, что экономисты неоклассического направления отдают все больше сил совершенствованию своего математического инструментария, видя в этом конечную цель, вместо того, чтобы озаботиться применением моделей для исследования реальных процессов в экономике (18).

В 1992 г. правительство Е. Гайдара работало в режиме пожарной команды, но ему удалось в историческом аспекте главное: была преодолена экономическая система, построенная на устранении частной собственности.

Вместе с тем спустя 15 лет очевидно, что школа Е. Гайдара до сих пор не восприняла мировой опыт государственного регулирования рыночного хозяйства и не ставит перед собой задачу разработки стратегии экономического развития страны.

Ведущие центры экономической науки в России не разработали стратегии использования рыночных рычагов воздействия на темпы и пропорции развития российской экономики для решения социальных проблем. Есть лишь понимание того, что экономика больна и нуждается в лечении.

Будущее России во многом зависит от того, сумеет ли правительство Федерации грамотно воспользоваться внешнеэкономической конъюнктурой первой четверти XXI столетия для создания привлекательных условий для притока капитала в обрабатывающую промышленность, строительство и сельское хозяйство.

Литература

1. Аргументы и факты. – М., 2004. – № 43.
2. Афанасьев Ю.Н. Выступление 27 мая 1989 г. // Первый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. – М., 1989. – Т. 1.
3. Брежнев Л.И. Доклад XXVI съезду КПСС. – М., 1981.
4. Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. – М., 2006. – 440 с.
5. Ершов Ю.А. Сырье, топливо и политика. – М., 1975. – 222 с.
6. Капиталистический рынок промышленного сырья и топлива. – БИКИ, 1980. Приложение 10.
7. Клинов В.Г. Научно-технический прогресс и большие циклы конъюнктуры мирового хозяйства // Проблемы прогнозирования. – М., 2003. – № 1. – С. 118–135.
8. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения // Избранные труды. – М., 2002.
9. Леонтьев В. Теоретические допущения и ненаблюдаемые факты // США: Экономика, политика, идеология – М., 1972. – № 9.
10. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. – М., 1955. – Т. 4.
11. Международные экономические отношения / Ливенцев Н.Н. (ред.). – М., 2005.
12. Мизес Л. фон. Теория и история. Интерпретация социально-экономической эволюции. – М., 2001.
13. Мировая экономика и международные отношения. – М., 1984. – № 2.
14. Миронов С.М. Нужна системная программа развития экономики России // Деловая слава России. – 2006. – Вып. 1.
15. Российский статистический ежегодник 2005. – М., 2006.
16. Шмелёв Н.П. В поисках здравого смысла: Двадцать лет российских экономических реформ. – М., 2006. – 504 с.
17. Akins J.E. The oil crisis // Foreign affairs. – N.Y., 1973 – N 3.
18. Brittan S. Milton Friedman, economist, dies aged 94 // Financial times. – L., 2006. – November 16.
19. Kendrick J.W. Productivity in the U.S. Trends and cycles. – Baltimore, 1980.
20. Capital investments of word petroleum industry. – N.Y., 1967.
- 20a. Capital investments of word petroleum industry. – N.Y., 1971.
21. Sakwa R. Russian politics and society. – N.Y., 1993.
22. Smith A. Russia and the world economy: Problems of integration. – L.; N.Y., 1993.
23. Statistical Abstract of the United States. – Wash., 2004–2005.
24. Survey of current business. – Wash., 2003. – N 7.
25. Survey of current business. – Wash., 2004. – N 11.

26. The decline of U.S. power. – Boston, 1980.
27. The Soviet Union: Looking to the 1980s. – Stanford, 1982.
28. Thurow L. Head to head: The coming economic battle among Japan, Europe and America. – N.Y., 1992.
29. Yergin D., Gustafson T. Russia 2010 and what it means for the world. – N.Y., 1993.

Б.А.Хейфец

ЗАРУБЕЖНАЯ ЭКСПАНСИЯ РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА

Хейфец Борис Аронович – доктор
экономических наук, главный научный
сотрудник Института экономики РАН.

Рост вывоза прямых иностранных инвестиций (ПИИ) российскими компаниями

Новой тенденцией в развитии российского бизнеса становится усиливающаяся интеграция с мировой экономикой. Одним из ярких проявлений этой тенденции является его постоянно расширяющаяся зарубежная экспансия.

Можно выделить ряд этапов в вывозе капитала из России. Вывоз капитала начался еще во времена существования СССР, усилившись в конце 1980-х годов. Однако наиболее серьезные масштабы он приобрел в 1990-е годы.

По оценке А. Булатова, уже к середине 1990-х годов с учетом нелегальных инвестиций в рамках «бегства» капитала объем накопленных прямых инвестиций российского происхождения за границей составлял до 20–30 млрд. долл. Правда, многочисленные офшорные компании с российским капиталом, число которых достигало нескольких десятков тысяч, нацелены не столько на владение, пользование и распоряжение прямыми инвестициями, сколько на проведение внешнеторговых операций с последующим инвестированием получаемого дохода в недвижимость, счета и депозиты, иностранные ценные бумаги¹. На начало 2000-х годов А. Булатов оценивал средства на зарубежных счетах и депозитах в размере примерно 100 млрд. долл., вложения в недвижимость – около 50 млрд., капитал в предпринимательской форме и прежде всего в виде портфельных инвестиций – в 100 млрд., в то время как

1. Булатов А.С. *Вывоз капитала из России и концепция его урегулирования*. М.: Московский общественный научный фонд, 1997.

прямые инвестиции – в несколько десятков млрд. долл.² Последняя оценка близка данным Банка России.

Есть и более масштабные оценки бегства капиталов. По данным Минфина России, чистый отток капитала из России за 1986–1995 гг. составил 265–285 млрд. долл. С учетом оттока капитала в последующие годы (142,3 млрд. долл.) за время реформ из России было вывезено 407,3–427,3 млрд. долл. А согласно расчетам экспертов Ассоциации российских банков, сумма переведенных за рубеж капиталов только в 90-х годах определялась в диапазоне 800 млрд.–1 трлн. долл.

Одна из последних оценок принадлежит М.А. Халдину. По его данным, в 1990–2004 гг. из России за рубеж вывезено свыше 400 млрд. долл., а с учетом капитала, вывезенного во времена СССР, общий объем утечки капитала составляет более чем 500 млрд. долл. Из 400 млрд. долл. капиталов российского происхождения порядка 50 млрд. уже потрачено на потребление владельцев этого капитала за границей; еще 50 млрд. долл. вложено в недвижимость за рубежом, и примерно такая же сумма израсходована на приобретение ценных бумаг в зарубежных странах; еще 50 млрд. долл. вернулись в российскую экономику, но уже в статусе классических иностранных инвестиций. Соответственно за пределами России на счетах офшорных и обычных компаний российских резидентов, на счетах в зарубежных банках, в страховых и трастовых компаниях, возможных фондах, на счетах иностранных партнеров и просто в кубышках сейчас могут находиться примерно 200 млрд. долл. несвязанного летучего российского капитала³. С данными оценками в основном корреспондируют (с учетом реального времени) и опубликованные Банком международных расчетов (БМР) данные об общей сумме денежных средств, размещенных российскими резидентами в иностранных банках, которая достигла летом 2006 г. 220 млрд. долл. Как замечают эксперты БМР, эта сумма постоянно растет. Еще в конце 2005 г. она чуть превышала 150 млрд. долл. Почти половина этих средств поступила в Лондон⁴.

В 2000-е годы начинается новый этап вывоза капитала, отмеченный резким увеличением ПИИ российских компаний. По данным Банка России, характеризующим международную инвестиционную позицию, на 1 января 2006 г. *накопленные* прямые инвестиции российских резидентов за рубежом составили 138,9 млрд. долл., что почти в семь раз превышает аналогичный по-

2. Булатов А.С. *Создание и функционирование компаний с российским капиталом за рубежом*. М.: МГИМО (У), 2002. – С. 8.

3. Халдин М.А. *Россия в офшорном бизнесе*. М.: *Международные отношения*, 2005. – С. 92, 121.

4. *www.bis.org (BIS Quarterly Review. December 2006)*.

казатель на начало 2001 г. Только за 2005 г. они возросли на рекордные 31,6 млрд. долл. (см. табл. 1).

Таблица 1

**НАКОПЛЕННЫЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ ПРЯМЫЕ И ПОРТФЕЛЬНЫЕ ИНВЕСТИЦИИ
РОССИЙСКИХ РЕЗИДЕНТОВ, НА НАЧАЛО ГОДА, МЛРД. ДОЛЛ.**

	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Прямые иностранные инвестиции, всего	20,1	44,2	62,3	90,9	107,3	138,9
Страны дальнего зарубежья	18,6	42,2	60,0	87,8	102,9	133,6
Страны СНГ	1,5	2,0	2,3	3,1	4,3	5,3
Участие в капитале и реинвестированные доходы	18,4	42,2	58,4	86,5	100,4	131,2
Страны дальнего зарубежья	16,9	40,2	56,1	83,5	96,2	126,1
Страны СНГ	1,5	2,0	2,3	3,0	4,2	5,1
Прочий капитал	1,7	2,0	3,9	4,3	6,9	7,6
Страны дальнего зарубежья	1,7	2,0	3,9	4,2	6,7	7,4
Страны СНГ	0,0	0,0	0,1	0,1	0,2	0,2
Портфельные инвестиции, всего	1,3	1,3	2,5	4,4	8,4	17,8
Страны дальнего зарубежья	1,0	0,9	2,2	4,2	8,2	17,8
Страны СНГ	0,3	0,4	0,3	0,2	0,2	0,0

Источник: www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/print.asp?file=iip_cis.htm.

Приведенные в табл. 1 цифры на порядок выше официальных показателей вывоза ПИИ середины 90-х годов, хотя и не вполне сопоставимы с ними. Так, по данным Банка России, с 1993 г. по март 1996 г. российским компаниям было выдано 165 лицензий на осуществление валютных операций по прямым и портфельным инвестициям за рубежом. Общий объем разрешенных инвестиций за этот период составил 810 млн. долл., причем большая часть зарубежных капиталовложений – 720 млн. долл. – пришлось на 15 лицензий, выданных российским финансово-промышленным группам, таким, как «ЛУКОЙЛ» (128 млн. долл.), «Газпром» (108 млн. долл.), «Сургутнефтегаз» (87 млн. долл.). По 75% всех выданных лицензий разрешалось инвестирование средств в размере менее 100 тыс. долл.⁵

В результате увеличения официального вывоза капитала, особенно в 2004–2005 гг., уменьшилась роль нелегального оттока капитала, объем которо-

5. ИТАР-ТАСС. 1996. 5 сентября.

го, однако, остается значительным. Об этом можно судить по динамике статьи «ошибки и пропуски» в платежном балансе, которая традиционно считается показателем, отражающим сальдо неучтенного движения капитала (см. табл. 2).

Таблица 2

**ЗНАЧЕНИЕ НЕЛЕГАЛЬНОГО ВЫВОЗА КАПИТАЛА
В ОБЩЕМ ОТТОКЕ КАПИТАЛА ИЗ РОССИИ,
ПО ДАННЫМ ПЛАТЕЖНОГО БАЛАНСА, МЛРД. ДОЛЛ.**

Годы	Ошибки и пропуски.	Официальный вывоз капитала частным сектором	Общий отток капитала	Доля 1 в 3, %
1994	0,0	16,6	16,6	—
1995	9,1	9,4	18,5	49,2
1996	7,7	28,4	36,1	21,3
1997	8,8	31,1	39,9	22,1
1998	9,8	14,5	24,3	40,3
1999	8,6	13,5	22,1	38,9
2000	9,2	19,0	28,2	32,6
2001	10,0	11,4	21,4	46,7
2002	6,5	19,6	26,1	24,9
2003	9,7	25,6	35,3	27,5
2004	6,3	40,6	46,9	13,4
2005	11,9	61,5	73,4	16,2

Источник: www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/print.asp?file=capital.htm.

По суммарному вывозу ПИИ Россия, по оценкам экспертов ЮНКТАД (120 млрд. долл.), сопоставимых с оценками ЦБ, вышла в 2005 г. на третье место среди развивающихся стран и стран с переходной экономикой (в 2000 г. она была 12-й) после китайского Гонконга (470 млрд. долл.) и британских Вирджинских островов (123 млрд. долл.), а если учесть, что часть инвестиций из офшорных территорий, таких как Вирджинские острова, являются капиталом российского происхождения – фактически на второе (см. табл. 3).

Иными словами, финансовые ресурсы, наряду с природными и интеллектуальными, становятся важным источником экономического роста России.

Намного меньше активы в виде портфельных инвестиций, но важно подчеркнуть, что в 2003–2005 гг. они ежегодно удваивались.

Таблица 3

**15 ВЕДУЩИХ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН И СТРАН
С ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКОЙ ПО СУММАРНОМУ
ОБЪЕМУ ВЫВЕЗЕННЫХ ПИИ, 2005 г., МЛРД. ДОЛЛ.**

Место	Страна	Накопленные вывезенные ПИИ	Накопленные ввезенные ПИИ	Отношение 1 к 2
1.	Гонконг, Китай	470	533	0,88
2.	Британские Вирджинские острова	123	67	1,84
3.	Российская Федерация	120	132	0,91
4.	Сингапур	111	187	0,59
5.	Китайская провинция Тайвань	97	42	2,31
6.	Бразилия	72	201	0,36
7.	Китай	46	318	0,14
8.	Малайзия	44	48	0,92
9.	Южная Африка	39	74	0,53
10.	Республика Корея	36	63	0,57
11.	Каймановы острова	34	44	0,77
12.	Мексика	28	210	0,13
13.	Аргентина	23	55	0,42
14.	Чили	21	74	0,28
15.	Индонезия	14	21	0,67

Источник: World Investment Report, 2006. FDI from Developing and Transition Economies. P. 303–306.

**Особенности статистического учета зарубежных ПИИ
российских компаний**

На основании приведенных выше данных сложно оценить степень реального влияния на развитие национальной экономики внешних активов, контролируемых российским капиталом. Прежде всего нет ясности в оценках реальных объемов этих активов.

Во-первых, данные по международной инвестиционной позиции включают как новые прямые инвестиции из России, так и *реинвестиции* из прибыли, полученной зарубежными филиалами, которые обеспечивают основной прирост зарубежных активов. По инвестиционной позиции прирост запасов ПИИ в 2005 г. составил 31,6 млрд. долл. Крупные же зарубежные покупки российских компаний оценивались разными экспертами в сумму 6,5–8 млрд. долл. Иными словами, значительная часть прироста зарубежных российских инвестиций (до 75–80%) приходится на реинвестиции из прибыли активов, находящихся за пределами России (см. рис. 1). (см. рис.2).

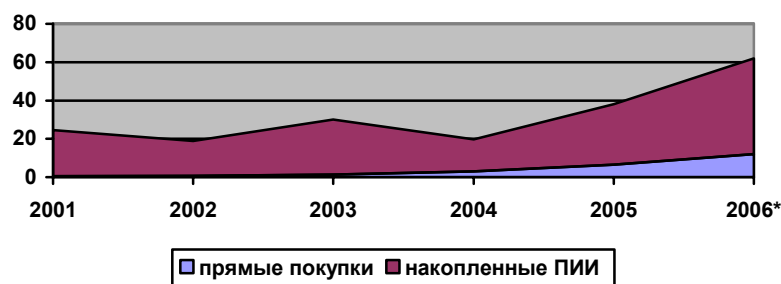

Рисунок 1

Прирост накопленных прямых зарубежных инвестиций и объем зарубежных слияний и поглощений российских компаний, млрд. долл.

*оценка

Источник: www.mergers.ru; www.cbr.ru.

Во-вторых, оценки вывезенных инвестиций носят достаточно ориентировочный характер. Кроме инвестиций «иностранных» компаний, имеющих отношение к российскому капиталу, в официальную статистику ПИИ российского бизнеса может не попадать еще целый ряд операций. Речь о чистых офшорах и других иностранных компаниях «российского происхождения», которые являются ключевыми элементами схем, созданных российскими структурами для юридического контроля над многими крупнейшими российскими компаниями. В середине 90-х годов общее число оффшоров, созданных российскими резидентами, оценивалось в 50–60 тыс., а в настоящее время – до 100 тыс. Многие из них создаются для минимизации схем налогообложения и часто являются так называемыми «пустышками»⁶. Для экспансии за рубежом в большинстве случаев используются местные структуры, за которыми также стоит российский капитал.

В-третьих, в статистике часто не учитываются многие капитальные операции некрупных предприятий и частных предпринимателей, которые стремятся скрыть подобную деятельность. Между тем их итоговый размер может достигать заметных величин.

6. Например, по оценке экспертов, через схемы «ложного» перестрахования в зарубежные компании, фактически подконтрольные российским структурам, в 2003–2004 гг. было выведено от 1,4 до 1,8 млрд. долл. ежегодно (Ведомости. 2005. 7 ноября).

В-четвертых, широко используемые российскими ТНК трансфертные цены завышают уровень транснациональности российских компаний, увеличивая объемы продаж зарубежных филиалов и, соответственно, занижая объемы деятельности материнской компании. Например, у «Русала» по так называемым толлинговым схемам выпускается до 70% алюминия. По толлингу зарубежные дочки «Русала» поставляют на его российские заводы сырье, забирают металл, извлекая прибыль из продажи, а сами заводы получают лишь плату за переработку сырья. Согласно отчету за 2005 г., выручка «Русала» от продаж на внутреннем рынке составила всего 23% (1,4 млрд. долл.) от общего объема выручки (6,1 млрд. долл.)⁷. По данным МСФО за 2003 г., не менее половины всей выручки и больше 75% чистой прибыли получили не российские заводы группы «Евраз», а ее офшорные трейдеры – Ferrotrade UK и Ferrotrade Gibraltar⁸.

Таким образом, фактический объем зарубежной экономической деятельности российского капитала намного превосходит официальные данные и имеет устойчивую тенденцию к росту.

Рейтинг российских ТНК

В силу известной закрытости корпоративной информации в рейтинги наиболее крупных российских ТНК, регулярно публикуемые в докладах о мировых инвестициях ЮНКТАД, попадают далеко не все российские компании, ведущие активную зарубежную деятельность. По данным ЮНКТАД, первое место среди российских ТНК прочно оккупировал «ЛУКОЙЛ», занимающийся добычей и переработкой нефти, продажей нефтепродуктов. Эта компания впервые попала в списки ЮНКТАД крупнейших ТНК региона Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) в 1999 г. В 2002 г. стоимость зарубежных активов «ЛУКОЙЛа», оценивалась в 5,4 млрд. долл., в 2003 г. – 7,2 млрд., в 2004 г. – 7,8 млрд. долл., что вывело его на первое место среди нефинансовых ТНК из стран ЦВЕ и СНГ и 10-е место среди ТНК развивающихся стран. В 2005–2006 гг. «ЛУКОЙЛ» активно наращивал свои зарубежные активы. Кроме «ЛУКОЙЛа» в рейтинги ТНК, публикуемые ЮНКТАД, попадает ряд других компаний (см. табл. 4).

7. Ведомости. 2006. 2 февраля. С. Б. 2.

8. Ведомости. 2006. 3 февраля. С. Б. 1.

Таблица 4

КРУПНЕЙШИЕ РОССИЙСКИЕ ТНК, 2004 г.

	Активы, млн. долл.		Продажи, млрд. долл.		Занятость, тыс. чел.		ИТН, %
	А	Б	А	Б	А	Б	
«ЛУКОЙЛ»	7792	29 761	26 408	33 845	13 929	150 000	37,8
«Норильский никель»	1413	13 632	5968	7033	1772	100 786	32,3
«Новошип»	1296	1413	350	419	55	4032	58,9
«Русал»	743	6544	4412	5436	5490	63 458	62,9
Приморское морское пароходство*	382	442	104	134	1305	2611	71,3
«Мечел»	120	3679	2203	3636	10 689	82 324	25,6
Дальневосточное пароходство*	52	160	57	180	166	4000	22,8
«АЛРОСА»*	46	4630	886	1955	8	46 998	15,4
«Газпром»	...	104 982	24 536	36 422	...	38 8714	...
ОМЗ	347	901	271	524	8484	22 030	42,9
«Северсталь»	174	6584	3954	6664	7098	54 597	25,0

Примечания: А – показатели зарубежных филиалов; Б – общие показатели; ИТН – индекс транснациональности, рассчитываемый как среднее значение трех соотношений: зарубежные активы к общим, зарубежные продажи к общим, численность занятых в зарубежных филиалах к общей численности занятых; * – данные за 2003 г.

Источник: World Investment Report, 2005. P. 272. World Investment Report, 2006. – P. 286.

Присутствие в таблице паромных компаний объясняется чисто финансовыми схемами минимизации налогов, поскольку значительная часть их собственности принадлежит структурам, учрежденным в государствах, где налоги на деятельность по морским перевозкам минимальны.

В такой рейтинг в 2006 г. эксперты ЮНКТАД впервые включили «Газпром», «Северсталь» и ОМЗ. В то же время в нее не попали некоторые компании, значительно увеличившие свои зарубежные активы в 2005–2006 гг. («Евразхолдинг»), а также такие крупные компании, как РАО «ЕЭС», «Роснефть», «Татнефть», АФК «Система» и некоторые другие, которые осуществляют зарубежные проекты в объеме, значительно уступающем масштабам их деятельности на территории России. С другой стороны, в 2005 г. «Норильский никель» расстался со значительной частью своих зарубежных активов, ОМЗ были куплены «Евразхолдингом», что приведет к соответствующим изменениям в рейтинге 2007 г.

В Московской Международной Бизнес-Ассоциации (ММБА) к началу 2005 г. был обработан массив данных по почти 350 проектам 137 российских компаний, имеющих активы (либо ведущих переговоры по их покупкам) в 64 странах мира. Однако, по оценкам ММБА, это количество на самом деле в три-четыре раза выше в силу того, что в последние годы, благодаря позитивной экономической конъюнктуре и наличию свободных финансовых средств, к процессу покупок активов за рубежом стали активно подключаться компании второго и даже третьего эшелона⁹. По нашим же оценкам, в России к транснациональным с точки зрения современных критериев ЮНКТАД могут быть отнесены, как минимум, 5–10 тыс. бизнес-структур, не считая чисто офшорных компаний, занимающихся исключительно финансовыми операциями.

Причины экспансии

Выделяются две группы факторов, обуславливающих зарубежную экспансию. Среди «*притягивающих*» факторов можно назвать:

- доступ к новым рынкам сбыта (при этом некоторые рынки без приобретения зарубежных активов оставались бы закрытыми или труднодоступными для российских компаний);
- внедрение на территорию региональных интеграционных объединений и тем самым преодоление тарифных и нетарифных ограничений для торговли;
- построение вертикально-интегрированных компаний, желание установить контроль над всей производственной цепочкой (например, при покупке российскими вертикально-интегрированными нефтяными компаниями фирм, занимающихся нефтепереработкой, и сетей сбыта нефтепродуктов);
- развитие сырьевой базы за счет приобретения контроля над ресурсами за рубежом;
- расширение ассортимента производства, знакомство с современными технологиями и передовым управленческим опытом, обретение налаженных связей по линии сбыта продукции и поставок комплектующих и сырья;
- повышение престижа компании в результате получения транснационального статуса, что способствует развитию партнерских отношений и привлечению инвесторов;
- минимизация налогообложения вследствие отсутствия в России четкой системы контроля за возможным переводом прибылей с использованием внутрикорпоративных операций.

Покупка активов за рубежом способствует уменьшению издержек производства и получению дополнительных конкурентных преимуществ как на

9. Борисов А. Российский бизнес за рубежом // *Международная жизнь*. 2005. – № 2. – С. 104.

внутреннем рынке, так и при экспорте. Это позволяет обезопасить собственные инвестиции, более эффективно защищаться от недружественных поглощений. Притягивающим фактором является и возможность приобретения активов в процессе приватизации, так как в ряде стран ЦВЕ, СНГ, некоторых государствах третьего мира соответствующие конкурсы проходили позднее, чем в России. Кроме того, все большее число компаний ощущает, что работает в рамках глобальной экономики, и это заставляет разрабатывать адекватные стратегии развития.

За счет сочетания ряда перечисленных выше факторов приобретение зарубежного актива часто дает синергетический эффект для развития всего бизнеса материнской компании. Так, «Русал» активно внедряется в Гвинею, занимающую второе место в мире по разведанным запасам бокситов – около 18 млрд. т, или 30% мировых запасов. В мае 2001 г. он получил в управление на 25 лет гвинейскую компанию «Общество бокситов Киндиа» (Societe des bauxites de Kindia (SBK)), являющуюся основным поставщиком сырья для своей «дочки» – Николаевского глиноземного завода. «Русал» участвует и в разработке на условиях концессии значительной части одного из крупнейших в мире бокситового месторождения Диан-Диан (Dian-Dian). В 2005 г. «Русал» приобрел 20% акций одного из крупнейших в мире глиноземного завода Queensland Alumina (QAL), расположенного в австралийском штате Квинсленд. В результате «Русал» получил дополнительно 770 тыс. т глинозема с возможностью ежегодно увеличить этот объем до 1 млн. т за счет увеличения мощности QAL. Это приобретение позволило ему увеличить собственную сырьевую базу на 22%.

В апреле 2006 г. группа «Евраз» приобрела один из крупнейших в мире производителей ванадиевой продукции (около 73%) – американскую Stratcor Inc., принадлежащую компании Strategic Minerals Corporation. Сумма сделки составила 110 млн. долл. Приобретение Stratcor Inc. компенсирует отсутствие у «Евраз» собственных производственных мощностей по переработке ванадия и обеспечит присутствие компании на привлекательных рынках ванадиевых продуктов с высокой добавленной стоимостью. «Евраз» также будет использовать передовые технические разработки и успешный маркетинговый опыт нового актива. В январе 2007 г. та же группа «Евраз» завершила сделку по приобретению компании – производителя труб, стального листа, рельсов и металлопроката Oregon Steel Mills, предприятия которой расположены на западе США в штатах Орегон и Колорадо. Эта сделка, которая стала одной из самых крупных инвестиций российских компаний за рубежом (около 2,3 млрд. долл.), соответствует долгосрочной стратегии расширения бизнеса «Евраз» на высокодоходных рынках готового проката, опирающегося на существующее производство слабов. Приобретение Oregon Steel Mills создает прочную платформу для выхода «Евраз» на привлекательный рынок толстого листа и труб

США и Канады, являющийся одним из наиболее важных в мире. Объединенная компания также станет ведущим мировым производителем рельсов.

Российская нефтяная компания «ЛУКОЙЛ» в августе 2006 г. создала совместное предприятие (СП) со словенской компанией Petrol для реализации нефтепродуктов в странах Юго-Восточной Европы. Доля словенской компании в СП составит 51%, «ЛУКОЙЛу» достанется 49%, однако соглашение предусматривает, что управление предприятием будет осуществляться на паритетной основе. Petrol обязуется внести в уставный капитал СП акции компаний, владеющих автозаправочными станциями (АЗС) в Словении, Хорватии, Боснии и Сербии. «ЛУКОЙЛ» внесет акции своих дочерних структур – сербской Веорепетол и македонской LUKOIL-Macedonia. Укрепление позиций на Балканах в будущем даст «ЛУКОЙЛу» доступ к потребителям Евросоюза. Согласно планам стратегического развития «ЛУКОЙЛа» на 2007–2016 гг., доля российской нефтепереработки уменьшится с более 70% в настоящее время до 56%. При этом его нефтеперерабатывающие мощности увеличатся более чем на 70% (до 2 млн. барр. в сутки). К 2016 г. «ЛУКОЙЛ» планирует выпускать только высокооктановые бензины, а вся продукция будет соответствовать стандарту Евро-5. Реализация этой задачи сделает денежные потоки «ЛУКОЙЛа» более стабильными, менее чувствительными к ценовым колебаниям на рынке нефти, а бизнес более прибыльным.

Приобретение «Норильским никелем» в 2006 г. никелевых активов ОМГ позволит ему получить доступ к новым технологическим решениям, а также к новым рынкам сбыта. Одновременно «Норильский никель» подпишет соглашение с ОМГ сроком на 5 лет и о поставках кобальта. Таким образом, практически весь объем производимого горно-металлургическим комбинатом кобальта будет поставляться американской компании.

Причины приобретения активов могут быть и совсем банальными: их последующая выгодная перепродажа. Причем первоначально эта цель может быть не главной, но в связи с благоприятной конъюнктурой или изменением стратегии компании продажа зарубежного актива может принести доход, который будет предназначен для новых приобретений. Например, в марте 2006 г. «Норильский никель» сначала расстался со значительной частью своих зарубежных активов (за 2 млрд. долл. были проданы 20% акций золотодобывающей компании из ЮАР Gold Fields, приобретенные в 2004 г. за 1,16 млрд. долл.), затем в ноябре 2006 г. приобрел за 408 млн. долл. никелевые активы компании OM Group Inc.

Иностранные активы также могут быть приобретены с целью более выгодного проведения IPO материнской компании на западных рынках. Обладание прозрачными зарубежными активами, как правило, увеличивает привлекательность компании для иностранных инвесторов.

Есть и «выталкивающие» факторы. Во-первых, постепенно исчерпываются возможности доступа к новым активам и все больше ощущается ограниченность важнейших ресурсов внутри страны. Во-вторых, усиливается конкуренция на внутреннем рынке со стороны российских и иностранных компаний, заставляющая искать новые возможности развития. В-третьих, во многих случаях стратегия транснационализации используется бизнесом как фактор снижения своей зависимости от государства, постоянно возраставшей в последние годы. В-четвертых, образование новых международных компаний – это способ избежать претензий со стороны третьих лиц к старым бизнес-структурам. Приобретение активов за рубежом дает возможность обезопасить собственные инвестиции, более эффективно защититься от недружественных поглощений. Кроме того, все большее число компаний ощущает, что работает в рамках глобальной экономики, что заставляет вырабатывать адекватные стратегии развития.

Курс на глобализацию своего бизнеса становится важнейшим элементом долгосрочных планов все большего числа российских компаний. Более того, многие из них не мыслят свое дальнейшее развитие без превращения в глобальные компании.

И это не случайно. Практика показывает, что к условиям глобализации лучше приспосабливаются современные ТНК, использующие разные формы кооперации с малым и средним бизнесом. Есть прогнозы, что в ближайшей перспективе в отдельных отраслях погоду будут делать несколько крупных компаний. Поэтому, для того чтобы стать глобальными компаниями за счет приобретения зарубежных активов или слияния с крупными зарубежными игроками, осталось мало времени.

«ЛУКОЙЛ» в своей перспективной стратегии развития на 2007–2016 гг. планирует направить треть инвестиций на приобретения, в основном за границей. В области добычи компания надеется получить активы и контракты в Ираке, Центральной Азии, Латинской Америке. Расширится розничная сбытовая сеть в Европе. Намечается увеличить долю зарубежной нефтепереработки с менее 30% в настоящее время до 44%. При этом его суммарные нефтеперерабатывающие мощности увеличатся более чем на 70% – до 2 млн. барр. нефти в сутки. К 2016 г. «ЛУКОЙЛ» планирует выпускать только высокооктановые бензины, а вся продукция будет соответствовать стандарту Евро-5. Реализация этой задачи сделает денежные потоки «ЛУКОЙЛа» более стабильными, менее чувствительными к ценовым колебаниям на рынке нефти, а бизнес более прибыльным.

«Газпром» также стремится участвовать в проектах по разведке, добыче, транспортировке и сбыту углеводородов в третьих странах в рамках стратегии «глобального присутствия» компании на мировом рынке нефти и газа, используя при этом как участие в конкурсах и аукционах, так и операции обмена

активами. Особую задачу для него представляет включение газа стран Центральной Азии в свой ресурсный портфель. «Газпром» в перспективе не исключает приобретение акций регазификационных терминалов и других газовых активов в США, что связано с планами монополии по строительству мощностей по сжижению газа в России.

Нефтеперерабатывающие активы хотела бы приобрести за рубежом и «Роснефть». Сейчас из-за дисбаланса между добычей и переработкой компания теряет 2–2,5 млрд. долл. ежегодно.

Стать глобальными намерены ведущие компании мобильной связи. АФК «Система» планирует в ближайшие два-три года слиться с крупной зарубежной компанией. Компания Altimo неоднократно заявляла, что хочет стать партнером крупного международного оператора. Любопытно, что к началу 2006 г. российские компании контролировали, по некоторым оценкам, не менее 3/4 рынка мобильной связи в странах СНГ. В октябре 2006 г. прирост абонентов у российских мобильных операторов внутри страны впервые стал меньше, чем у контролируемых ими компаний мобильной связи в странах СНГ.

Плюсы и минусы зарубежных инвестиций с точки зрения национальных интересов

В связи с бурной глобализацией бизнеса возникает вопрос: насколько корпоративные интересы совпадают с национальными? От ответа на него зависит, как строить государственную политику по отношению к глобализирующимся компаниям. Тем более что в обществе существует определенное негативное отношение к зарубежной экспансии. Согласно проведенному в сентябре 2005 г. опросу ВЦИОМ, 54% респондентов считали, что следует ограничить зарубежную экспансию российского капитала, так как это способствует переводу наших рабочих мест за рубеж и утечке туда же средств российских предприятий; поддерживали зарубежную экспансию всего 21% опрошенных¹⁰.

Для государства к *положительным* моментам вывоза ПИИ относятся:

Укрепление *геополитического* положения страны. Здесь можно сказать о поддержке ведущих американских компаний, в т.ч. заинтересованных в сотрудничестве с Россией, вступления РФ в ВТО; развитии корпоративной интеграции в СНГ (интеграции «снизу»), которая более успешна, чем формальная интеграция; доступе к активам в развивающихся странах, в т.ч. в тех, которым была списана (полностью или частично) задолженность перед РФ (Алжир, Сирия) и т.п.

10. Глобализация и транснационализация российского бизнеса: Мнение общества. М.: ВЦИОМ, 2006. С. 12–13.

Расширение *экспорта* национальных компаний для филиалов ТНК, осуществляющих зарубежную экспансию, а также увеличение доходов других национальных игроков, которые имеют экономические связи с ТНК.

Повышение *конкурентоспособности* ведущих компаний (за счет расширения ресурсной базы, получения новых технологий, управленческого опыта и т.п.), что положительно влияет на рост конкурентоспособности экономики в целом.

Усиление *прозрачности* бизнеса: например, IPO или подготовка инвестиционных меморандумов займов дают больше информации, чем все усилия, предпринимаемые Банком России для раскрытия реальных собственников банков.

Вывоз значительного объема валюты за рубеж облегчает борьбу денежных властей с неоправданным укреплением рубля.

Есть и *отрицательные* моменты.

Насколько оправдан вывоз в таких масштабах: *вывоз капитала* или *невозврат* капитала, заработанного в зарубежных филиалах? Настолько ли эти инвестиции не нужны стране? В России соотношение накопленных, вывезенных и привлеченных прямых инвестиций чуть меньше 1 и уступает только чистым офшорным территориям (см. табл. 2). У крупных же развивающихся стран (Китай, Бразилия, Мексика) это соотношение в пять-шесть раз меньше.

Можно сравнить зарубежные инвестиции с *внутренними* капвложениями в основной капитал, которые в 2005 г. составили в пересчете по номинальному валютному курсу немногим более 120 млрд. долл., и они были всего в четыре раза больше прироста накопленных прямых *зарубежных* инвестиций.

Сокращается *налоговая* база. Интегральный индекс интернационализации практически всех российских ТНК (кроме пароходных компаний) формируется в основном за счет высокого уровня интернационализации продаж. Индексы же интернационализации активов (основной показатель для ТНК) значительно уступают аналогичным показателям ведущих ТНК мира и развивающихся стран.

Ускоряется рост *частной* внешней задолженности, значительная часть которой идет на финансирование сделок по слияниям и поглощениям, т.е. на саму экспансию, со всеми вытекающими из этого макроэкономическими рисками.

Государство само допустило ряд существенных *ошибок* в прошлые годы. Так, были бездарно оставлены наши экономические позиции в Монголии, Вьетнаме и на Кубе. И сейчас мы наблюдаем не очень успешные попытки некоторых российских компаний получить активы в этих странах. Монголия предложила в декабре 2006 г. «Северстали», «Базэлу» и «Ренове», объединившимся для участия в проекте разработки одного из крупнейших в мире месторождений коксующегося угля Таван-Толгой, только 10%.

Необходимость государственной поддержки

Практически все страны оказывают поддержку зарубежной экспансии своих компаний на государственном уровне. Это связано с ужесточением конкуренции на важнейших мировых рынках и, как следствие, с усилением государственного протекционизма. В 2005 г. по данным ЮНКТАД была принята 41 новая ограничительная норма для иностранных инвестиций. В мире развивается нешуточная борьба за природные ресурсы, особенно энергетические. Именно в этой сфере наблюдается существенное усиление протекционизма.

Государственная поддержка необходима и потому, что ведущие российские ТНК значительно уступают зарубежным по размеру внешних активов, по возможности привлекать дополнительные финансовые ресурсы для зарубежной экспансии. Например, у лидирующего по всем показателям транснациональности «ЛУКОЙЛа» размер зарубежных активов в 2004 г. был в 58 раз меньше (в 2003 г. – в 36 раз), чем у General Electric и почти в 20 раз меньше, чем у British Petroleum. В мировой таблице о рангах по зарубежным активам «ЛУКОЙЛ» занимал в 2004 г. только 160-е место.

Хотя нарождающиеся российские ТНК действуют достаточно агрессивно, их присутствие на международном рынке слияний и поглощений незначительно. В 2005 г. объем трансграничных слияний и поглощений оценивался в 716 млрд. долл. Доля в них России составляла менее 1%, что меньше удельного веса России в мировом ВВП и экспорте. В списке 100 ведущих «конкурентов мирового рынка» из стран с быстроразвивающейся экономикой, составленном Boston Consulting Group, только семь российских компаний, тогда как у Китая – 44, а у Бразилии – 12.¹¹

Еще одной причиной необходимости государственной поддержки является огромная роль государственных корпораций. И это порождает ряд проблем. Некоторые страны выступают против экспансии «Газпрома» или РАО «ЕЭС», выдвигая в качестве главной причины отказа от предоставления равных условий конкуренции угрозу усиления влияния России на развитие жизненно важных сфер национальной экономики. Распространены ссылки на криминальные происхождение российских капиталов и непрозрачность российского бизнеса. Но очень часто запугивание российской угрозой является лишь формой недобросовестной конкурентной борьбы или государственного протекционизма.

В некоторых странах оформились целенаправленные стратегии поддержки зарубежной экспансии национального бизнеса. Политику стимулирования за-

11. Зарубежная экспансия российского бизнеса. Форум. Приложение к газете «Ведомости». 2006. – Декабрь. – С. 4.

рубежных инвестиций своих компаний проводят Китай, Малайзия, Сингапур, Республика Корея, Индия, Таиланд, ЮАР, Бразилия, Мексика. Китай принял и успешно осуществляет в различных формах государственную стратегию глобального внешнеэкономического наступления под девизом «Идти во вне» (начала формироваться в середине 90-х годов, официально одобрена в 2000 г.). Важнейшим ее звеном являются зарубежные инвестиции китайских компаний. Министерство коммерции КНР упростило процедуру, по которой китайские компании получают разрешение на инвестирование в 135 стран, включая РФ и другие страны СНГ. В 2004 г. было аннулировано условие об обязательном подтверждении центральными правительственными органами инвестиций китайских предпринимателей за рубежом. Оно стало приниматься на уровне правительства провинций, автономных районов и городов центрального подчинения. Сокращено с 15 до 5 количество документов, необходимых для получения разрешений.

В интересах России также определение приоритетов в государственной поддержке зарубежных проектов российских бизнес-структур.

В Китае, например, приоритет отдается: 1) проектам, увеличивающим обеспеченность национальной экономики природными ресурсами; 2) проектам, способствующим экспорту национальных технологий, товаров и трудовых услуг; 3) приобретению в первую очередь активов, позволяющих использовать в национальной экономике результаты зарубежных исследований, технологические разработки, опыт управления и иностранных специалистов; 4) слияниям и поглощениям, которые способствуют повышению конкурентоспособности китайских предприятий и ускорению их выхода на зарубежные рынки.

Свои приоритеты в зарубежной экспансии определил Казахстан. Лидер самой успешной в экономическом плане страны на постсоветском пространстве Н. Назарбаев в январе 2006 г. выступил на совместном заседании обеих палат парламента с инициативой новой стратегии в отношении зарубежной экспансии казахстанских бизнес-структур. Он заявил, что «Казахстан должен стать учредителем, акционером зарубежных компаний, развивающих новые технологии». По его мнению, наиболее эффективный способ – это участие в процессе инноваций и техническом развитии на начальном этапе. В связи с этим он высказался за необходимость подготовки условий, которые дадут возможность сосредоточить ресурсы на приобретении пакетов акций перспективных компаний по всему миру и тем самым утвердиться в различных отраслевых нишах. Президент Казахстана особо подчеркнул, что «приобретение перспективных зарубежных активов до их выставления на открытые торги представляет собой эффективный способ импорта инноваций»¹².

12. *Прайм-ТАСС, 2006, 18 января.*

В России на сегодняшний день не существует продуманной государственной политики в отношении инвестиционной экспансии бизнеса. Хотя господдержка российских корпоративных структур в реализации их зарубежных проектов усилилась в последние годы, как справедливо отмечал заместитель Министра иностранных дел РФ А.И. Денисов, «надо признать, что целостности и последовательности в этой работе недостаточно, механизмы поддержки отечественных производителей и экспортеров пока только формируются. Велика роль субъективного фактора, когда результат в решающей степени зависит от личных качеств чиновника, а не от эффективности системы»¹³. Естественно, это серьезно понижает шансы российского капитала по сравнению с конкурентами из других стран, пользующихся необходимой государственной поддержкой.

Правда, и здесь были исключения. В консорциуме по освоению месторождения Шах-Дениз Россия на начальном этапе полностью «выпала». Лишь в феврале 1996 г. после долгих усилий российского МИДа удалось подписать меморандум об участии в проекте «ЛУКОЙЛа», причем компания получила вместо просимых 20–30% только 10%. Другие российские компании, желавшие присоединиться к проекту («СИДАНКО», «Роснефть», «ЮКОС»), не получили ничего¹⁴.

Естественно, государственная поддержка не должна оказываться к любым зарубежным проектам бизнеса. Ее *приоритетами* должны быть: модернизация экономики страны, трансформация сырьевой структуры экономики и экспорта, лучшая сырьевая обеспеченность промышленности и насыщение внутреннего рынка товарами и услугами, восстановление утраченных позиций российских предприятий на некогда освоенных международных рынках, снижение дефицита трудовых ресурсов, уменьшение загрязненности окружающей среды, конверсия финансовой задолженности зарубежных стран и т.п. Профессор Университета Делавэра С. Лопатников полагает, что энергетические деньги могут обеспечить переход к инновационной модели развития, «если их соответственно использовать: создавать на российской основе транснациональные компании, приобретать в странах более дешевого труда предприятия и организовывать на них нужные России производства, а в самой России готовить кадры высокой квалификации»¹⁵.

Учитывая возросшую конкуренцию на глобальных рынках, уместно поставить вопрос о специальной поддержке на самом высоком уровне некоторых крупных проектов в ближнем и дальнем зарубежье. Необходимость такой под-

13. Денисов А.И. Бизнес стал понимать: Обходить посольства – не в его интересах // *Международная жизнь*. 2004. – № 6. – С. 26.

14. www.eurasia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=977.

15. *Ведомости*. 2006. – 30 января. – С. Б. 4.

держки все острее ощущается российскими корпоративными структурами. Так, во время встречи в декабре 2005 г. президента «Интерроса» В. Потанина с В. Путиным бизнесмен попросил Президента РФ о помощи в реализации инвестиций в Казахстане и Узбекистане. Эту необходимость Потанин объяснил так: «Проект абсолютно коммерческий, но, когда мы чувствуем за спиной государство, нам как-то легче».¹⁶

Одновременно следует более ответственно подходить к отбору компаний и проектов, которым может быть оказана поддержка. В ряде случаев такая политика не всегда объективно обоснована и во многом определяется связями конкретных владельцев компаний с руководством страны.¹⁷

Здесь должны учитываться как состоятельность самой компании, так и значение зарубежного проекта с точки зрения общеэкономической эффективности. Поддержка не должна способствовать получению необоснованных преимуществ перед другими российскими компаниями, т.е. государство не должно вовлекаться в недобросовестную внутреннюю конкуренцию.

В настоящее время государственная поддержка может сыграть позитивную роль в реализации планов российских компаний, стремящихся к приобретению активов в ближнем зарубежье. Особенно это касается таких стратегически важных вопросов как цены на топливно-сырьевую продукцию, поставляемую в страны СНГ, которые могут использоваться при получении активов в странах-импортерах. Без мощной поддержки государства такие сделки были бы невозможны.

□ Среди основных направлений государственной поддержки инвестиций российских компаний за рубежом можно назвать:

- – более тесное согласование интересов инвесторов и стран, получающих инвестиции;

- – обеспечение взаимная взаимной защита защиты прав отечественных и иностранных инвесторов, устранение либо снижение вероятности наступления так называемых некоммерческих рисков;

- – устранение двойного налогообложения иностранных инвесторов и российских инвесторов, осуществляющих зарубежные инвестиции;

- – участие государства в софинансировании проектов за рубежом с национальными государственными и частными корпорациями, в том числе путем продажи с дисконтом дебиторской задолженности стран СНГ, зарубежной недвижимости и других активов или временной передачи прав на управление ими, предоставления гарантий по займам;

16. Ведомости. 2005. – 16 декабря. – С. Б. 2.

17. Подобная поддержка была оказана Президентом РФ «Альфа-Групп», что стало основным фактором, позволившим ей приобрести активы в Турции.

- – совершенствование законодательства, регулирующего вывоз инвестиций;

□ – создание финансовых и других институтов, способствующих реализации зарубежных инвестиций.

Особо необходимо отметить связь между внутренними условиями и возможностями для зарубежных инвестиций российского бизнеса. Последние слияния и поглощения вызвали на Западе неоднозначную реакцию. Канцлер Германии Ангела Меркель, чья страна с 1 января возглавила Европейский союз, заявила, что Европа может заблокировать экспансию российского бизнеса, если Москва будет чинить препятствия европейским инвесторам¹⁸. Поэтому встает задача при выработке новых правил для иностранных инвесторов внутри России учитывать и интересы российского бизнеса в зарубежных инвестициях.

Одним из направлений такого подхода уже стал обмен ликвидными активами, которые были бы в ином варианте практически недоступны для инвесторов. Многое здесь также зависит от государственной политики, которая может как поощрять, так и отторгать подобные сделки.

Обмен активами с иностранными инвесторами начал использовать «Газпром». С немецкой Wintershal (100%-ная «дочка» химического концерна BASF) «Газпром» обменял 25% минус 1 акция голосующих и 10% привилегированных акций своей «дочки» «СевернефтеГазпрома», владеющего лицензией на разработку Южно-Русского газового месторождения, на 15% минус 1 акция компании Wingas (35% акций этой компании уже есть у «Газпрома»), которая владеет магистральными газопроводами в Германии и арендует одно из крупнейших в мире подземных газохранилищ Reden. Южно-Русское газовое месторождение станет главной сырьевой базой для Северо-Европейского газопровода, который пройдет из Выборга через Балтийское море в немецкий Грейфсвальд. Кроме того, Wintershal отдаст в счет данного зачета 49% акций в своих нефтяных концессиях «С 97» и «С 98» в Ливии.

В обмен на 25%-ное участие E.ON в разработке Южно-Русского газового месторождения «Газпром» получит 50% минус 1 акция в двух венгерских дочках E.ON - E.ON Foldgaz Storage (подземные хранилища Венгрии) и E.ON. Foldgaz Trade (газотрейдер). Первоначально речь шла о 13 фирмах, находящихся в собственности германской компании (венгерские, болгарские и чешские предприятия газового и коммунального сектора), но немцев такой вариант обмена не устроил.

«Газпром» также предложил участие в строительстве Северо-Европейского газопровода голландской компании Nederlandse Gasunie, которая получит до 9% акций создаваемого для этих целей консорциума, а взамен от-

18. *The Times*. 2007. – 9.01.

кроет российскому газу дорогу в Великобританию через сооружаемый ею совместно с E.ON и бельгийской Fluxys новый газопровод из Голландии.

«Газпром» в январе 2007 г. предложил алжирской компании Sonatrach восемь месторождений для обмена активами, из которых алжирская сторона отобрала четыре. Сейчас алжирская сторона формирует свое предложение для «Газпрома». «Газпром» также предложил алжирской стороне участвовать в проекте Балтийского завода по производству сжиженного природного газа¹⁹.

Конечно, использование подобной формы сотрудничества требует взвешенного подхода, а также известной гибкости и последовательности. Например, «Газпром» первоначально заявлял о своем намерении разменять права на участие в разработке Штокмановского месторождения газа в Баренцевом море на различные активы заинтересованных западных инвесторов. Однако впоследствии отказался от подобного сотрудничества на том основании, что не получил выгодных предложений. Однако некоторые эксперты считают, что отказ от размена активами был прежде всего продиктован новыми оценками запасов месторождения и благоприятными прогнозами цен на газ. И только заявление Президента РФ В. Путина о том, что иностранцы смогут принять участие в разработке Штокмановского месторождения, несколько успокоило инвесторов.

В регионе СНГ обмен активами потребует от России отказа от психологии «старшего брата», упорно требующего «лакомые» куски собственности за предоставлявшиеся в течение многих лет и даваемые сейчас льготы и кредиты «лакомые» куски собственности. Определенные проблемы будут возникать и при оценке активов и поиске взаимоприемлемых пропорций обмена. В большинстве случаев потребуются компромиссные решения, которые должны удовлетворять интересы всех партнеров.

Следует создать нормальную институциональную среду для зарубежных инвестиций российского бизнеса. Важнейшей ее частью являются двусторонние межправительственные соглашения о поощрении и взаимной защите капиталовложений. С 1991 по 2005 гг. России Россией было подписано всего 57 таких соглашений (при этом в 2000–2005 гг. – всего 7), из них вступило в силу 36. Китай Для сравнения: Китай имел на февраль 2006 г. 116 таких двусторонних подобных соглашений. Поэтому нужно ускорить работу по заключению таких двусторонних соглашений, равно как и включая соглашений соглашения об избежании двойного налогообложения.

Кроме того, необходимо в полной мере использовать вступление России в ВТО, где действует ряд соглашений, касающихся сферы инвестиционного регулирования. Важнейшим из них является Соглашение по торговым аспектам инвестиций (– Agreement on Trade-Related Investment Measures, сокр. TRIM),

19. *www.gazeta.ru* (2007. 21 января).

вступившее в силу с 1 января 1995 г. Главная идея TRIM состоит в уменьшении возможного ограничительного эффекта инвестиций на торговлю. Чтобы избежать этого, страны-участницы не должны применять прибегать к мерам, связанных с торговыми аспектами инвестиций, которые несовместимы со статьей III ГАТТ-94. Подобное обязательство требует применения национального режима и полной ликвидации количественных ограничений. TRIM требует применения недискриминационного и справедливого режима подхода – безусловного режима наибольшего благоприятствования и де-факто стандартного инвестиционного режима.

России также нужно активнее использовать специализированные институты группы Всемирного банка – Международное агентство по инвестиционным гарантиям (МАГИ), членом которого она является, и Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС), в который Россия пока не вступила. В марте 2006 г. с таким предложением о вступлении обратилось само МАГИ, которое работает более чем в 160 странах мира. Агентство занимается страхованием от политических рисков путем выдачи гарантий в случае возможных потерь от вложений частных инвесторов. Одно из его преимуществ заключается в том, что МАГИ осуществляет долгосрочное страхование сроком до 15–20 лет. Еще один плюс состоит в том, что – благодаря участию в проектах МАГИ, снижаются и ставки по кредитам, которые банки предоставляют инвестору. В некоторых случаях, когда речь идет об очень большом проекте, МАГИ участвует в нем как страховщик первого уровня при поддержке частных страховых компаний.

Дополнительные возможности для роста зарубежных инвестиций могут дать усилия государства по ряду направлений в рамках существующих интеграционных объединений стран СНГ (в частности, соглашение в области инвестиционного сотрудничества в ЕврАзЭС).

Помимо политической и дипломатической помощи необходимо усилить финансовую поддержку осуществляющим зарубежную экспансию компаниям. Сейчас фонд страхования экспортных кредитов, хотя и несколько увеличился в 2006–2007 гг., очень мал. Он не может обеспечить радикального изменения структуры нашего экспорта в пользу обрабатывающих отраслей промышленности. Одной из форм поддержки экспорта может стать субсидирование процентной ставки по кредитам, полученным для обеспечения экспорта прогрессивной с точки зрения совершенствования его структуры продукции. В декабре 2006 г. Минпромэнерго опубликовало перечень из 22 экспортеров промышленной продукции, в основном машиностроения, которым будет возмещена часть затрат на уплату процентов по кредитам, полученным в российских банках. Такая практика стала должна быть расширена.

Любопытно, что в 1980-х годах Япония активно использовала накопленные валютные резервы для поддержки собственных компаний за границей.

Стоит подумать и о создании специализированного агентства по иностранным инвестициям за рубежом. Такое агентство могло бы сочетать функции по координации и стимулированию стимулирования зарубежных инвестиций, и поа также страхованию страхования экспортных кредитов. Подобная практика существует в Австрии, Франции, Венгрии, Италии, США, Японии, Норвегии, Словении, Испании (Каталонии), Бразилии, Ямайке, Кении, Марокко, Омане, Сингапуре.

В США, например, одним из специализированных государственных агентств, осуществляющих страхование имущественных интересов инвесторов, является Корпорация частных зарубежных инвестиций. Это специализированное агентство учреждено в 1969 году г. специальной поправкой к законодательному акту федерального правительства США 1961 г. о зарубежной помощи. Оно оказывает поддержку американским инвесторам в зарубежных странах по ряду программ, в которые входит страхование имущественных интересов инвесторов от политических рисков, связанных с экспроприацией или национализацией, необратимостью перевода местной валюты в свободно конвертируемую, повреждением имущества или потерей прибыли в результате гражданских волнений и войн, изменением политического режима и т.п. Деятельность корпорации охватывает американские инвестиции в 140 странах. За все время деятельности существования корпорации ею были застрахованы капиталовложения на сумму примерно 10 млрд. долл.

С целью продвижения американских товаров и капитала были разработаны концепция Национальной стратегии экспорта и новая доктрина «дипломатического треугольника», представляющего собой постоянное взаимодействие по линии «правительство – государственный департамент – компания». Благодаря активному активной участию поддержке Госдепартамента ом США в продвижении частного американского бизнеса, по некоторым оценкам, почти половина всех прибылей американских компаний за рубежом обеспечивается при помощи тех или иных звеньев дипломатической системы²⁰.

Широкий круг страховых рисков покрывает страхование, осуществляемое в рамках подразделения страхования экспорта Министерства внешней торговли и промышленности Японии.

20. Петров А. Россия остается экономически пассивной // *Международная жизнь*. 2005. – № 12. – С. 129–130.

В целях создания более благоприятных условий для китайских инвестиций за рубежом центральным правительством Китая и рядом провинциальных администраций разрабатываются различные стимулирующие меры с использованием налоговых, таможенных, валютных и других механизмов. В частности, с 1 января 2003 г. были упрощены правила обмена валюты и отменен ряд ограничений на покупку-продажу иностранной валюты китайскими компаниями. Это, естественно, облегчило доступ потенциальных китайских инвесторов к валютным ресурсам, необходимым для ведения зарубежных операций. Кроме того, Дальнейшему расширению инвестиционной деятельности за рубежом служит введение ее страхования. Китайская экспортно-кредитная страховая компания защищает китайских инвесторов от рисков, связанных с налогообложением, ограничениями по конвертации, военными действиями и нарушениями правительствами стран-реципиентов соглашений об инвестировании правительствами стран-реципиентов.

Для обеспечения зарубежной экспансии бизнеса в Казахстане намечается создать экспортно-импортный банк, который взаимодействовал бы с соответствующими агентствами передовых стран и помог бы казахстанским предприятиям включиться в реализацию больших международных проектов.

В России также необходимо также разработать специальный закон о принципах поддержки инвестиций российской российских компаний за рубежом, так как при таком сотрудничестве часто поскольку на предпринимательские риски часто накладываются различные форсмажорные обстоятельства, включая политические факторы. Такой закон не могут заменить меры по либерализации вывоза российских капиталов за рубеж, а также многосторонние и двусторонние договоры, касающиеся этой сферы.

Может быть поднят вопрос о создании государственной инвестиционной компании, которая занималась бы коммерческими инвестициями внутри страны и во вне. В России в прошлом были попытки создания таких институтов, но они являлись скорее «отступными» для высокопоставленных чиновников, ушедших в отставку (бывший министр экономики А. Нечаев, бывший руководитель администрации Ельцина Ю. Петров). Этим компаниям выделялись государственные ресурсы, но государство практически не принимало участие участия в их деятельности.

Словом, пора уже разработать определенную государственную политику в отношении зарубежных инвестиций, которая учитывала бы все эти новые условия и аспекты современного экономического развития. Иначе возможны существенные потери, которые не просто будет компенсировать в дальнейшем.

С.В.Колчин

ЗАПАДНЫЙ И ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОРЫ В РОССИЙСКОЙ НЕФТЕГАЗОВОЙ ПОЛИТИКЕ: ВЗАИМОДОПОЛНЕНИЕ ИЛИ КОНКУРЕНЦИЯ?*

Колчин Сергей Всеволодович – доктор
экономических наук, главный научный
сотрудник ИЭ РАН.

Традиционно советский, а затем российский нефтегазовый экспорт был ориентирован на европейский рынок. Этому способствовали и сложившиеся направления маршрутов этого экспорта, включая задачи по обеспечению энергоресурсами партнеров в Восточной Европе и устойчивый платежеспособный спрос на российские энергоресурсы в Западной Европе.

Лишь в последнее время возникла дилемма: поставлять российские энергоресурсы по-прежнему, в основном, в Европу или переориентировать потоки их экспорта на Восток. И это сразу вызвало серьезные волнения в мировом сообществе. Основным сигналом стало заявление российского президента В. Путина о том, что Россия в ближайшие годы готова переориентировать до 30% своего нефтегазового экспорта на восточные рынки. Запад на это заявление отреагировал довольно болезненно и его пришлось успокаивать.

В этой связи, на наш взгляд, возникает необходимость углубленного анализа различных вариантов нефтегазового экспорта России (в географическом плане) и всех сопряженных с этим факторов.

Аргументы в пользу переориентации российского нефтегазового экспорта на Восток, безусловно, есть. Приведем хотя бы основные из них:

1. В Восточной и Южной Азии сформировался, пожалуй, наиболее емкий рынок сбыта нефти и газа, поддерживаемый стабильно высокими темпами экономического роста и энергопотребления в регионе. Здесь же накоплены и

** Доклад, составленный на основе исследования, проводимого по проекту РГНФ № 05-03-14007 «Изменяющаяся Россия и Восточная Европа: Проблемы и перспективы развития в условиях расширения ЕС на Восток».*

беспрецедентно крупные свободные финансовые ресурсы, готовые для инвестиций.

2. Азиатские потребители нефти и газа в отличие от европейских не отягощают свои отношения с поставщиками дополнительными политическими условиями.

3. В России основные, пока не задействованные ресурсы нефти и газа расположены на Востоке – за Уральским хребтом – в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Кроме того, развитие восточного направления топливного экспорта соответствует и внутрироссийским задачам, в частности, созданию инфраструктуры нефте- и газоснабжения в восточных регионах страны, где пока она развита слабо.

На Востоке для России отсутствуют проблемы взаимоотношений с транзитными государствами из числа республик бывшего СССР, так как есть непосредственные границы с потребителями, без ненужных и непредсказуемых посредников.

Кроме того на рынки Китая и других стран Азии активно стремятся наши новые конкуренты из числа бывших среднеазиатских республик СССР, отрезанные от европейских рынков Россией. И последняя вполне может опоздать с внедрением на азиатские рынки и получить неблагоприятные конкурентные условия, хотя емкость этих рынков, на наш взгляд, способна обеспечить присутствие на них различных поставщиков.

Вместе с тем подобная переориентация безусловно связана и ограничена рядом проблем.

Во-первых, игра вокруг перенаправленности российских нефтегазовых потоков с европейского направления на азиатское носит, во многом, политический характер. Все заинтересованные стороны пока лишь демонстрируют свои потенциальные возможности, стремясь заранее добиться дополнительных выгод.

Во-вторых, встает вопрос о том, насколько сама Россия способна обеспечить ресурсами «игру на два фронта». Он активно муссируется, особенно на Западе. И надо сказать, небезосновательно. Можно вспомнить широко разрекламированный проект строительства второй ветки газопровода Ямал–Западная Европа, который не состоялся потому, что добывающая база не обеспечила полной загрузки газопровода, а строить его только из-за того, чтобы сменить транзитную зависимость от Украины на аналогичную от Белоруссии, было бы неэффективным. В подтверждение этого тезиса можно привести последние действия Минтопэнерго и Транснефти по сохранению нефтепровода в обход Белоруссии.

В-третьих, высказываются опасения, что восточная ориентация энергоэкспорта России мало чего даст нашей стране помимо валютной выручки и может привести к очередному витку сырьевого донорства, только уже в отноше-

нии Китая и других азиатских государств. Действительно, эти страны, за исключением, может быть, Японии, мало что готовы предложить России в плане технологий, создания новых рабочих мест, экологической безопасности и пр. С этих позиций у Европы явное преимущество.

На все эти вопросы постараемся ответить позднее, а пока рассмотрим подробнее оба основных направления российского энергоэкспорта – западное и восточное.

Западный вектор. ЭнергодIALOG Россия–ЕС активизировался в начале XXI столетия в связи с обострением ситуации на мировом нефтегазовом рынке. Российские энергоносители стали стоить заметно дороже, а спрос на них существенно возрос.

При этом Россия была и остается традиционным, надежным поставщиком энергоносителей в Евросоюз. Россия обеспечивает 16% потребления нефти в ЕС и более 20% потребления газа в регионе. ЕС заинтересован в сохранении роли России как поставщика нефти и газа. Одним из главных результатов саммита между ЕС и Россией в октябре 2000 г. стало решение о начале полномасштабного энергетического диалога между сторонами с целью создания широкого и стабильного партнерства и повышения надежности поставок энергоносителей. На последующих саммитах ЕС–Россия были определены важные принципы практической реализации стратегического партнерства сторон.

Тем не менее к середине нынешнего десятилетия сформировались и определенные противоречия в энергетическом взаимодействии: ЕС–Россия. Европа обеспокоена своей растущей энергозависимостью от России. Причем чаще всего эта обеспокоенность проявляется в высказываниях политиков.

Однако идея о том, что Россия начинает диктовать свои условия европартнерам, не находит поддержки в бизнес-структурах Европы. Так, глава компании «E.ON» Вульф Бернонат назвал это «полной чепухой», отрицая тот факт, что Россия шантажирует Европу, угрожая перенаправить газовые поставки, если та будет продолжать препятствовать экспансионистским амбициям российского энергетического гиганта «Газпром».

Еще один крупный бизнесмен, глава итальянской энергетической корпорации «ENI» Паоле Скарони отметил, что пикировки «Газпрома» и Европы по поводу поставок газа могут дорого обойтись миру. Подобное развитие событий, по его мнению, способно лишь привести к созданию «газового ОПЕК», основными силами в котором станут ведущие поставщики природного газа в ЕС–Россия и Алжир, возможно – Иран. Это будет несомненным ударом по Европе, которая привыкла покупать газ, успешно играя на противоречиях между поставщиками, добываясь приемлемых для нее цен. «Если три или четыре ведущих страны – экспортеры природного газа создадут собственную коорди-

национную структуру, то она будет весьма эффективной и влиятельной», – предупредил П. Скарони¹.

Россия, однако, пока не драматизирует своих противоречий с ЕС, стремясь к налаживанию взаимовыгодного сотрудничества. Наша страна со своей стороны считает, что энергетический диалог с ЕС является важным аспектом сотрудничества, включая в себя поставки энергоносителей странам Центральной и Западной Европы с параллельным привлечением инвестиций европейского капитала в развитие энергетического сектора России.

Следствием этих действий российской стороны является налаживание новых нефтегазовых маршрутов транспортировки энергоносителей, тесно связывающих российский нефтегазовый комплекс с европейскими рынками.

Балтийская трубопроводная система (БТС). В начале апреля 2006 г. в порту Приморск состоялось весьма значимое для всего нефтяного комплекса России событие – пуск Балтийской трубопроводной системы на проектную мощность 65 млн. т нефти в год и открытие второго причала порта для загрузки танкерных судов. Реализация проекта БТС предполагает создание нового экспортного маршрута для доставки нефти из России до Роттердама (Голландия). Событие вызвало весьма заметный резонанс на самом верху российской правящей элиты. Как заявил президент России В. Путин, «это большой шаг вперед в развитии инфраструктуры, который повышает возможности России по выходу на мировые рынки и является вкладом в развитие энергетической безопасности в мире»². В итоге, можно констатировать, что Россия развила свою нефтетранспортную сеть, а также, помимо прочего, получила международный экологический сертификат, а Приморск – это крупнейший терминал на пути перегрузки нефти в Западную Европу и Северную Америку, который стал, по мнению специалистов, одним из лучших нефтеперевалочных портов в Европе.

Выигрыш России от реализации данного проекта достаточно очевиден.

Во-первых, это выход страны из транзитной зависимости от бывших партнеров по СССР. Экспорт российской нефти на Балтике осуществлялся ранее через латвийский Вентспилс и литовскую Бутингу. По оценкам экспертов, потери России от высоких транспортных и перевалочных тарифов составляли 3–4 долл. с тонны нефти. Нетрудно посчитать, что теперь это даст 200–300 млн. долл. экономии в год (стоимость строительства всего комплекса БТС – нефтепровод+портовые сооружения оценивается в 2,2 млрд. долл.).

Во-вторых, это заметное сокращение транспортного «плеча», имеются в виду поставки нефти с севера России напрямую в Европу, разгрузку российских нефтеперевалочных портов на Черном море (Новороссийск, Туапсе). Ос-

1. www.neftegaz.ru

2. www.neftegaz.ru, 2006

тавившись в результате распада СССР практически без собственных нефтеперевалочных мощностей, отошедших к странам Балтии и Украине, Россия была вынуждена чрезмерно усилить нагрузку на оставшиеся у нее порты. Однако здесь она натолкнулась на противодействие Турции, контролирующей черноморские проливы.

Таким образом, позитивный эффект от состоявшегося пуска БТС на полную мощность очевиден, но в плане среднесрочной перспективы развития российского нефтяного комплекса остается ряд нерешенных вопросов. Главный из них состоит в том, насколько ускоренное развитие нефтетранспортных мощностей в России соответствует ее добывающим возможностям.

Северо-Европейский газопровод и освоение Штокмановского месторождения. Создание новой энерготранспортной магистрали, пожалуй, еще более важно как для России, так и для ее европейских партнеров, так как решает сразу несколько задач – обход транзитных территорий бывших союзных республик, расширение географии газотранспортных потоков, сокращение транспортных тарифов.

В сентябре 2005 г. было подписано принципиальное соглашение о строительстве прямой трассы газоснабжения между Россией и Германией. Проект Северо-Европейского газопровода (СЕГ) с легкой руки недовольных стран Балтии, Польши, Украины тут же получил название «пакт Путина–Шрёдера». Недовольство прежних «транзитных» стран понятно, но политики в данном проекте, на наш взгляд, намного меньше, чем экономики. Речь идет, прежде всего, об организации прямого коридора для поставок газа от основного его производителя (России), располагающего сейчас четвертью мировых запасов газа, до крупнейшего рынка сбыта (Западная Европа), причем это не только Германия, но и другие страны. Надо упомянуть, что ресурсы альтернативных газодобытчиков в регионе (Норвегия, Голландия, Великобритания) сейчас близки к исчерпанию.

ОАО «Газпром», BASF AG и E.ON AG подписали принципиальное соглашение о строительстве «Северо-Европейского газопровода», трасса которого пройдет через акваторию Балтийского моря. В соответствии с подписанным соглашением партнеры намереваются создать совместное германо-российское предприятие, в капитале которого «Газпрому» будет принадлежать 51%, а компаниям BASF и E.ON – по 24,5%.

Как отмечают европейские официальные лица, эксперты и средства массовой информации, стабильность энергетических поставок для Европы на ближайшие десятилетия прямо зависит от отношений с Россией.

Проект стал возможным только в условиях нынешней, весьма благоприятной конъюнктуры мировых цен на энергоносители. Напомним, что ранее с не меньшим ажиотажем обсуждались другие газотранспортные проекты для России: прокладка дополнительной ветки газопровода «Западная Сибирь–

Западная Европа» через Белоруссию и трасса «Голубой поток» в Турцию. Но в тогдашних условиях оба этих проекта, мягко говоря, не оправдали ожиданий. По первому выяснилось, что России просто нечем наполнить новую трубу, без масштабных инвестиций в газодобычу, а западные партнеры охотно предоставляли кредиты «Газпрому», но не шли на прямые инвестиции. Кроме того, транзитная зависимость от Минска на поверку оказалась для России не лучше, чем от Киева. По второму – турки внезапно отказались от покупки всего предлагаемого им газа по мировым ценам. Ситуация затем была урегулирована, но проблемы – налицо.

Теперь положение коренным образом изменилось. Очевидно, что нынешние топливные цены повысились всерьез и надолго. Мировые нефтегазовые гиганты готовы напрямую инвестировать свои средства и в российскую газодобычу, и в строительство инфраструктурных и газоперерабатывающих объектов, причем между ними даже наметилась конкуренция за право участия в проектах «Газпрома». Более того, они уже готовы поделиться с Россией прибылями и собственностью в сфере газоснабжения потребителей в Европе. Соответственно можно утверждать, что давно известные проекты освоения гигантских газовых месторождений на севере России (Заполярье, Приразломное, Штокмановское, Южно-Русское и др.) становятся сейчас вполне рентабельными. Сырьевой базой для СЕГ скорее всего станет Штокмановское газоконденсатное месторождение (в качестве позитивного посыла для его освоения отметим и достигнутое продвижение в сфере технологий морской газодобычи, в сложных приполярных условиях).

Попробуем, все же, непредвзято разобраться в сложившейся вокруг Штокмановского проекта ситуации.

1. Данный проект по своим масштабам и ресурсам является уникальным, и альтернатив ему пока не просматривается. В нем равно заинтересованы и Россия, и потенциальные потребители газа. Ситуация со спросом и ценами на природный газ в мире вряд ли претерпит заметные изменения в ближайшей перспективе. Соответственно, актуальность проекта сохраняется.

2. Заинтересованность России в западном участии в своих энергетических проектах существенно изменилась. Речь уже не идет о простых финансовых вливаниях в российский ТЭК, свободных средств достаточно и у государства, и у «Газпрома». В то же время Россия, по-прежнему остро заинтересована в притоке технологий, по крайней мере в двух сферах.

Во-первых, это организация газодобычи в шельфовых зонах северных морей, где она практически не имеет достаточного опыта (научно-теоретические и опытные разработки – не в счет). Здесь, несомненно, важен опыт той же Норвегии. Ясно, что осваивать шельф без привлечения западных технологий России будет сложно.

Во-вторых, это организация производства сжиженного природного газа максимально близка к местам газодобычи, строительство заводов по производству СПГ.

В обоих случаях Россия готова пойти на компромиссы с западными партнерами, но степень этих компромиссов еще предстоит определить, что пока на стадии проектной подготовки сделать трудно.

3. Тезис о размене активов между Россией и ее возможными западными партнерами остается актуальным, но, судя по последним событиям, такой размен не был достигнут. Надо отметить, что партнеры «Газпрома» приняли идею размена вполне адекватно. Но, видимо, активы, предлагаемые ими в обмен своей доли в Штокмане, не были восприняты в России как равноценные. Тем не менее ресурсы для размена у партнеров несомненно есть. Вопрос требует дальнейшего согласования.

При этом, однако, нашей стране важно не «заиграться» в ходе торгов с зарубежными партнерами. Подобные прецеденты уже имели место, например в ходе подготовки к освоению ресурсов Ямала. Многие, ранее заявленные проекты газодобычи и транспортировки газа в результате серьезно запаздывают по сравнению с первоначально обозначенными сроками.

По мнению многих экспертов, до 2010 г. в России ожидается заметное снижение газодобычи на основных старых месторождениях (Уренгой, Надым, Ямал). В этих условиях ввод в эксплуатацию новых месторождений позволит лишь компенсировать выбытие ресурсов на разрабатываемых участках, а задача состоит в значительном наращивании газодобычи. Наличие у «Газпрома» значительных собственных финансовых резервов при этом не гарантирует ему быстрой окупаемости инвестиций, поэтому заинтересованность России в привлечении к сотрудничеству крупнейших зарубежных энергокомпаний сохраняется. В этой связи состоявшиеся предварительные решения по Штокману, на наш взгляд, следует рассматривать именно как предварительные, как элемент затяжного торга между заинтересованными сторонами, в котором последние используют самые различные аргументы: политические, финансовые, пропагандистские и т.п.

При этом противостояние «Газпрома» и Европы перешло все-таки в открытую стадию. ЕС уже открыто говорит о том, что не намерен видеть «Газпром» ни акционером, ни поставщиком в крупнейших газовых проектах Старого Света. Речь идет о строительстве новых газопроводов в Греции и Турции, которые «Газпром» рассматривал как альтернативный маршрут поставок газа в обход Украины.

Рассмотрим и еще один обозначенный выше сюжет. Речь идет об оценках ресурсного потенциала России разными экспертами и международными организациями.

По нефти особых противоречий нет. По газу дела обстоят иначе. Оценка доли России в мировых запасах природного газа действительно заметно менялась в зависимости от самого оценщика. По данным различных источников, она колеблется от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{4}$. В любом случае эта доля является, на наш взгляд, определяющей для ситуации на мировом газовом рынке. Разведанных запасов природного газа в мире – порядка 150 трлн. м³ – хватит для экономического развития примерно на 70 лет. Россия в этом плане явно лидирует, исходя из своих запасов и энергопотребления (обеспеченность страны газом значительно выше среднемирового показателя). Кроме того, по оценкам Геологической службы США 25% еще не открытых запасов нефти и газа находятся в арктических районах, прежде всего в России.

Вопрос состоит в том, насколько приполярные, шельфовые (в Северных морях) ресурсы газа в месторождениях России готовы для промышленной эксплуатации и способны уже в ближайшее время дать экспортную отдачу. Нынешнее положение на рынке газа и имеющиеся мощности по разработке труднодоступных месторождений газа на Крайнем Севере и на шельфе полярных морей позволяют сейчас говорить о достаточной рентабельности разработки этих месторождений, в отличие от ситуации середины 90-х годов прошлого века. Подоспели и соответствующие технологии.

В итоге, на наш взгляд, сейчас в вопросах мирового газообеспечения преобладают скорее политические мотивы, которые и определяют остроту дискуссии вокруг газовых потенциалов России. Хотя озабоченность Запада больше всего связана не с этой проблемой, а с опасениями по поводу общей направленности энергетической политики России.

В этой связи вернемся к оценке мировых запасов газа. Существует реальная возможность создания «газового ОПЕК». Если на долю России приходится более $\frac{1}{4}$ мировых запасов природного газа, Ирана – 15%, то даже эти две страны обладают «контрольным пакетом» в мировом газораспределении, что не может не тревожить основных потребителей газа. Приведем и другие оценки: $\frac{3}{4}$ мировых запасов природного газа сконцентрировано на Ближнем и Среднем Востоке и на территории бывшего СССР. Это еще более впечатляющая цифра, и она, естественно, будоражит общественное мнение на Западе, учитывая тот факт, что природный газ выходит на передовые позиции в мировом энергопотреблении. В частности, опальному Ирану, по имеющимся оценкам, в 2020 г. будет принадлежать 15% мировых запасов газа, а Россия рассматривается на Западе чаще всего как государство, диктующее свои позиции партнерам, исходя из собственных политических интересов. Отсюда новая волна «русофобии», прежде всего в политических кругах Евросоюза и США.

Восточный вектор. Наша страна претендует на роль одного из основных гарантов мировой энергетической стабильности в силу ее лидирующих позиций в экспорте нефти и газа. В то же время она все более обращает свои воз-

ры на Восток, учитывая реалии мирового энергопотребления и свои собственные интересы в сфере экспорта энергоносителей. Поэтому восточный вектор российского нефтегазового экспорта становится все более значимым.

Для оценки перспектив российского нефтегазового экспорта в восточном направлении нужно, по нашему мнению, прежде всего ответить на два основных вопроса. Первый – насколько поворот на Восток соответствует национальным интересам России и реалиям мирового рынка. Второй – насколько он возможен и обеспечен ресурсами в ближайшей перспективе.

При ответе на первый вопрос сошлемся на оценки международных экспертов и мировой прессы.

Как пишет британская «The Times», мир стоит перед угрозой нового нефтяного конфликта, и виноват в этом, прежде всего, Китай, который конкурирует с существующими мировыми державами за ограниченные ресурсы, необходимые для подпитки растущей экономики.

Согласно докладу «Состояние мира 2006», опубликованному исследовательской организацией Worldwatch Institute, в прошлом году Китай стал вторым в мире импортером нефти после США. В результате Китай уже ищет новых поставщиков от Сибири до Судана, часто заключая сделки со скандальными режимами, такими как бирманская хунта. В частности, Китай с 2009 г. будет ежегодно на протяжении 30 лет закупать у Туркмении 30 млрд. м³ природного газа.

«Наш анализ показывает, что, если бы в двух странах – Индии и Китае – использовалось столько нефти на человека, сколько сейчас используется в Японии, то потребности этих стран превысили бы текущий спрос на нефть во всем мире», – пишет в предисловии к докладу президент «Worldwatch» Кристофер Флэвин³.

Соответственно, для России Китай, Индия плюс Япония, Южная Корея, страны Юго-Восточной Азии становятся весьма привлекательным и надежным рынком сбыта нефти и газа.

Добавим к этому дополнительные аргументы в пользу развития восточного направления российского экспорта энергоресурсов. Во-первых, это возможность параллельного решения энергоснабжения восточных регионов страны, в первую очередь их газификации, в чем пока ощущается явный дефицит. Во-вторых, основная часть «свежих» нефтегазовых ресурсов России расположена в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Логично было бы ориентировать их разработку на потребности и инвестиции ближайших стран-соседей. И в-третьих, на традиционном рынке сбыта российских энергоносителей – в Западной Европе – в последнее время наблюдается озабоченность

3. www.neftegaz.ru, 2006

чрезмерной энергетической зависимостью от России и поиском альтернативных источников энергоснабжения.

Со своей стороны, Россия явно заинтересована в том, чтобы не «хранить все яйца в одной корзине», т.е. в диверсификации своего энергоэкспорта. Таким образом, вопрос об обоснованности российского внимания к восточному рынку сбыта нефти и газа можно считать решенным.

Что же касается конкретных решений в этой области, учитывающих реальные возможности России, то можно отметить следующее. Внимание лидеров мирового энергопотребления в Азии – Китая и Индии – к российским энергоресурсам в последнее время резко возросло и сопровождалось заметной активизацией сотрудничества.

В Китае российские поставки нефти, осуществляемые пока по железной дороге, составили в 2005 г. 11 млн. т (9% от общего импорта страны). Несмотря на планы строительства нефтепровода из России на Восток, железнодорожный вариант поставок остается актуальным. Инициатором таких поставок в свое время выступила компания «ЮКОС». С фактическим уходом ее с российской нефтяной арены роль основного партнера китайцев, видимо, переходит к Роснефти. В пользу этого вывода говорит, в частности, выделение Китаем займа в размере 6 млрд. долл. для покупки Роснефтью Юганскнефтегаза под гарантии поставок последней 48,4 млн. т нефти в Китай на период до 2010 г. включительно. Вместе с тем в 2005 г. Роснефть подписала меморандум с китайской Sinopet о совместной разработке месторождений Магадана, Восточной Сибири и шельфа арктических морей. Позднее китайцы приобрели за 1 млрд. долл. 1% акций Роснефти и в ходе публичного размещения ее акций.

Компании договорились о совместном проведении геологоразведки, а также разработке месторождений нефти и газа, лицензии на которые получила Роснефть или могут быть получены обеими компаниями. Среди «объектов совместного изучения» перечислены месторождения нераспределенного фонда полуострова Магадан, шельфа арктических морей, Восточной Сибири и Якутии. Также в документах назван и Венинский блок Сахалина-3, о совместной разработке которого компании объявили в июне 2006 г. Кроме того, Роснефть обсуждает возможность совместной деятельности на шельфе Сахалина с другой китайской компанией – CNPC.

В связи с активностью российской компании на восточном направлении особо отметим факт закрепления ее контактов с китайской CNPC. Об этом говорит подписанное соглашение между Роснефтью и CNPC о создании совместного предприятия.

Протокол о создании СП подписали 16 октября 2006 г. президент Роснефти Сергей Богданчиков и президент концерна CNPC Чэнь Гэн (Chen Geng). СП называется ООО «Восток Энерджи». Уставный капитал его определен в размере 10 млн. руб., 51% участия в компании будет принадлежать

Роснефти, а 49% – CNPC. Совет директоров предприятия будет состоять из пяти человек, в их числе три человека будут представлять Роснефть и два – CNPC. Основными целями создания совместного предприятия являются обеспечение геолого-поисковых и разведочных работ на территории Российской Федерации, поиск месторождений полезных ископаемых, получение лицензий на различные виды пользования недрами.

Китай заинтересован и в российской нефтепереработке. Китайская компания «Лунцин», в частности, подписала протокол о намерениях, предполагающий инвестиции свыше 120 млн. долл. в строительство нового НПЗ на севере Тюменской области.

Всего же Китай намерен довести объем своих инвестиций в российскую экономику с нынешних 1 млрд. долл. до 12 млрд. долл. – к 2020 г. И, очевидно, что основная часть этих инвестиций ориентирована на российский ТЭК.

Ключевым же вопросом энергетического сотрудничества двух стран остается его транспортное обеспечение – строительство новых нефтепроводов и газопроводов.

При выборе маршрута российского нефтепровода на Восток изначально конкурировали два варианта: на Находку и на Дацин (КНР). Первый лоббировался Японией, и он был признан предпочтительным, так как для России лучше избежать привязки к одному (китайскому) рынку сбыта. Но и он может использоваться для поставок нефти в Китай, поскольку Россия не исключает возможность ответвления нефтепровода на Китай, пропускной мощностью в 30 млн. т нефти в год. Пока окончательной ясности по вопросам вариантов поставки нефти в Китай нет, но что сотрудничество будет развиваться, не подлежит сомнению.

Что касается строительства газопроводов из России в Китай, то здесь пока полной ясности тоже нет. Первоначально предполагалось, что трасса соединит китайских потребителей с Ковыктинским месторождением в Иркутской области (лицензия на его разработку принадлежит ТНК-ВР). Но теперь «Газпром» похоже, намерен заблокировать газ конкурента на российской территории и разрабатывает два собственных варианта – западный, через Алтай и восточный – через Приморье, с опорой на сахалинские месторождения. В пользу последнего говорит и тот факт, что оператор проекта «Сахалин-1» Exxon/Mobil намерен переориентировать предстоящие поставки газа с Японии на Китай.

В октябре 2006 г. «Газпром» и CNPC определили маршрут предстоящей транспортировки газа. Предправления ОАО «Газпром» Алексей Миллер и президент China National Petroleum Corporation (CNPC) Чэнь Гэн определили основные условия организации поставок российского газа в Китай по западному и восточному маршрутам, с учетом приоритетности первого маршрута. Таким образом, организации импорта природного газа из России отводится

особое место. При этом отмечалось, что любые поставки газа из России могут быть осуществлены только через единый экспортный канал при условии приоритетного удовлетворения спроса на газ российских потребителей (это весьма важно для «Газпрома»). Неясным пока остается вопрос о ценах на российский газ для Китая.

Что касается Ковыкты, то ТНК-ВР готова отдать «Газпрому» контроль над Ковыктинским месторождением газа. Компания предлагает монополии создать консорциум, в котором газовому концерну будет принадлежать 50% плюс 1 акция. Но в «Газпроме» утверждают, что Ковыкта компании не нужна.

Другой возможный партнер России на Востоке – Индия – еще более определенно, чем Китай, заявляет о своей заинтересованности в российских энергоресурсах. В настоящее время 80% импортируемой страной нефти поступает с Ближнего Востока. Ежегодная потребность Индии в нефти – 114 млн. т, из которых лишь 25% обеспечивает собственная добыча. По заявлению министра нефти Индии Мани Шанхар Айяра страна стремится диверсифицировать источники поступления нефти с целью минимизировать риски. Он же сообщил о готовности страны вкладывать средства в любой проект по добыче углеводородов в России, только бы предложили.

Сейчас индусам принадлежит 20%-ная доля в проекте «Сахалин-1» (инвестиционный вклад уже составил 2,7 млрд. долл.). Ведутся переговоры с «Роснефтью» об их участии в других сахалинских проектах и о совместной разработке Ванкорского месторождения.

Еще одним перспективным рынком сбыта российских энергоносителей на Востоке являются Япония и Южная Корея. В перспективе возможной прокладки российского нефтепровода на Восток, Японское направление (на Находку) стало приоритетным именно из-за выхода российской нефти на общий рынок стран Восточной Азии, а не на ограниченный (Китай) рынок. Кроме Японии ресурсами нефтегазового комплекса России смогут пользоваться Республика Корея и государства Юго-Восточной Азии. Именно поэтому Россия пока отдала приоритет этому маршруту, в ущерб китайскому, ориентированному на одного потребителя.

В то же время вопросы японско-российского нефтегазового сотрудничества пока решаются весьма сложно, особенно по сахалинским проектам. Кроме того, японцы сдержанно относятся к совместным с Россией нефтегазовым проектам, не считая их первоочередной задачей. Хотя на межгосударственном уровне еще в начале 2003 г. было заявлено, что реализация взаимовыгодных проектов будет способствовать повышению уровня энергетической безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Имелись в виду, прежде всего, проекты «Сахалин-1 и 2», более того делался вывод, что экономическая интеграция России и Японии прямо зависит от реализации сахалинских проектов.

Вместе с тем обе страны еще в 2003 г. заявили о намерении продвигать сотрудничество в освоении энергоресурсов Восточной Сибири и Дальнего Востока РФ, включая строительство трубопроводной системы. Японские компании тогда же заявили о готовности закупать российский газ. В соответствии с соглашением, Япония предложила взять на себя издержки технико-экономического изучения планирующегося строительства нефтепровода из Восточной Сибири.

С точки зрения японских инвестиций в развитие российского нефтегазового комплекса, отметим следующее. Объем этих инвестиций справедливо считается относительно невысоким. На конец 2003 г. он составил 1,9 млрд. долл. и за последующие годы вырос несущественно. При этом основная часть японских инвестиций приходилась на сахалинские проекты нефте- и газодобычи. И это, несмотря на заинтересованность Японии в импорте сырья из России (Япония вынуждена сейчас импортировать 98% сырья, потребляемого ее экономикой).

По проектам «Сахалин-1, 2», в которых сейчас реально участвует Япония, максимальный уровень добычи топлива ежегодно составляет соответственно 24 и 8 млн. т нефти, 20 и 16 млрд. м³ газа. Но и здесь наблюдается торможение межгосударственного сотрудничества. В частности, как заявила японская сторона, «в ближайшем будущем закупки Японией природного газа в рамках проекта «Сахалин-1» маловероятны». Японцы считают, что прежде чем делать конкретные шаги, необходимо все взвесить и просчитать. В результате, газ проекта «Сахалин-1» может пойти в Китай, а в Японию в лучшем случае он будет поступать в сжиженном виде с месторождений проекта «Сахалин-2». «Sakhalin Energy», оператор проекта, заключила соглашение с японской «Toho Gas» о поставках сжиженного природного газа (СПГ) в объеме до 300 тыс. т в год в течение приблизительно 23 лет. В результате оператор первого проекта «Еххон/Mobil» начал переговоры с Китаем о поставках туда газа. Напомним, что по первоначальным прогнозам проект «Сахалин-1» мог покрыть шестилетний объем японского спроса на газ, поставки могли начаться уже в 2008 г. Однако сейчас японцы рассматривают сахалинский газ скорее как резерв на будущее (не ранее 2013 г.). Камнем преткновения стали и вопросы о компенсации за вылов Японией рыбы в российской экономической зоне. Недавно и оператор проекта «Сахалин-2» – RD/Shell – заявил о том, что его реализация может затянуться. Во второй половине 2006 г. появились новые симптомы того, что проект затягивается, в частности, претензии Минприроды РФ по вопросам экологии и стоимости проекта. В итоге в проект вошел «Газпром». Поэтому «проект века» – энергомост Россия–Япония – пока под вопросом.

Подводя итог анализу возможного поворота экспорта энергоносителей России на Восток, отметим следующие основные, на наш взгляд, условия его развития.

1. Необходимым условием можно считать ускоренное освоение восточно-сибирских и дальневосточных месторождений, только в этом случае можно строить планы в сфере транспортировки энергоносителей.

2. Полномасштабное развитие сотрудничества России со странами Азии в нефтегазовой сфере, безусловно, требует громадных инвестиций с обеих сторон. Пока инвестиционное обеспечение проектов заметно отстает от декларируемых задач.

3. России следует, очевидно, активнее играть на конкурентных интересах различных стран региона, не привязываясь к какому-то одному рынку сбыта. Поворот энергопотоков на Восток можно использовать и в качестве возможного козыря на переговорах с европейскими потребителями нефти и газа.

Что касается политических моментов в российском нефтегазовом экспорте, отметим, что они не стали определяющими. Россия реально стремится к работе на обоих флангах, включая как традиционное европейское направление, так и новое – азиатское. И восточносибирские ресурсы могут быть использованы на обоих направлениях.

* * *

Что касается грядущей зависимости России от своих будущих азиатских партнеров, то она, на наш взгляд, не носит критического характера.

Существует и внутригосударственная проблема, которая связана с резким увеличением экспортных мощностей по транспорту нефти – это возможность возникновения дефицита «черного золота» в стране. В середине 90-х годов Россия экспортировала примерно треть добываемой в стране нефти, сейчас – свыше половины. И подобное положение дел объяснимо. Благоприятная конъюнктура мировых цен на нефть стимулирует ее экспортеров. Получаемые нефтедоллары являются основой для решения многих внутренних проблем – от реализации общенациональных социальных проектов до расчетов с кредиторами. Вместе с тем за последние пять лет прирост экспортных возможностей России по нефти составил около 100 млн. т. То есть экспортные потоки сейчас обеспечены транспортировкой.

Относительно же основного вопроса, вынесенного нами в заголовок, отметим следующее.

Проблема позиционирования российского нефтегазового комплекса в мировой экономике имеет, на наш взгляд, как минимум двоякое значение. Во-первых, это собственно роль России, как одного из ведущих поставщиков энергоресурсов на мировой рынок. Во-вторых, это судьба самой России и перспективные планы ее развития. Здесь можно говорить о моделях и вариантах экономической политики, определяющих траекторию развития экономики страны на перспективу. Основной вопрос, дискутируемый как в научных кругах, так и в официальных документах, средствах массовой информации в том,

является ли российский нефтегазовый комплекс подчиненным элементом общемирового процесса роста энергопотребления, с вытекающими из него прямыми последствиями: увеличение экспорта нефти и газа в соответствии с благоприятной конъюнктурой рынков, диверсификация потоков экспорта, максимизация доходов от нефтегазового экспорта и т.п., или есть соответствующая этим тенденциям политика российского государства, направленная на цели народнохозяйственного развития самой России, ориентированная на ее собственные интересы и цели, лишь опирающаяся на конъюнктуру мировых топливных рынков.

Пока можно отметить, что ориентация нефтегазового комплекса России на внешний рынок возросла. Если в начале 90-х годов на экспорт шла примерно $\frac{1}{3}$ добываемой в России нефти, то в 2004 г. экспортная квота составила 54%, по газу она равнялась 32%, что также выше показателей начала 90-х годов.

Каковы будут при этом пропорции нефтегазовых поставок на запад и Восток для России в принципе не так важно.

В политическом и экономическом смыслах это означает скорее развитие конкурентной среды. Вместе с тем для России в стратегическом плане весьма важно создание условий для своего развития как своеобразного «энергетического моста» между Западом и Востоком. Этим достигается и взаимодополняемость энергоэкспортных потоков, в соответствии с ее национальными интересами. Поэтому вопрос, обозначенный нами в качестве основополагающего, следует, на наш взгляд, трактовать не как дилемму, а как реальность взаимосвязанной политики, которая может при правильной реализации приоритетов послужить на благо развития нашей страны.

ОБРАЗ РОССИИ В МИРЕ*

Ю.И.Игрицкий

ИСТОКИ И РАЗВИТИЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РОССИИ/СССР/РОССИИ

Игрицкий Юрий Иванович – кандидат исторических наук, заведующий Отделом Восточной Европы ИНИОН РАН, главный редактор журнала «Россия и современный мир».

1. Некоторые вводные замечания

Вряд ли необходимо доказывать, что концепции и представления о той или иной стране, формирующиеся в среде специалистов-страноведов, оказывают влияние на общественное мнение. Это влияние в большинстве случаев опосредованное, проявляющееся в средствах массовой коммуникации через восприятие журналистами и политиками содержания прочитанной ими «серьезной» литературы (хотя в эпоху СМИ специалисты нередко сами выступают и дают интервью в газетах, на телевидении и радио). И в прямом, и в опосредованном виде такие представления способствуют складыванию определенных стереотипов, «имиджей» одних стран в глазах населения других.

Что касается отношения иностранцев к России–СССР–России, то надо помнить, что корни устоявшихся представлений иностранцев о России и ее народе уходят не только в советское, но и гораздо более отдаленное прошлое. Понимая, что сентенции об «особости» России навязли в зубах, современный исследователь тем не менее обязан констатировать специфичность условий и факторов, влиявших на формирование «внешних» оценок России. Конечно, ни в Европе, ни в США, ни тем более в остальном мире не принимались какие-либо нормативные или рекомендательные реляции, призванные создать определенное отношение к России и россиянам (если не считать расистских теорий нацистов). Более того, просвещенные европейцы всегда отдавали себе от-

* Статьи данной рубрики подготовлены при финансовой поддержке РГНФ, проект 06-01-0302а.

чет в том, что русские сродни им в расово-этническом и вероисповедальном отношениях, а российская императорская династия до 1917 г. находилась в теснейшем родстве с европейскими династиями.

Вместе с тем решающую роль в формировании представлений о русском народе играли не эти, а другие факторы. Главных здесь два. Во-первых, уровень человеческого общения между россиянами и европейцами (особенно западноевропейцами) всегда был существенно ниже, чем уровень общения между народами, проживающими в центральной, южной, северной и западной частях континента. Свою роль здесь сыграли большие расстояния и плохие коммуникации, невысокая плотность населения и климатические особенности России (долгие холодные зимы, весенняя распутица). Во-вторых (и это во многом вытекает из первого, из невысокого уровня общения), отношение европейцев, а затем и американцев к нашей стране и нашему народу переплеталось с отношением к политическим системам и режимам, господствовавшим в стране. Сколько-нибудь массового познания друг друга в контактах русских людей и европейцев не было. Парадоксально и трагично, что в наибольшей степени ему способствовали две мировые войны, сопровождавшиеся оккупациями и пленом (можно упомянуть также победный марш русских армий по Европе, преследовавших отступающие наполеоновские войска в 1812–1814 гг.). И все же в мирное время позитивный эффект даже ограниченных социальных коммуникаций смягчал негативное воздействие политико-идеологического фактора; не случайно даже лорд Керзон, вице-король Индии и министр иностранных дел Великобритании обронил фразу, ставшую классической: «Каждый англичанин приезжает в Россию русофобом, а уезжает русофилом».

2. Идеологический фактор формирования зарубежной «россики»

Роль идеологии и политики в научных исследованиях всемерно преувеличивалась советской официальной пропагандой, но не была ее придумкой. «С 1991 г. мы рассматривали российскую реальность через линзы идеологии. С падением советского блока идеология переместилась с Востока на Запад», – пишет руководитель Института Центральной Азии и Кавказа в Университете Джонса Гопкинса (Вашингтон) Ч. Фэйрбэнкс (26, с. 52). Это так, но политико-идеологические соображения в зарубежной россике прослеживаются на столетия назад. Представления иностранцев о России начали формироваться в рамках мировосприятия феодальной и раннебуржуазной эпох, не отличаясь цельностью и внутренним единством. В этих представлениях сказывались нехватка точных знаний, а также политико-дипломатические и идеологические цели дальних дорогостоящих путешествий в Россию. Виденное и слышанное

путешественниками чаще всего носило выборочный характер, не давало и не могло дать полной картины жизни в этой овеванной ореолом «загадочности» стране. Отсюда однобокость и противоречивость мемуарной и дневниковой литературы о России.

В мировой литературе (прежде всего европейской и североамериканской) сложились два кардинально противоположных подхода к данной проблеме, обусловленных в самом общем виде как методологией исследования (приверженность идеям единства либо дробности, стохастичности либо стадийной закономерности исторического процесса), так и субъективным отношением исследователей к странам, народам, историческим традициям и ценностям. Эти два подхода различаются по принципу сближения/отдаления России и Европы или России и Запада (как правило, в рамках сравнительного анализа с Россией понятия «Европа» и «Запад» употребляются синонимично, несмотря на некорректность этого). В полярном варианте (полное сближение или полное отдаление) они встречаются нечасто: наиболее характерны позиции, тяготеющие к тем или иным полюсам в разной степени.

Традиционно немалое число европейских философов, историков, социологов стояло на позициях кардинального отличия исторического пути России от прошлого других европейских стран и, как следствие этого, резкого различия, а то и противоположности основных характеристик их общественной жизни. При этом естественным образом подразумевался более передовой характер некой единой европейской цивилизации и культуры и отсталый, «азиатский» характер развития российского общества, отягощенный претензиями России (СССР) на мировое лидерство. Современные исследователи приходят к выводу, что во второй трети XIX в. и в русской историографии доминировала идея решительного противопоставления России ведущим странам Западной Европы (см. об этом, напр. 5, 9). Однако оценочные знаки ее «особости» были полярно противоположными. Та специфика русского пути, которая вызывала восторг славянофилов и нравственную приверженность немалой части образованной российской публики, как правило, оставалась в лучшем случае просто непонятой (это относится прежде всего к пресловутой «русской душе»), а в худшем – категорически осужденной западными наблюдателями (централизация, расширение границ, панславянский гегемонизм). «Как историк прошлого я должен заявить, что в истории русской культуры и в русской традиции не очень-то много вещей, которыми можно восхищаться», – признался однажды Хью Ситон-Уотсон, один из самых известных послевоенных русистов Великобритании, автор книг «Закат императорской России», «Русская империя. 1801–1917» (45, с. 26). Трудно усомниться в профессиональных знаниях Ситон-Уотсона и поэтому неразличение политической, имперской и культурной традиций России можно объяснить лишь его откровенным субъективизмом. Адъюнкт-профессор университета штата Алабама (США) Г. Рэгсдейл разъяс-

няет такую позицию: «В отношении России работа ученого, как и государственного деятеля, ведется в особых условиях. Она особо подвержена путанице. Возможно, западные исследователи чересчур готовы поверить худшему о России, но, во всяком случае, русские проявляли удивительную охоту способствовать такому умонастроению» (38). Понятно, что способствовать неблагоприятным представлениям о себе любая нация может лишь проявлением худших черт. Автор мог здесь по крайней мере отделить «русских» вообще от русских и советских вершителей политики – но он не сделал этого.

Что касается путаницы в профессиональной работе россиеведов, то и здесь необходим комментарий. Известно, что ссылки на непостижимость психологии и поведения тех или иных народов нередко служили оправданием недружественной, а то и прямо экспансионистской, колонизаторской политики крупных держав по отношению к ним. В зарубежной «россиике» широкое хождение имеет высказывание Черчилля о России как «загадке, окутанной секретностью, внутри тайны», и в большинстве случаев оно используется в контексте оправдания атмосферы недоверия к нашей стране безотносительно условий конфронтации между нею и Западом в советскую эпоху. Даже такой глубокий знаток русской культуры как Джеймс Биллингтон, куратор Библиотеки конгресса США, не преминул в свое время процитировать Черчилля и назвал метафорой России матрешку, суть которой невидима стороннему наблюдателю, ибо находится внутри многих оболочек (19, с. 106). После коллапса советской системы и Советского Союза он опубликовал две прекрасные книги о России, на страницах которых создается объемный и вызывающий симпатии образ нашей страны (1, 2). Русская культура – культура европейской христианской цивилизации, «у нас много общего», декларировал Биллингтон (20, с. 20).

Понимание этих и других современных взглядов на Россию невозможно без ретроспективного рассмотрения отношения к ней иностранцев – наблюдателей, публицистов, политиков, обывателей – на протяжении того исторического отрезка времени, когда информация через печатное слово стала достоянием обществ, в которых все более увеличивались грамотность и образованная прослойка. Уже тогда стали возникать вопросы о месте и роли России в мире, характере и масштабах ее воздействия на международные процессы. Эти вопросы неизбежно рассматривались и рассматриваются по сей день в контексте сравнительного влияния и вклада в цивилизационное развитие Европы и мира других крупнейших стран. Облик России конструировался на фоне безоговорочного общего признания роли Италии в зарождении и распространении культуры Возрождения, вклада Франции в становление эпохи Просвещения и буржуазно-либеральных свобод, функций Англии в освоении океанских просторов и в мировой торговле колониальной эпохи, лидерства США и Японии

в научно-техническом прогрессе второй половины XX в. Какой смотрелась на этом фоне Россия?

Здесь следует заметить, что в Европе не оставались незамеченными внутророссийский процесс самоосмысления и самовозвеличения, то значение, которое Россия сама стала придавать своей роли в мире (прежде всего в европоцентристском мире) с XVI в., сначала в духовном (Москва – Третий Рим), а затем в военно-политическом плане. Со второй четверти XIX в. этому процессу стало сопутствовать растущее осознание крупнейшими европейскими державами и прежде всего Англией усиления роли России в мировых делах (см. 29). Тема «Россия и Европа» стала приобретать двусторонний характер, обретая новое, зеркальное измерение – «Европа и Россия». Если попытаться взглянуть на Россию того времени глазами европейских современников, то перед ними представала крупная, самая огромная по территории держава, которая: а) сумела разгромить полчища Наполеона; б) за несколько десятилетий покорила и присоединила Кавказ, а затем начала присоединение Средней Азии; в) ранее существенно расширившись в сторону Европы за счет трех разделов Польши, в 1863–1864 гг. жестоко подавила национально-освободительное восстание поляков; г) поддерживая монархический «концерт» в Европе, подавила в 1848 г. революцию в Венгрии; д) не имела конституционно-парламентской системы, оставаясь самодержавной империей; е) только в 1861 г. приняла решение об отмене крепостного права, которое в Европе широко расценивалось как вариант рабства. При всем этом данная держава устами части своей просвещенной элиты все настойчивее провозглашала духовное превосходство над чересчур рациональной и меркантильной Европой. И вот уже напуганный сэр Генри Раулинсон составляет в 1868 г. свой знаменитый меморандум, изображающий покорение Средней Азии как начальный этап воплощения стратегического выхода России к Индийскому океану путем отвоевания Индии у Англии (39).

Таким образом, речь шла о совпадении в мышлении европейских политиков и просвещенной элиты настороженного восприятия внешнеполитической экспансии России и негативного отношения к византийско-ордынским корням ее внутреннего устройства, определившим различия ее развитийного образца от путей европейской цивилизации. Но ни схожесть, ни различия не были абсолютными. Если по одним параметрам (географическая принадлежность, торговые связи, христианская религия, династическое родство, образование и культура элиты) Россия была вполне европейской страной, то по другим (неограниченность монаршей власти, сословная замкнутость, отсутствие гражданских свобод, неразвитость капиталистических отношений, особенно в сельском

хозяйстве) – оставалась скорее азиатской¹. При этом активная политика Российской империи в Азии вызывала беспокойство колониальной Британской империи, а ее жандармско-охранительные действия в восточной части Европы, да и сама огромная территория, пугали общественное мнение почти на всем континенте.

Полурациональное-полуинстинктивное опасение российской экспансии в Европу, основывалось на восприятии России как чуждой азиатской державы, нависающей над Старым Светом в виде то ли грозовой тучи, то ли медведя, вставшего на задние лапы. Избито? Карикатурно? Все так, но тем не менее метафорически отпечатано в сознании немалого числа европейцев. В 70-х годах XIX века Н.Я. Данилевский, судя по всему, не смог убедительно возразить одному из своих иностранных собеседников, когда тот сослался именно на образ «давящей массы» и «тучи» в оправдание своих страхов перед огромной самодержавной империей: он лишь досадливо констатировал, что «ландкартное давление» действительно существует (4, с. 23). Подобное подсознательно настороженное и поэтому скорее негативное отношение к России сохранилось (даже усилившись) и в XX в. – в отношении как СССР, так и постсоветской Российской Федерации. Апокрифическое «завещание Петра I», выдаваемое за неопровержимое свидетельство воинственной психологии российских правителей и их стремления расширить пределы своей империи до берегов Средиземного моря и Индийского океана, начинало мелькать в европейской и американской печати во времена всех крупных конфликтов с Россией – например, в 1854, 1878, 1914 гг., в периоды советского заигрывания с «третьим миром» и вторжения советских войск в Афганистан. А летом 2007 г. читатели лондонской «Daily Express» могли прочесть, что, поскольку у России появилось «новое апокалиптическое оружие – нефть и газ», «русский медведь вновь выпрямляется в полный рост. Он не знает пощады, не нуждается в подлинной дружбе – ему нужно только господство над другими» (27).

Таким образом, в известном смысле ситуация, характерная для XIX в., повторялась во второй половине XX в., повторяется и сейчас. Как и после

1. Не случайно А. Тойнби, досконально разработав классификацию мировых культур, существовавших на протяжении человеческой истории, испытал едва ли не наибольшие методологические трудности при определении места России, которая выглядит в его фундаментальном труде как «терра инкогнита» по сравнению с другими носителями зафиксированных им мирокультурных традиций. В конечном счете даже не очень ясно, считал ли он восточнохристианскую цивилизацию разновидностью европейской или самостоятельным социокультурным ареалом и связывал ли ее специфику с особенностями развития России. Определенно мы имеем на сей счет лишь характеристику России как государства, воспринявшего византийское духовное наследие и объединяемого с Византией церковными и светскими тоталитарными нормами (49, с. 95).

Крымской войны, Россия ослабла, но по-прежнему воспринимается как потенциально мощная военная держава, способная в случае вооруженного конфликта нанести огромный урон Европе. Россия никогда на протяжении истории не инициировала военные конфликты с Европой? Но ведь она непредсказуема, она подобна матрешке!

Как и на протяжении последних трех веков, Россия находится геополитически и цивилизационно между Западом (Европа плюс США) и мусульманским Востоком – это обстоятельство особенно важно в свете уже проявляющей себя заново конфронтации между христианской и исламской цивилизациями. Однако при этом евразийское местоположение России – не срединное в культурно-геометрическом смысле. Правы исследователи, считающие, что «с точки зрения культуры и цивилизации дистанция между Россией и Европой теряет значение по сравнению с тем, что отделяет Европу от Азии», и, строго говоря, ее положение промежуточно лишь в геополитическом значении (18, с. 431–432). Однако такая ситуация дает возможность как аналитикам, так и заинтересованным политическим кругам за рубежом помещать Россию либо в Европу, либо в Азию, либо вне Европы и Азии в зависимости от идеологических предпочтений и прагматической необходимости. «Базовые параметры этих дебатов остались точно такими же, как и столетия назад», – отмечается в той же работе (с. 429).

Необходимо оговориться, что в истории хорошо известен феномен, когда наиболее непримиримое отрицание общества или системы исходит из недр их самих. Зарубежная «россика», современная и более ранняя, пестрит отсылками к работам Салтыкова-Щедрина, Чаадаева, Гоголя, Герцена и других российских гениев, близко к сердцу принимавших явные и скрытые пороки современной им отечественной действительности, непростительные сами по себе и к тому же осложнявшие европейскую идентификацию России. [Да что там «россика» – все российские социал-демократы, а Ленин в особенности, подпитывали свой протест против самодержавия постоянным обращением к сатире и революционно-демократической прозе позапрошлого столетия.] Во многом именно на этой источниковой базе выстроен образ России в известной книге американского историка (в определенной мере и политолога) Ричарда Пайпса в книге «Россия при старом режиме», быстро переведенной на русский язык в США, а в 1990-е годы и в России. Эта книга хорошо известна специалистам, но для понимания современных зарубежных интерпретаций темы «Россия–Запад» без нее не обойтись.

3. «Особость» России как исторический дефект

Львиная доля содержания книги Пайпса представляет изложение положений трудов российских историков и философов XIX в., а также представите-

лей школы «евразийцев» 1920-х годов – но именно тех положений, которые способствовали (и способствуют) формированию малосимпатичного облика России за рубежом. Однако ведь нет ни одной крупной мировой державы, чья мыслящая элита не обнаруживала бы в ее прошлом и настоящем ничего заслуживающего критики – проблема в том, чтобы учесть все точки зрения и все составляющие страноведения. Этого как раз не сделал Пайпс. Уместно краткое изложение его концепции. Посмотрим, как наиболее характерные составные части антитезы «Россия–Запад» выстраиваются и развиваются Пайпсом в виде факторов, якобы предопределивших особенности русской истории.

Фактор первый – это как раз географические условия, включающие в себя огромные масштабы территории, на которой расселялись русские, природную бедность европейской части России и неблагоприятный для земледелия климат. Согласно Пайпсу, заселяя лес и лесостепь центральных и центрально-восточных районов нынешней европейской части России, восточные славяне попали «в условия, резко ограничившие свободу выбора», да к тому же совершили коренную ошибку, занявшись не охотой и рыболовством, а земледелием. Ошибка эта стала ясной в эпоху перехода от феодализма к капитализму, когда народы Западной Европы, торгуя зерном и другими сельскохозяйственными продуктами, резко повысили продуктивность земледелия, а население России могло едва прокормить себя, тем более что с середины XVIII в. оно начало расти темпами, намного превышающими европейские (37, с. 3–9).

Вторым по хронологии, но «самым решающим фактором, повлиявшим на судьбы страны», оказалось перенятие восточного варианта христианства из Византии, которое отрезало Россию от «столбовой дороги христианской цивилизации, ведущей на Запад». Если в Западной Европе церковь знала реформацию, пыталась совместить веру с наукой и служением обществу, то в России, пишет Пайпс, церковь полностью отождествила себя с монархией, стала ее придатком, сеявшим среди паствы мистицизм, смирение, религиозное самоотречение; она даже отлично уживалась с татаро-монгольским гнетом, поскольку в обмен на верноподданничество была освобождена ханами от дани и повинностей. Наконец, сопротивление церкви светской власти в России не могло быть столь эффективным, как в Европе, по той причине, что она была децентрализована и не могла рассчитывать на поддержку Ватикана (37, с. 223–226).

Третий фактор – это, конечно же, татаро-монгольское иго, явившееся «сокрушительным внешним ударом», усугубившим все «неевропейские» (и прежде всего политические) черты развития русского народа (57, с. 54).

Если сравнить выстроенный Пайпсом причинный ряд русской истории с тем, что писали русские дореволюционные историки, а также эмигрантские (евразийцы) и другие западные авторы, ничего принципиально нового в нем не обнаруживается. Однако негативные представления о России и русском

народе неизменно возводятся им в абсолют и излагаются в наиболее категорической форме.

Это относится и к следственному ряду в конструкции Ричарда Пайпса. «Отлучение» России от Европы может быть достаточно мягким, условным, диалектическим, т.е. учитывающим векторы не только различия, но и общности развития на несовпадающих исторических фазах, что, собственно, лежит в основе разных версий «догоняющего», модернизационного характера «русского пути». «Остается фактом, – писал, например, американский историк русского происхождения Н. Рязановский, – что в очень многих отношениях Московия о т с т а в л я (разрядка моя. – Ю.И.) от Запада. Россия не испытала ни Ренессанса, ни реформации, не принимала участия в морских открытиях, в научном и технологическом прогрессе начала новой эпохи» (40, с. 229). Другое дело – настаивать на полном несовпадении развития. Пайпс не только перенял схемы стадийного несоответствия российской и западноевропейской истории, но и придал им категорическую форму. Феодализма, по его мнению, в России не было вообще, так как там отсутствовали политическая раздробленность, вассалитет и условное землевладение в том виде, в котором они сложились в Средние века в Западной Европе. Не было там и капитализма; одна из глав книги Пайпса так и называется «Отсутствующая буржуазия». Заявляя, что в России не было «буржуазных династий», коммерческого кредита и банковского дела, что российские промышленники только и делали, что проматывали свои состояния (37, с. 191, 193, 207), Пайпс пошел вразрез не только с фактической стороной дела, но и с выводами ряда своих коллег, занимающихся изучением капитализма в России (см. 21, 21а, 28, 35).

Какой же строй, какое общество утвердилось в России в отсутствие там – если верить Пайпсу – феодализма и капитализма?

Конечно, он мог, «отлучив» Россию от Европы, поискать аналог ее исторического развития в Азии. Во всяком случае, он размышляет по поводу сравнения русской монархии с деспотией «гидравлического типа», формирование которой К. Виттфогель обнаружил в странах Азии, где прогресс сельского хозяйства зависел от крупномасштабных ирригационных проектов (51). Однако сходства между самодержавием и «гидравлической деспотией» Пайпс не находит на том основании, что в России вода была в достатке, а большие пространства и бездорожье мешали эффективному централизованному управлению. Оба резона неоспоримы, но суть подтекста автора в том, что Россия таким образом оказывается не только вне Европы, но и вне Азии, обретая мрачную и тревожную особость.

В России, утверждает Пайпс, «государство не выросло из общества, но и не было наложено на него сверху. Скорее оно развивалось рядом с обществом, понемногу заглатывая его» (37, с. 21). Распространяя свою власть на свободное население вокруг их дворов, князья постепенно собирали вотчины, а са-

мый крупный и сильный вотчинник стал монархом, выполняя функции правителя и «отца-собственника» как в отношении населения, так и в отношении земель. «В патримониальном (т.е. вотчинном. – Ю.И.) государстве, – пишет Пайпс, употребляя термин, которым пользовались еще русские дореволюционные историки и немецкий социолог Макс Вебер, – нет ни официальных ограничений политической власти, ни законопроявия, ни личных свобод. Однако там может иметься весьма эффективная политическая, экономическая и военная организация, основывающаяся на том, что один и тот же человек или группа людей (король или бюрократия) распоряжаются всеми людскими и материальными ресурсами страны» (37, с. 23). Аналогии такого рода режиму можно найти только в истории Египта времен династии Птолемеев и в Пергаме при Атталидах.

Таким образом, не говоря об этом прямо, автор подводит читателя к выводу, что «вотчинное государство» в России является уникальным явлением, подобия которому не было ни на Западе, ни на Востоке. Это государство по существу не претерпело изменений на протяжении веков, воплотив в своей практике черты, выступающие как антиподы идеалам свободы, демократии, справедливости. Модернизация вотчинных институтов, которая началась в России в конце XIX в., принесла с собой еще более зловещие тенденции – появление «зародышей тоталитаризма» (37, с. 24). «Между 1878 и 1881 гг. в России был заложен юридический и институциональный фундамент бюрократическо-полицейского режима с тоталитарными оттенками, который с тех пор так и не был снесен. Можно с уверенностью сказать, что корни современного тоталитаризма следует искать скорее здесь, чем в идеях Руссо, Гегеля или Маркса» (37, с. 298–299, 313). Дискуссионные же проблемы, относящиеся к советскому тоталитаризму как режиму и форме общественного бытия, которые были навязаны большевистской (сталинской ли, ленинской ли) верхушкой, к корням, проявлениям и временным рамкам существования этого режима (в течение всего советского периода или части его) – эти проблемы в книге Р. Пайпса оказались просто снятыми.

Книга Пайпса не явилась «новым словом» в зарубежной россике и не снискала лавров ее автору, у которого ко времени ее написания имелись в творческом активе куда более глубокие и оригинальные труды (прежде всего о П.Б. Струве). Тем не менее она вызвала немалый резонанс и стала легким чтивом для студентов, решивших заняться изучением России. Из-за ее компилятивного характера и упрощенного подхода резонанс в научной среде был во многом негативный; с особой неприязнью книга была встречена российской диаспорой в США и Европе, увидевшей в ней признаки русофобии (34). Но эта же негативная реакция подогревала к ней интерес, ссылки на нее можно встретить до сих пор. Рискуя впасть (подобно Пайпсу) в упрощение, можно утверждать, что именно такая концепция была и остается востребованной той

частью политической элиты и общественности Запада, которая, не довольствуясь отходом России от коммунизма, хотела бы видеть ее прилежной воспреемницей своих либеральных норм – не настолько, однако, либеральных, чтобы позволить ей установить, подобно любой великой державе, собственные сферы влияния в мире. Создание малопривлекательного образа России – один из инструментов воспрепятствования расширению сферы ее влияния.

Здесь необходимо указать на несколько моментов. Во-первых, любой российский исследователь, любой россиянин вообще, сталкиваясь с преувеличенно отрицательными представлениями о своей стране, не должен, отвергая их, поддаваться соблазну создать для себя и других преувеличенно положительный имидж России. Это неприемлемо ни в каком смысле, и любой такого рода «анти-Пайпс» окажется столь же субъективным зеркальным отражением Пайпса.

Во-вторых, сторонники кардинального «отлучения» России от Европы, упрекая Россию в том, что она ищет для себя некую особую миссию в мире, по существу подтверждают тезис о ее особости на манер Пайпса. Получается, что русофобы столь же подвержены импульсу обособления России, сколь и иные русофилы. Объективное знание становится заложником субъективных антипатий и симпатий. Есть ли здесь место науке?

В-третьих, Россия (если не брать общие для всего человечества закономерности и нормы) имеет весьма малое отношение ко всему тому, что объединяет понятие «Запад»; между тем она неоспоримо является частью Европы. Чистая география не всегда правит бал – Япония, расположенная неизмеримо дальше от центров европейской цивилизации, чем Россия, в большей степени восприняла западные ценности, сохранив при этом большинство своих. А для огромной части незападного мира, особенно исламского, Россия и атлантические страны представляют одинаково чуждые социумы.

Рассматривая антитезу «Россия–Запад» в том виде, в котором она утверждается в зарубежной литературе, следует отметить и наличие представлений, коренным образом расходящихся с изложенными выше. Приведу точку зрения английского историка Поля Дьюкса из Абердинского университета (Шотландия), отмечающего тенденциозный подбор исторических источников, на основании которых Россия изображается «варварской» неевропейской страной. Справедливо полагая, что читатель-неспециалист может не разобраться в сути социологических и политологических теорий, но скорее всего примет на веру отсылки к мемуарной и дневниковой литературе, содержащиеся в работах сторонников этой антитезы, он широко использовал целый ряд источников, которые были намеренно оставлены теми без внимания. Между тем эти источники прямо свидетельствуют против излишне негативистских концепций. Так, Джон Милтон в «Краткой истории Московии», вышедшей в Лондоне в 1682 г., отнес Московское княжество к «самому северному региону Европы,

имеющему репутацию цивилизованного», и неоднократно подчеркивал, что оно является составной частью Европы, сравнимой с Англией с точки зрения традиций, религии и государственного управления. Другой автор той эпохи изобразил Европу женщиной, у которой «голова – Испания, грудь – Франция, руки – Италия и Англия, желудок – Германия, пупок – Богемия, а другие части тела – Норвегия, Швеция, Финляндия, Ливония, Литва, Пруссия, Польша, Венгрия... и Московия» (25, с. 4). В работе француза Ф. Брие (1648) указывалось: «Все народы Европы сотрудничают между собой. Испания производит железо, тонкую шерсть и фрукты, Англия – кожу, шерсть, олово и свинец, Франция – зерно, соль, вина и масла, Германия – лошадей, оружие, железо и серебро, Нидерланды – деньги, Италия и Греция – шелк, северные страны – меха, медь и жиры, древесину для судов, Польша и Россия – редкие меха, мед и воск» (25, с. 5).

Установив факт втягивания России в экономическую жизнь Европы, Дьюкс указывает на общее и в их духовной жизни: раскол в православной церкви как часть общеевропейского процесса реформации, причем староверы, были сродни янсенистам во Франции и ковенантам в Шотландии (25, с. 6). Схожими путями шло формирование армий в России и Европе (использование наемников, развитие военной техники), хотя здесь наблюдались и различия. В отличие от Западной Европы русская буржуазия в XVII–XVIII вв. еще не была сложившимся классом, но стрельцы имели мелкобуржуазное происхождение – из ремесленников и лавочников. Верно, что крепостничество повсюду в Европе в это время распадалось, а в России, наоборот, укреплялось, но ведь и в Америке процветало рабство (25, с. 12–20).

Рассуждения автора подводят читателя к выводу о необходимости сбалансированного подхода в определении сходства и расхождений между развитием России и Европы в допетровскую эпоху. «Экономические, дипломатические и культурные связи с окружающим миром от Западной Европы до Китая полностью объединяли Россию с остальной Евразией, если и не со всем светом. Таким образом, Петр Великий смог осуществить свои знаменитые реформы и дальнейшую экспансию по хорошо подготовленной к этому дороге» (25, с. 22).

Признание того, что еще в допетровское время, несмотря на тяжелейшие последствия монгольского ига, Россия составляла часть Европы и шла, хотя и с отставанием, тем же путем, что и остальная Европа, имеет немаловажное значение для определения места России в общемировой истории. Связи России с Европой в XVI–XVII вв., когда русские монархи еще не начали широко переносить многие европейские порядки и традиции на русскую почву, пожалуй более наглядно показывают, каким образом национально-самобытное начало в социально-политической и культурной истории одной страны может вплетаться в развитие региона или континента в целом. В концепции Дьюкса самобытное в истории России было специфическим вариантом общеевропей-

ского. Отсталость России, пишет он, «была не более, чем относительной, на протяжении новой истории», и «в начале XX в. царизм был неразрывно связан с мировой цепью империализма» (25, с. 74).

Отметим время, в которое вышла в свет книга Дьюкса – конец 1970-х годов, когда конфронтация между СССР и США шла к своему апогею после временного ослабления международной напряженности в результате хельсинкских соглашений 1975 г. Ее политическое и идеологическое значение в тот период состояло в стремлении снизить накал конфронтации и «сблизить» нашу страну с атлантическим миром, пусть даже путем неизбежно субъективной подборки и интерпретации фактов. Выступления П. Дьюкса и ограниченного числа других западных ученых против антитезы «Россия–Запад» контрастировали с нагнетанием не просто антисоветских, но и антирусских настроений за рубежом.

4. Восприятие россиян и советских людей

Представления о «неевропейском», а следовательно, якобы нецивилизованном характере исторического пути России подталкивали зарубежных наблюдателей к аналогичному восприятию и ее народа. Характерно высказывание бывшего посла США в Москве и директора ЦРУ генерала Уолтера Беделла Смита в предисловии к изданным в США дневникам маркиза де Кюстина: «Недостаточно и по сути неверно утверждать, что русские – такие же люди, как прочие народы, и только правительство там другое. Люди там тоже другие. Они другие потому, что совершенно иные социальные и политические условия застопорили и искривили их развитие, поставив их отдельно от других цивилизаций» (24, с. V).

Во второй половине XX в. в немалой части западной литературы о России русскому народу приписывались черты, которые должны были вызвать неприязнь у читателя. Утверждалось, что русским свойственны лицемерие и обманывать, вспыльчивость, приводящая к крайним поступкам, а затем сопровождающаяся раскаянием (Иван Грозный, убив сына, рвал на себе волосы), подозрительность и склонность к заговорам (ибо «русские – заговорщики по натуре»). На заседании одной из комиссий конгресса США было высказано мнение, что русские действуют импульсивно, а объяснение своим действиям придумывают потом.

Конечно, негативные оценки русского национального характера не господствуют в зарубежных исследованиях безраздельно. В качестве примера доброжелательного отношения к русскому народу, и особенно интеллигенции, можно отметить книгу английского историка и литературоведа Джеффри Хоскинга «Пробуждение Советского Союза» (1991). «Мы на Западе, – пишет Хоскинг, – склонны списывать русских со счета как пассивных и даже рабски

покорных людей, полагая, что, раз у них нет отечественной демократической традиции, они неспособны создать более открытое и плюралистическое общество. В этом, бесспорно, есть рациональное зерно. У русских нет демократического наследия в нашем понимании. И все же я не верю, что они обречены на вечную гражданскую пассивность. Напротив, я верю, что из своего прошлого они извлекли традиции участия в политической жизни и солидарности в условиях зажима». Правительство России, подчеркивает автор, испокон веков выжимало максимум ресурсов из разбросанного и нищего населения. Население же терпело невзгоды и хранило в себе «простые жизненные ценности» (33, с. 22).

Амбивалентность сознания и поведения всех социальных слоев российского общества на протяжении столетий отмечается большинством зарубежных исследователей. Россиянам, по их представлениям, свойственны полярно противоположные черты характера, проявляющиеся в разных обстоятельствах и нередко почти синхронно (упоминавшийся синдром Ивана Грозного). Среди наиболее типичных черт такого рода называются социальная апатия и импульсивная общественная активность; открытость перед незнакомыми людьми (включая чужестранцев) и крайняя подозрительность к ним; чувство (нередко полумессиянское) превосходства по отношению к европейским народам и комплекс неполноценности перед ними; любовь к ближним и деспотическое отношение к ним (проблема отцов и детей); хвастливость и самоуничижение; религиозность и атеизм. Эти черты характера выводятся, с одной стороны, из опыта общения и изучения научно-документальной, а также мемуарной литературы, с другой – из ознакомления с российской художественной литературой. Наиболее интересное исследование, основанное на двух указанных типах источников, осуществил профессор Оксфордского университета Рональд Хингли, автор книг «Нераскрытый Достоевский», «Новая жизнь Антона Чехова», «Русские писатели и общество» и др. Его монография «Мировосприятие русских» заслуживает того, чтобы остановиться на ней подробнее.

Р. Хингли ссылается на геоклиматические условия формирования русской ментальности (суровые зимы, бескрайние просторы и бездорожье), что достаточно банально. Но он также указывает на невозможность объяснения этой ментальности только под углом зрения геоклиматических и даже политических факторов; с их помощью трудно понять многих персонажей русской литературы (воспринимаемых и иностранцами, и самими русскими как абсолютно достоверные), а тем более определенные исторические факты, корнящиеся в психологии чуждой человеку западного культурного мира (например, поступок Стеньки Разина, бросившего в Волгу персидскую княжну, или многочисленные самооговоры репрессированных в 30-е годы большевиков). Талант российских писателей, блестяще гиперболизовавших отдельные черты характера своих героев, также не всегда помогает читателю-иностранцу понять

россиян. Р. Хингли приводит слова одного из английских литературных критиков, сказанные еще в 1916 г.: «Все без исключения мои русские друзья – совершенно здравомыслящие люди; однако почти все русские, о которых я читал в книгах, настоящие безумцы» (32, с. 11).

Это, по мнению автора, лишь подтверждает амбивалентность русского характера: верно и то, и другое. При том, что нет народов, которым не были бы присущи самые разные человеческие качества, их амплитуда у россиян, по-видимому, шире, чем у других: «Они широки душой, но узко мыслят; бездумны, но осторожны; терпимы, но и нетерпимы; свободолюбивы, но рабски покорны; они независимы, послушны, жестки, зловредны, добры, жестоки, любвеобильны, способны ненавидеть, энергичны, ленивы, наивны, циничны, вежливы, грубы – эти разные качества берут в них верх в разное время» (32, с. 34).

Хингли придерживается мнения, что архетипически «гомо советикус» мало отличается от дореволюционного россиянина, хотя изменение социально-политических и экономических условий бытия внесло коррективы в его психологию. Такова же в самом общем виде позиция многих зарубежных русистов.

Отвечая на вопрос, как повлиял перелом в феврале – октябре 1917 г. на исторически складывавшиеся атрибуты социальной структуры и социальной психологии населения России, большинство зарубежных ученых исходят из концепции преемственности многих государственных и общественных институтов дореволюционной и советской России. Те изменения, которые произошли в результате Октябрьской революции, усугубили негативные черты старого государства и общества, придав им сразу или со временем (наиболее распространенное мнение: в сталинский период) тоталитарный характер. Эти процессы сопровождались еще большим отдалением России от Европы, они разрушили те опоры европеизации страны, которые были заложены в новой истории Петром I, продолжены Екатериной II, а также рядом других монархов и привели к отмене крепостничества, развитию капитализма в городе и деревне, возникновению ограниченных форм политического плюрализма и парламентаризма в начале XX в. Как писал крупнейший французский политолог Раймон Арон, «в 1917 году Россия ушла из Европы» (17, с. 519). Конрад Аденауэр сразу после окончания Второй мировой войны высказался схожим образом: «Азия воздвиглась на Эльбе» (15, с. 191).

Согласно одному из вариантов концепции преемственности, сохраняющаяся до сих пор косная историческая традиция России включает в качестве основных элементов беззаконие (закон писан для всех, кроме высшей власти) и государственный произвол из-за отсутствия противовесов; доминирующую роль милитаризации и идеологии; бесправие личности. «Эти элементы составили структуру современной русской истории», – пишет профессор Чикагско-

го университета Р. Хелли (31, с. 3). Бесконтрольность государства, позволяющая центру сосредоточивать в своих руках все ресурсы страны, давала в разное время и определенные преимущества при решении жизненно важных национальных проблем (индустриализация, оборона от внешнего вторжения). Однако общий ущерб, включая ущерб развитию человеческого потенциала, всегда в конечном счете оказывался гораздо большим.

После 1917 г. сращивание великодержавных, государственных и партийных, идеологических атрибутов власти усилило централизацию процесса принятия решений и обусловило формирование тоталитарного варианта государственного социализма. Попытки создания некоего «нового человека», «гомо советикус» посредством идеологизации общественной и даже личной жизни (включение семьи в общегосударственную систему воспитания и трудовой мобилизации) имели, однако, по мнению большинства зарубежных наблюдателей, лишь частичный успех. Со временем они все более подрывались возрастающим расхождением между теорией и практикой, пропагандой и реальностью. Главным следствием этого расхождения в общественной и личностной психологии стала еще более выраженная амбивалентность сознания и поведения россиян: к эмоциональному дуализму, о котором речь шла выше, добавилось двоемыслие, принявшее у значительного числа советских граждан одну из форм «модус вивенди» с адаптационной целенаправленностью.

Снова следует оговориться, что серьезные западные исследователи отдают себе отчет в том, что великодержавность, в том числе тоталитарная великодержавность, отнюдь не являясь исключительно российским или советским феноменом, оказывала в принципе аналогичное влияние повсюду, где она наблюдалась. Хорошо известны критико-аналитические размышления философа и экономиста Августа фон Хайека о тоталитарной психологии немцев (ряд зарубежных авторов напрямую сопоставляет особенности политического развития и национального характера русских и немцев) и политолога Сэмюэла Хантингтона – о моральном абсолютизме и мессианстве в американской истории и культуре. Однако в Советском Союзе идеологизация общественной жизни, подчинение личности государству достигли гораздо более высокой степени, приведя и к большему укоренению двоемыслия по указанным выше причинам. «В СССР решено однажды и навсегда, что по любому вопросу должно быть только одно мнение, – писал Андре Жид в 1930-х годах в книге “Возвращение из СССР”. – ...И нехорошо не подчиняться общему правилу. Получается, что, когда ты говоришь с каким-нибудь русским, ты говоришь словно со всеми сразу. Не то чтобы он буквально следовал каждому указанию, но в силу обстоятельств отличаться от других он просто не может... Не думаю, чтобы в какой-либо другой стране сегодня, хотя бы и в гитлеровской Германии, сознание было бы так несвободно, было бы более угнетено, более запуга-

но (терроризировано), более порабощено» (6, с. 6). Схожие впечатления вынес от путешествия в СССР и Джон Стейнбек (13).

После Второй мировой войны были предприняты попытки осмыслить психологию и поведение советских людей с позиций нарождавшихся тогда бихевиористских теорий. Иной раз это приводило к курьезным гипотезам. В 1950-х годах шумный резонанс получило предположение английского антрополога Джеффри Горера о том, что покорность россиян разным формам авторитарной власти вызвана привычкой родителей слишком туго пеленать своих детей (30). Однако в целом реакция западного научного мира на эту гипотезу оказалась скептически-насмешливой.

Р. Хингли, основательно изучивший научную и художественную литературу, рассматривает в разных разделах своей книги черты русского характера, проходящие сквозным образом как через дореволюционную, так и через советскую историю. Одну из таких черт он называет «стремлением к камуфляжу», под чем имеется в виду набор признаков от самовозвеличения до пускания пыли в глаза, насмешничанья и вранья. По мнению Хингли, однако, эта черта не оставалась неизменной на протяжении веков. Вплоть до конца XIX в. в России доминировало «простейшее вранье», близкое к хлестаковщине, когда оно скорее предстает как своеобразное искусство, способ самовыражения, а не извлечения выгоды. Правда, такая высокопоставленная и виртуозная вральщица, как Екатерина II, превратила саморекламу в систему управления, а «потемкинские деревни» стали символом официальной показухи. В советское же время при сокращении бытовой хлестаковщины стало гораздо более распространенным очковтирательство на государственном уровне. «Когда официальные представители в то время обещали людям, что перед ними дорога в светлое будущее, что Россия перегонит Америку, что в любой момент разразится революция в Германии, они говорили правду в том смысле, что сами в целом верили в это. Затем наступил век Сталина, эра воинствующей лжи, когда искренняя вера во что-либо или кому-либо (а особенно самому Сталину) вполне могла обернуться бесчестьем или арестом. Когда сталинистские ораторы упоминали о миллионах крестьян, добровольно вступивших в колхозы, это было не просто вранье, а намеренная ложь. Только во времена Хрущёва вранье снова стало привычным фактором, влияющим на общественное мнение: свою роль здесь сыграл личный пример вождя, чьи заявления о том, что надо сеять кукурузу, догнать Америку и т.д., несли в себе явный привкус фантазии и, очевидно, были отчасти призваны развеселить аудиторию» (32, с. 94–95).

Рука об руку со склонностью к показухе и очковтирательству в характере русских, по мнению Хингли, идет скрытность. Это свойство также имеет давние исторические корни. Шотландский ученый Уильям Ричардсон, приехавший в Санкт-Петербург в 60-х годах XVIII в., жаловался, что даже в газетах не может получить нужной информации: «Можно уничтожить половину Рос-

сии, а вторая половина так и не узнает об этом». Мадам де Сталь, нашедшая в России прибежище от Наполеона, сетовала на то, что она не в состоянии узнать что-либо о войне 1812 г. В советский период русской истории официальная скрытность еще более усугубилась. Пресса замалчивала события, способные посеять сомнения в совершенно благополучном развитии страны (авиакатастрофы, ташкентское землетрясение 1966 г., лесные пожары и гибель картофельных полей во Владимирской области в 1972 г. и т.д.); о преступлениях сталинской эпохи, когда репрессиям подвергались целые народы, не приходится уже и говорить (32, с. 112–120).

Среди других качеств россиян Р. Хингли выделяет коллективизм, патриотизм и национальную гордость как качества, существенно отличающиеся в своих проявлениях от практики других народов. Западным наблюдателям, указывает он, всегда было трудно понять, почему советские люди так часто говорят «мы», «наше», «у нас», имея в виду всю страну; такое ощущение чувства локтя редко встречается в Европе. В то же время, общественные организации как важный неотъемлемый элемент социальной и политической жизни значительно сильнее спланируют людей одной профессии, убеждений, склонностей на Западе, чем в СССР, где все они служат государственными инструментами политики и мобилизации. Лишь тогда, когда общение в России перестает нести доминирующую коммуникативную нагрузку и становится духовно-эмоциональным, оно, по мнению Хингли, по-настоящему спланирует людей.

«Коммуникация – ничто; сопереживание все» – так, сознательно утрируя, Хингли характеризует сущность российского коллективизма и патриотизма (32, с. 127). Его работа завершается напоминанием об условности и относительности всех суждений о русском национальном характере, как и суждений о национальном характере вообще. Никто еще, пишет он, не взял на себя смелость утверждать, что национализм, самовосхваление и другие черты свойственны всем русским или даже большинству их. Даже тогда, когда русские начинают превозносить свою страну, они сохраняют способность остро ощущать ее слабые стороны, обличать отрицательные черты собственного общества с большей силой и проницательностью, чем это делают иностранцы, нередко настроенные недружелюбно.

Книга Хингли является наиболее развернутым зарубежным исследованием «русскости» второй половины XX в. Следом за ней выходили другие, написанные в основном журналистами, фиксировавшими свои наблюдения во время пребывания в нашей стране, но они не претендовали на объемное и скрупулезное изучение «русского характера» и менталитета.

5. Восприятие СССР как синтез старых и новых представлений

Возникновение Советского Союза с его коммунистическим мессианизмом, идеологическим неприятием буржуазных ценностей, растущей военной мощью и опорой на леворадикальные движения во всем мире, конечно же, явилось глобальным вызовом Западу. Большеви́стская идеология, государственный строй и общественная модель изначально предстали как антитеза всем западным институтам, и это обусловило множественность осей и обличий противостояния: «СССР–США», «социализм (коммунизм) – капитализм», «Восток–Запад». Вместе с тем у многих на Западе образ дореволюционной России служил и продолжает служить протоосновой отношения к России послереволюционной, в том числе к России сегодняшней. Схема восприятия, согласно которой до 1917 г. наша Родина была благостной страной, после 1917 г. стала страной inferнальной, а сейчас пытается вернуться к патриархальной благодати, разделяется кое-кем из наших соотечественников (большей частью дворянско-монархической ориентации), но абсолютно чужда мироощущению европейцев и американцев.

Итак, в непонятной и чуждой стране, населенной импульсивными людьми, которые сочетали в себе как лучшие, так и худшие человеческие качества, в 1917 г. произошли две революции, которые смели сначала потерявший привлекательность, но все же достаточно привычный институт монархии, а затем и краткосрочную республику, декларировавшую приверженность идеалам европейского парламентаризма и экономического либерализма, основанного на частной собственности. На смену старым порядкам пришла государственная власть, объявившая себя выразительницей интересов городских и сельских низов, а все национальное богатство – достоянием народа, оставив, однако, за собой право бесконтрольно распоряжаться всем государственным и частным имуществом. Так представляли себе суть октябрьского переворота и последовавших за ним событий на Западе. Большеви́стские идеалы, цели и программы строительства нового общества в России были настолько чужды Западу, что легко давали основания для фантазий и мифов, еще более далеких от действительности, чем традиционные рассуждения о загадочной «русской душе». В европейской и американской прессе 1918–1920 гг. можно было прочесть, что Россией правят пьяные казаки и комиссары, издавшие декрет о «национализации женщин». Стало привычным шаржированое изображение большевика в папахе, с бомбой в одной руке и бутылкой водки – в другой.

Опять-таки, этот имидж России формировался у большей части населения стран Запада, но отнюдь не у всего населения. Это достаточно очевидный посыл – никогда, ни в одной стране имидж других стран и народов не был одинаковым у всего населения и во всех социальных слоях. Всегда существенную

роль играли такие факторы, как характер межгосударственных политических и экономических отношений, уровень информированности о другой стране (который, конечно же, различался в зависимости от образования и профессиональных знаний, условий деятельности средств массовой коммуникации, государственной информационной политики и т.д.), неформальные контакты людей. Если правящие элиты Запада восприняли события в России как разрушительный импульс и вызов всем сложившимся ценностям и устоям, то непривилегированные слои в Европе, Америке, да и во всем мире, к которым относились многие работники наемного труда, увидели в возвышении российских рабочих и беднейших крестьян, в национализации и перераспределении общественного богатства перспективу аналогичного, более справедливого будущего и для самих себя. Советский политический и идеологический истеблишмент по понятным причинам раздувал сочувственное отношение к СССР за рубежом до глобальных масштабов, придавая ему статус поддержки «всего прогрессивного человечества». Это было отчасти самообманом, а отчасти инструментом пропагандистской обработки общественного мнения, прежде всего в самом Советском Союзе. Верно, что многие индустриальные рабочие и представители интеллигенции в Европе, Америке, на других континентах, готовые к политическому действию, приветствовали «Русскую Революцию», коммунистов и коммунизм. Во главе различного рода движений в поддержку Советской России стояли местные компартии и левосоциалистические организации, которые вырабатывали общую платформу в рамках введомого Советским Союзом Коминтерна. Опять-таки, из этого не следует, что все трудящиеся низы за рубежом находились под влиянием коммунистической пропаганды. Далеко не все из них вообще интересовались политикой и тем более занимали активную политическую позицию. Необходимо учитывать и то, что возможностей влиять на общественное мнение своих стран у «красной» и «розовой» пропаганды было неизмеримо меньше, чем у буржуазной прессы.

Тем не менее можно сказать, что в период между двумя мировыми войнами за рубежом параллельно рождались два штампа неадекватных представлений о СССР – миф о государстве, указывающем путь к идеальному освободившемуся от социальных противоречий обществу, и образ страны в которой утвердился диктатура революционеров, не пользующаяся никакой поддержкой народа. Полярная противоположность этих штампов соответствовала линиям социально-политического раскола внутри капиталистических стран и усугублялась в 30-х годах нарастанием международных противоречий в связи с приходом нацистов к власти в Германии и подготовкой ими новой мировой войны. Часть населения стран Запада (основной контингент собственников и средних слоев, некоторое число лиц наемного труда, включая рабочих) воспринимали СССР как несвободное и недемократическое государство, в лучшем случае следующее утопическим курсом, а в худшем – родственное фа-

шистскому и нацистскому режимам в Италии и Германии. Другая часть (основной контингент «голубых воротничков» в промышленности, немало представителей научной и творческой интеллигенции, кое-кто в материально обеспеченном сегменте средних слоев) рассматривала Советский Союз и коммунистов вообще как единственную силу способную дать отпор практиковавшемуся фашизмом социальному насилию и агрессивным устремлениям гитлеровской Германии на мировой арене.

Действенным фактором, влиявшим на отношение населения зарубежных стран к социальным процессам и событиям в Советском Союзе, было состояние самого западного общества. С одной стороны, по мере того, как уходили в прошлое тяготы и лишения, связанные с Первой мировой войной, улучшалось материальное положение наемных работников, укреплялись позиции профсоюзов, уменьшался радикализм мировосприятия масс, усиливалась их аполитичность. С другой стороны, крупнейшая экономическая депрессия конца 20-х – начала 30-х годов, вызвавшая как в Европе, так и на американском континенте резкий рост безработицы, обнищание масс и поляризацию общества, усилила привлекательность советской модели развития, избежавшей всего этого благодаря директивным плановым методам ведения хозяйства. Плановое хозяйство объявлялось примером для капитализма в США (с. 48). «Очень важно, чтобы те черты русской системы, которые доказывают свою ценность, были использованы в системах других стран», – заявил один из членов делегации фабианских социалистов Великобритании, вернувшись из поездки в СССР в начале 30-х годов. В середине 30-х годов немалую популярность приобрел взгляд на СССР, суть которого отражал заголовок книги английских лейбористов супругов Сиднея и Беатрисы Уэбб – «Советский Союз – новая цивилизация?» (вопросительный знак в конце заголовка был чисто риторическим) (50). Иными словами, по мере того как весь мир становился по ходу XX в. все более взаимосвязанным и воспринимаемым как воплощение общего движения человечества от прошлого к будущему, люди, перерабатывающие в своем сознании потоки глобальной информации (разумеется, менее глобальной, чем сейчас, но уже всеохватывающей и массовой), все чаще задавались вопросом, какой из существующих путей развития и образцов государственно-общественной организации является предпочтительным.

С определенной долей условности можно следующим образом схематизировать противостоящие друг другу имиджи СССР в мировом общественном мнении 20–30-х годов.

<i>Негативный имидж</i>	<i>Позитивный имидж</i>
Отсталая нищая страна с пассивным населением, не имеющим вкуса к частной экономической инициативе. Хозяйственные планы не выполняются, а отчеты об их выполнении фальсифицируются. Коммунистические вожди готовы принести любые человеческие жертвы ради претворения в жизнь своих идей и сохранения власти. Любое инакомыслие и гражданское неповиновение расцениваются коммунистической верхушкой как государственное преступление и караются смертной казнью, либо заключением в концлагерях. В основе внешней политики лежат попытки столкнуть крупнейшие развитые страны друг с другом и провести коммунистические перевороты – внутри каждой из них.	Передовая страна, показывающая всему миру, что путь к социальной справедливости и гармоничному обществу лежит исключительно через ликвидацию частной собственности и директивное плановое хозяйство. Эти коммунистические идеалы разделяются практически всеми гражданами, ввиду чего властям нет нужды запрещать свободу слова и оппозицию. В тюрьмах сидят только настоящие вредители. Советское общество является единственно приемлемой альтернативой как западному капитализму, так и фашизму; Запад же стремится канализировать фашистскую агрессию против СССР.

Эти имиджи не были жестко и перманентно «закреплены» за теми или иными социальными слоями зарубежных стран – и среди рабочих, представлявших основную часть электората левых партий на Западе, не все разделяли мировосприятие коммунистов; и в среде интеллигенции, лучше обеспеченной материально, многие искренне считали необходимыми радикальные перемены внутри капиталистического общества по примеру Советской России. Не были данные имиджи и неизменными, поскольку испытывали постоянное давление динамики разноплановых событий и тенденций в мировой политике. Так, огромный урон позитивному образу СССР в Европе и Северной Америке нанесли пакт о ненападении, а затем и договор о сотрудничестве между Советским Союзом и гитлеровской Германией, раздел между ними Польши, советско-финская война, предпринятая Сталиным, чтобы захватить Карельский перешеек и отодвинуть государственную границу с Финляндией подальше от Ленинграда.

Каким образом менялось восприятие СССР представителями информированной части населения Запада на протяжении турбулентного предвоенного десятилетия, хорошо иллюстрирует пример американского историка и политолога Фредерика Шумана, в чьих работах симпатии к коммунизму зигзагообразно перемежались с неприятием методов и действий сталинской верхушки. Противоречивость и эклектичность позиций Шумана достаточно прямо увязываются с событиями того периода, что позволяет снова прибегнуть к схематизации причинно-следственных связей в возникновении стереотипов.

1937 год. Выходит второе издание (первое – 1933 г.) книги Шумана «Международная политика» (с. 42). Когда она готовилась к печати, еще не прошумели на весь мир московские процессы, и автор еще не успел осмыслить и оценить сталинский террор, его корни и масштабы. Большевицкая партия

характеризуется в книге как «самая сознательная в классовом отношении часть городского пролетариата», а советское общество – как воплощение «нового образа жизни», который выгодно контрастирует с состоянием пораженного кризисом западного общества.

1941 год. Шуман выпускает новую работу – «Ночь над Европой» (с. 43). Позади пакт Молотова-Риббентропа и советско-финская война, но гитлеровская Германия еще не напала на Советский Союз. СССР объявляется агрессором и пособником фашизма, а советская система – «тиранией».

1941–1945 годы. Шуман выступает в периодической печати с призывами всемерно укрепить союзнические отношения между западными державами и СССР во имя победы над общим врагом, а к концу войны подготавливает капитальную монографию «Советская внутренняя и внешняя политика» (с. 44), в которой позитивно оценивает советский опыт, называя его «прогрессивным поиском пути решения человеческих проблем».

Эта оценка явилась лишь одним из свидетельств того, что через два с лишним десятилетия после Октябрьской революции 1917 г. в мире возникла ситуация, резко изменившая восприятие Советского Союза за рубежом и в значительной мере поломавшая многие из сложившихся в этот период представлений о СССР и коммунизме. Именно такую ситуацию создали Вторая мировая война и Великая Отечественная война как основная составляющая всемирного военного катаклизма 1939–1945 гг.. Когда гитлеровский вермахт вторгся на территорию нашей страны, последняя оказалась естественным союзником западных держав, невзирая на полярность их ценностей и политических систем, а также все острейшие внешнеполитические противоречия между ними, существовавшие до этого. Как видно уже из динамики взглядов Ф. Шумана, население и общественное мнение крупнейших капиталистических стран быстро восприняло СССР как партнера по единой антифашистской коалиции, и это обусловило не только соответствующие изменения в содержании официальной пропаганды, но также серьезные сдвиги в отношении людей к коммунистам и тому государству, которое считалось оплотом мирового коммунизма. Поражения беспрепятственно захватившей пол-Европы Германии на Восточном фронте, последовавшие одно за другим, начиная с зимы 1942 г., существенно усилили эти сдвиги. Хорошо известны слова Уинстона Черчилля, которые он как премьер-министр Великобритании адресовал Сталину как премьер-министру СССР: «Будущие поколения признают свой долг перед Красной Армией так же безоговорочно, как это делаем мы, дожившие до того, чтобы быть свидетелями этих великолепных побед» (11, с. 310). А вот без сомнения искреннее мнение американского генерала Стилуэла: «Американцы выразят чувство своих собственных солдат, воздавая должное в особенности русскому солдату... В течение трех лет постоянной борьбы мы видели, как он вынес на себе всю тяжесть натиска немцев и разбил их. Он превзошел

все достижения русских солдат в прошлых войнах, и все солдаты любой национальности горды тем, что они объединились с ним в этой войне. Весь цивилизованный мир должен особенно оценить заслуги центральной фигуры в этой борьбе – русского солдата» (цит. по: 12, с. 54).

Вторая мировая война заставила людей на всех континентах по-новому взглянуть на потенциал России и ее роль в международной политике. Возник гораздо более широкий, чем ранее, интерес ко всему, что происходило и происходит в нашей стране к ее роли в мировых делах. «Рост этого интереса был настолько головокружительным, что в области изучения СССР обозначились перебор студентов и плачевная нехватка преподавательских кадров, – констатировал журнал “Славоник энд Ист-Юропиэн Ревью”, имея в виду положение, сложившееся в США и Великобритании. – Начиная с весны 1943 г. (т.е. после Сталинградской битвы. – Ю.И.) интерес к русскому языку стал небывало высоким» (46, с. 530).

Военные годы проложили новое русло теоретических представлений западной науки о советской системе. Если во второй половине 30-х годов коммунизм все чаще рассматривался как антипод либерализма и леворадикальный аналог фашизма, то антифашистский союз западных демократий и СССР дал стимул надеждам не только на внешнеполитическое, но и внутривнутриполитическое их сближение, Питирим Сорокин, выдворенный из России большевистским правительством в 1922 г. и ставший одной из самых значительных фигур в американской социологии, в труде «Россия и Соединенные Штаты» заявил о наличии двенадцати сфер общественной жизнедеятельности (включая политическую), в которых эти две крупнейшие державы мира должны, по его мнению, все более уподобляться друг другу (47). Так родилась концепция конвергенции полярных социальных систем, которая и впоследствии sporadически проявляла себя в научной печати и публицистике, но никогда, по понятным причинам, не имела в условиях конфронтации преобладающего влияния ни на Западе, ни тем более на Востоке.

После разгрома общего врага и окончания Первой мировой войны антагонистическая конфронтация капиталистической и коммунистической систем снова стала главной доминантой в формировании общественного мнения Запада о Советском Союзе, причем со временем ее значение в ряду других внешних и внутренних факторов мировосприятия постоянно возрастало. Во второй половине XX в. социальные противоречия капитализма оказались существенно смягченными, что привело к его кардинальной переоценке огромным большинством представителей всех классов и слоев населения стран Запада. Либерально-демократическая система проявила мощную способность адаптации к требованиям времени, которой не смог обнаружить в себе советский строй. В сфере международных отношений Запад и СССР схлестнулись еще более непримиримо, чем в предвоенный период, поскольку встал никогда

ранее не возникавший столь остро вопрос о распределении зон политического, идеологического и экономического влияния в мире, в том числе и прежде всего о влиянии на будущее той части европейского континента, которая была освобождена от фашизма.

В силу целого ряда причин советская система и модель развития оказались перенесенными, пусть и в модифицированном виде, на страны Восточной Европы, а затем стали приживаться и в неевропейском мире. Среди этих причин на начальном этапе переноса решающую роль сыграли присутствие Советской Армии во многих странах, облегчившее приход к власти местных левых сил, а также резкий рост популярности, влияния и организационных возможностей коммунистов, сражавшихся против фашизма с оружием в руках. Сложился общемировой феномен, именовавшийся коммунистической пропагандой мировой социалистической системой, а западной пропагандой – советским блоком. Противостояние социальных тенденций и политических движений левой и правой направленности приобрело глобальный характер, усугублявшийся возникновением в результате антиколониальных революций третьего мира и борьбой двух систем-блоков за позиции в этом мире.

Эта принципиально новая глобальная ситуация явилась тем главным фактором, на фоне которого развивались старые и формировались новые представления за рубежом о России и Советском Союзе. Заметим, что именно с конца 40-х – начала 50-х годов в крупнейших странах Запада стала складываться система учреждений, специально созданных для всестороннего изучения нашей страны, ее истории и всех аспектов современной жизни. Начиная с этого времени, в представлениях о России/СССР на Западе стали различимы разные уровни: концептуальный, научно аргументируемый и обыденный, складывающийся под воздействием средств массовой коммуникации, к которым добавилось (помимо прессы и радио) телевидение. Различия между ними не носили принципиального характера, ибо рождающиеся концепции и стереотипы нередко тесно корреспондировали между собой, отличаясь языком и терминологией, а также условиями и скоростью формирования (научный анализ фокусировался на устойчивых социальных процессах и системных параметрах, в то время как публицистика реагировала прежде всего на события и быстротекущие изменения).

На протяжении нескольких послевоенных десятилетий сложилось восприятие СССР в рамках определенных теоретических посылок, которые относились к тем или иным сторонам советской системы. Выше упоминалась концепция конвергенции, которая не получила широкого распространения в науке и вовсе не прижилась в обыденном мышлении за рубежом. Суммируя все, что ему доводилось слышать и читать о России и Советах, средний европеец и тем более американец (будучи более провинциальным и менее восприимчивым к внешнеполитической информации, чем европеец) проникался сознанием, что,

хотя все люди одинаковы, жизнь в далекой России существенно отличается от его собственного мира. И в самом деле, кто взялся бы доказать ему, что это не так? Индивидуальный опыт личного знакомства с далеким и незнакомым социумом, нередко корректирующий изначальные представления, в западном обществе был практически нулевым в отношении СССР. В тех же не столь уж многочисленных случаях, когда гости из-за рубежа получали реальные возможности увидеть хоть что-то в Советском Союзе вне официальной и жестко регламентировавшейся программы, их выношенные суждения о советской системе оказывались в той или иной степени неблагоприятными для системы; суждения же о советских людях представляли амальгаму позитивных и негативных оценок.

Отсутствие полной и подробной информации о повседневной жизни в СССР вкупе с негативным восприятием советской системы облегчало возникновение стереотипов, концепций, понятий, терминов, относившихся к отдельным, как правило, весьма существенным аспектам советской действительности, но не дававших представления о стране в целом. По горячим следам свертывания человеческих контактов и ужесточения цензуры, которые были приняты советской верхушкой сразу после окончания Второй мировой войны, возник устойчивый образ «железного занавеса» – с легкой руки Уинстона Черчилля, употребившего эту метафору в своей известной «фултонской речи» в марте 1946 г.; затем из этой метафоры родилось понятие «закрытого общества», нашедшее широкое применение как в массовой печати, так и в научных исследованиях. Полностью соответствовавшее реальной действительности, это понятие, однако, не претендовало на характеристику советской системы в целом. То же можно сказать о многих других терминах с помощью которых западные политологи, социологи, экономисты на протяжении 1950–1980 гг. стремились определить сущность советской системы: «администрируемое общество», «моноиерархическое общество», «партийное государство» и т.д. Эти термины так и не вошли в сколько-нибудь широкий оборот, оставшись неизвестными большей части населения западных стран.

Отдельно следует сказать о концепции СССР как тоталитарного государства. Впервые термин «тоталитарное государство» появился в Италии в 20-х годах, где теоретики – сподвижники Муссолини провозгласили создание такого государства конечной целью фашистского движения (дефиниции «тоталитарный», как и «тотальный» обозначают целостное единство и всеохватываемость, исключая внутреннюю оппозицию). Западные политологи очень быстро взяли термин на вооружение, употребляя его в 30-х годах сначала в отношении нацистской Германии, а затем и Советского Союза. После Второй мировой войны появились уже развернутые научные труды о тоталитаризме как государственной и общественной модели; авторами наиболее известных были Ханна Арендт (16) и Збигнев Бжезинский с Карлом Фридрихом (23). И

концепция, и термин на протяжении всей второй половины XX в. оставались на Западе референциями, наиболее часто используемыми для характеристики сути советской системы. Аналогичным образом сейчас они воспринимаются множеством, если не большинством россиян как самое адекватное определение власти, при которой не только право принятия жизненно важных для судеб нации решений, но и нормирование социальной жизни монополизировано правящей верхушкой (будь то политбюро или другая узкая группа людей) без консультации с обществом.

Влияние самой концепции тоталитаризма и порождаемых ею аллюзий и ассоциаций на зарубежное общественное мнение было на протяжении всей второй половины XX в. более глубоким, чем влияние всех других концепций и представлений. В силу этого она служила объектом многочисленных исследований во всем мире, включая ряд работ автора данной статьи (см., напр., 7, 8). Здесь важно подчеркнуть, что имидж СССР как тоталитарного государства был спроецирован на традиционное восприятие России в качестве чуждой, непонятной, непредсказуемой, неевропейской страны. При желании очень легко аккумулировать темные краски в представлениях XIX, XX и XXI вв. и на любом витке осложнения отношений между Россией и другими крупнейшими мировыми державами предложить для массового потребления негативный образ российского государства и россиян. Да, и россиян тоже, как читатель мог видеть из цитировавшихся выше слов Уолтера Беделла Смита. Когда Советский Союз находился в стадии распада, прибалтийские политики охотно заимствовали из европейской печати нелестные отзывы о русских, которых, к примеру, шведская газета «Svenska dagbladet» еще в 1989 г., рисовала «необузданными и дикими» (36 с. 5). А в середине 90-х годов в одном из европейских научных государствоведческих журналов заявлялось, что в России есть конституция, но нет граждан, для которых она предназначена (41).

В этой связи принципиальнейшая позиция отечественного россиеведа должна, на мой взгляд, заключаться в следующем. Как наши выдающиеся предшественники XIX в. сверхкритически относились к окружавшей их действительности (о той же дикости и необузданности россиян писал, к примеру, Герцен), так и мы обязаны ясно видеть все негативные стороны собственного общественного бытия. Конечно, речь идет не о том, чтобы, упиваясь обличениями в массмедиа олигархов, чиновников и работников коммунального хозяйства, искать в этих обличениях нечто созвучное своему мировосприятию. Профессиональный исследователь вооружен не только знанием фактов, но и методикой их анализа, а главное – стремлением к объемному видению предмета исследований. Аналитический труд, по определению, учитывает все факторы, стороны и условия формирования реальности. Как негативные, так и позитивные, и в особенности те, окончательная оценка которых еще ждет своего часа.

Но то, что аксиоматично для отечественной аналитики, должно тем более быть аксиомой для зарубежных наблюдателей. Даже в большей степени, ибо «не судите, да не судимы будете» и судить об ином следует более сдержанно, чем о своем. Советская пропаганда всегда самым вопиющим образом нарушала эту заповедь – так должны ли профессионалы на Западе следовать ее примеру, подтверждая приведенный выше тезис о перемещении идеологизации с Востока на Запад? К сожалению, груз традиционных предубеждений осложняет обретение объективности многими западными наблюдателями современной России. Вспоминается сетование Н. Тургенева почти полуторавековой давности: «Теперь Европа плохо знает Россию, не желает знать ее, не хочет слушать, зажимает уши, когда ей говорят о России что-либо несогласное с ее предрассудками и предубеждениями» (с. 14).

Можно понять, что в работах зарубежных авторов проявляется искреннее (у одних) и преувеличенное (у других) разочарование в переменах после 1985 и 1991 гг. В евроатлантическом мире в эпоху Горбачёва многие (аналитики и рядовые люди) прониклись иллюзиями относительно быстрого и безболезненного перенятия Россией западной политической системы и ценностей с признанием за Западом роли политического и духовного поводыря. Вероятно, не будь почвы, хорошо унавоженной вековыми клише, не было бы ни завышенных ожиданий, ни торжествующего рефрена «мы же всегда говорили...». Легче и проще далась бы аксиома, что приобщение России к европейской политической культуре и ценностям может быть только естественным и долгим, более долгим, чем потребовалось оккупированной Соединенными Штатами Японии. При этом, подобно последней, России незачем отказываться от всех своих цивилизационных особенностей. Возможно, прав профессор Оксфорда Арчи Браун: «Российский путь к демократии будет более мучительным и длительным, чем путь стран Центрально-Восточной Европы, но более обещающим, чем путь почти всех бывших советских республик, вошедших в СНГ» (22, с. 414).

Но прав и один из российских исследователей: «Чтобы иметь достойный имидж за рубежом, надо реально быть привлекательной страной, а не казаться ею» (10, с. 59).

Литература

1. Биллингтон Дж. Лики России / Пер. с англ. – М., 2001. – 248 с.
2. Биллингтон Дж. Россия в поисках себя / Пер. с англ. – М., 223 с.
3. Брода М. Русские вопросы о России / Пер. с польского. – М., 2005. – 301 с.
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., 1991.
5. Дурновцев В.И. Проблема «Россия и Запад» в русской историографии. – М., 1987.

6. Жид А. Возвращение из СССР. Два взгляда из-за рубежа: Переводы. – М., 1991. – 272 с.
7. Игрицкий Ю.И. Концепция тоталитаризма: Уроки многолетних дискуссий на Западе // История СССР. – М., 1990. – № 6. – С. 172–190.
8. Игрицкий Ю.И. Снова о тоталитаризме. – Отечественная история. – М., 1993. – № 1. – С. 3–17.
9. Итенберг Б.С. Российская интеллигенция и Запад. Век XIX. – М., 1999. – 232 с.
10. Кортунов С. Россия: Не сердиться, а сосредоточиться // Россия в глобальной политике. – М., 2005. – Т. 3. – № 5. – С. 51–61.
11. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Т. 1. – М., 1957. – 407 с.
12. Правда и ложь о Второй мировой войне / Под ред. О.А. Ржешевского и др. – М., 1983. – 334 с.
13. Стейнбек Дж. Русский дневник / Пер. с англ. – М., 1989. – 144 с.
14. Тургенев Н. О нравственном отношении России к Европе. – Лейпциг, 1869. – С. 34.
15. Adenauer K. Briefe 1945–1947. – Berlin, 1983.
16. Arendt H. The origins of totalitarianism. – N.Y., 1966 – XXI, 526 p.
17. Aron R. The crisis of European idea // Government and opposition: A journal of comparative politics. – L., 1976. – Vol. 11, N 1. – С. 5–19.
18. Baranovsky V. Russia: A part of Europe or apart from Europe? // Contemporary Russian politics / Ed. by A. Brown. – N.Y., 2001. – P. 429–442.
19. Billington J. Soviet attitudes and values: Prospects for the future // The USSR and the sources of Soviet policy. A seminar sponsored by the Council on Foreign Relations and The Kennan Institute for Advanced Russian Studies. – Wash., 1978. – С. 103–111.
20. Billington J. 10 theses for understanding Russia // America and the Russian future: Transcript of a conference sponsored by The Embassy of the RF in the USA and The Kennan Institute / Paper N 252. – Wash., August 1993. – 85 p.
21. Blackwell W. The beginnings of Russian industrialization 1800–1860. – Princeton, 1968. – IX, 484 p.
- 21a. Blackwell W. Modernization and urbanization in Russia: A comparative view // The city in Russian history / Ed. by Hamm M.P. – Lexington, 1976.
22. Brown A. Russian transition in comparative and Russian perspective / Social research. – N.Y., 1996. – Vol. 63, N 2. – P. 403–415.
23. Brzezinski Z., Friedrich C.J. Totalitarian dictatorship and autocracy. – Cambridge (Mass.), 1956.
24. Custine A. de. Journey of our time: The Russian journals of Marquis de Custine / Ed. and transl. by General W.B. Smith. – Chicago, 1951.
25. Dukes P. October and the world: Perspectives on the Russian revolution. – L., 1979. – VIII, 224 p.
26. Fairbanks Ch.H. The feudalization of the state // Journal of democracy. – N.Y., 1999. – Vol. 10, N 2. – P. 47–53.
27. Forsyth F. in: «Daily Express» – Lnd., 2007. – 19th July (<http://inosmi.ru/stories/06/11/20/3496/235640.html>).
28. Gerschenkron A. Economic backwardness in historical perspective. – Cambridge (Mass.), 1962. – 456 p.

29. Gleason J.H. The genesis of russophobia in Great Britain: A study of the interaction of policy and opinion. – Cambridge; London, 1950. – IX, 314 p.
30. Gorer G. The people of Great Russia: A psychological study. – N.Y., 1950. – 256 p.
31. Hellie R. The structure of modern Russian history: Toward a dynamic model // Russian history/Histoire russe. – Tempe (Arizona), 1977. – Vol. 4, pt 1. – P. 3–22.
32. Hingley R. The Russian mind. – N.Y., 1977. – VIII, 307 p.
33. Hosking G. The awakening of the Soviet Union. – L., 1991. – X, 246 p.
34. Krasnow W.G. Richard Pipes' foreign strategy: Anti-Soviet or anti-Russian? // Russian review. – N.Y., 1979, – Vol. 38, N 2. – P. 180–191.
35. Laue Th.H. Sergei Witte and the industrialization of Russia. – N.Y., 1963. – 360 p.
36. Neumann I.B. Russia as Europe's other / EUI working paper. – Florence, 1996. – 54 p.
37. Pipes R. Russia under the old regime. – L., 1974. – XXII, 361 p.
38. Ragsdale H. Détente in the Napoleonic era: Bonaparte and the Russians. – Lawrence (Kansas), 1980. – XII, 183 p.
39. Rawlinson H. England and Russia. A series of papers on the political and geographical condition of Central Asia. – London, 1885. – XVI, 393 p.
40. Riasanovsky N. A history of Russia. – 3rd ed. – N.Y., 1977. – XX, 762 p.
41. Rose R. Russia as an hour-glass society: A constitution without citizens // East-European constitutional review. – Summer 1995. – Vol. 4, N 3. – P 34–42.
42. Schuman F.L. International politics. 2nd ed. – N.Y., 1937.
43. Schuman F.L. Night over Europe. – N.Y., 1941.
44. Schuman F.L. Soviet politics at home and abroad.. – N.Y., 1947. – 664 p.
45. Seton-Watson H. George Kennan's illusions: A reply // Encounter. – L., 1976. – Vol. 46, N 5. – P. 24–33.
46. Slavonic and East-European review. – N.Y., 1947. – April. – P. 528–535.
47. Sorokin P. Russia and the United States. – N.Y., 1944.
48. Souls G. Chaos or control? Russia's economic initiative // The new republic. – N.Y., 1932, 30 March. – P. 175–179.
49. Toynbee A. Russia's Byzantine heritage. – L., 1947.
50. Webb B., Webb S. Soviet communism: A new civilization? – 3rd ed., in one vol. – L., 1944. – 1007 p.
51. Wittfogel K. Oriental despotism. A comparative study of total power. – New Haven, 1957. – XIX, 556 p.

Н.Ю.Лапина

ОБРАЗ РОССИИ ВО ФРАНЦИИ

**Лапина Наталия Юрьевна – доктор
политических наук, ведущий научный
сотрудник ИНИОН РАН.**

В современном мире, где связи между странами и народами расширяются и становятся более многообразными, внешнеполитические образы приобретают особую значимость. Восприятие иной культуры или политической традиции способствует или, наоборот, препятствует развитию связей между странами. Изучение национальных особенностей формирования образов иных социумов представляет сложную научную задачу и предполагает анализ политических, социальных, психологических аспектов сосуществования различных культур и политических систем. Исследование этой проблематики имеет большую практическую значимость, поскольку политики должны иметь адекватное представление о том, как их страна воспринимается в мире, в каких странах и регионах она имеет «кредит доверия», а где ее образ лишен привлекательности и почему.

Если рассматривать формирование внешнеполитических образов и стереотипов как коммуникационный процесс, то вслед за Лассуэллом можно задать следующие вопросы: кто говорит, что говорит, о чем говорит и по каким каналам информация транслируется? В процессе формирования внешнеполитического образа участвуют многие акторы – политики, журналисты, писатели, публицисты, ученые, каждый из которых имеет собственные цели и аудиторию, специфический язык, каналы коммуникации и особые инструменты анализа. Особая роль в процессе выстраивания образа других стран принадлежит историкам, которые на основе научного анализа предлагают интерпретации прошлого и настоящего. Знание истории позволяет оценивать другое государство с точки зрения его историко-культурной близости/удаленности; выявлять «ключевые моменты» общего прошлого; создать основу для прогнозирования сценариев развития межстрановых отношений в будущем. Написанная с идео-

логических позиций история имеет политический смысл и конструирует образы прошлого и настоящего в зависимости от того, как это требуется «здесь» и «сейчас».

Отношения России и Франции на протяжении истории были отмечены взлетами и падениями, а краткие моменты политического сближения сменялись продолжительными периодами соперничества. Отражая фазы политического потепления – охлаждения, сменяли друг друга образы России, которая воспринималась во Франции то как «варварская Московия», то как «великая европейская держава». После Революции 1917 г. «зависимость» образа России от уровня культурных связей и традиционного взаимовосприятия французов и русских ослабла, зато большую роль стали играть политические мотивы.

Цель настоящей работы – выявить, какую роль в формировании во Франции представлений о России и СССР играли исторические исследования; какие инструменты анализа использовали историки; какие институты и информационные каналы находились в их распоряжении; как менялась их аудитория. Главное внимание в статье уделено становлению и развитию русистики и советологии во Франции.

Оценить различные интерпретации русской и особенно советской истории невозможно без «погружения» во французскую политическую культуру, которая на протяжении десятилетий XX в. была проникнута борьбой между сторонниками коммунистической идеи и их противниками. Революционные события в России оказали огромное воздействие на многих французских ученых. Под влиянием Революции 1917 г. они сделали не только политический (вступление в ряды ФКП), но и научный выбор, приняв марксистский метод анализа. Это был одновременно выбор ума и сердца, в результате которого знание о России и СССР надолго оказалось «в капкане» политических страстей. Со временем разочарование в ФКП и СССР для многих французских ученых обернулось глубокой личной драмой. Но именно в тот момент, когда влияние коммунистической идеи ослабло (середина 50-х – 70-е годы), во Франции возникли реальные условия появления и распространения критического научного знания о России и СССР.

1. «Открытие» России: Черты к портрету (XVI–XIX вв.)

До конца XIX в. во Франции основными источниками сведений о России были путевые заметки, дневники и корреспонденция путешественников. Анализируя эти источники, автор и составитель антологии «Путешествие в Россию» К. де Грев приходит к выводу, что в каждый конкретный исторический период образ России во Франции зависел от характера дипломатических и политических отношений между двумя странами (63).

Образ России, реконструированный по имеющимся источникам, крайне противоречив и неоднозначен. Одни путешественники акцентировали внимание на нецивилизованности страны и жестокости царящих в ней нравов. Этот взгляд на Россию был типичен для путешественников-французов, посетивших Россию в XVII в. Первым из них стал Ж. Маржере, находившийся на службе при русском царском дворе на рубеже XVI–XVII вв. Анализ первых документальных свидетельств о России, появившихся во Франции, убеждает исследователей в том, что французские авторы были более критичны к «далекой Московии», нежели англичане, немцы и австрийцы (63, с. XV). В эпоху Просвещения каноническим стало деление мира на «цивилизованный» и «варварский». В этой традиции России было уготовано место далекой северной, а, начиная с 20–30-х годов XIX в. – азиатской страны. В такой тональности писал о России Ж.-Ж. Руссо (58), она доминирует и в записках маркиза А. де Кюстина «Россия в 1839 году», изданных в русском переводе под названием «Николаевская Россия» (6). В европоцентристском представлении Кюстина, Россия – дикая азиатская страна даже в своем стремлении к европейской цивилизации. Неприятие автора вызывали отсталость России, нищета и убогость повседневной жизни, но главным объектом критики стало самодержавие. До сегодняшнего дня книга Кюстина остается одним из наиболее цитируемых французских произведений о России. С выходом в свет записок Кюстина во Франции оформился и надолго утвердился миф о «варварской Московии», с которым связано русофобское отношение к России.

Но был и другой, восторженный взгляд на Россию, у истоков которого стояли известные французские философы Вольтер, Дидро, Гримм. Ими, по словам французского историка Ф.Д. Лиштена, был создан «просветительский мираж» – миф о стране, которая цивилизуется своими правителями – Петром I и Екатериной II (7, с. 72). Он был призван затмить образ «варварской страны», благодаря ему в сознании французов начало формироваться позитивное отношение к России, но к началу XIX в. вследствие обострения отношений между двумя странами он утратил свою привлекательность.

Следующий этап в формировании позитивного образа России во Франции пришелся на 50–70-е годы XIX в. В 1858–1859 гг. Россию посетил А. Дюма, опубликовавший заметки о своем путешествии. Практически в это же время в России побывал другой известный писатель-романтик Т. Готье. «Благодаря этим двум писателям, – пишет К. де Грев, – Россия приблизилась к французским читателям» (63, с. XXXIV). Но, пожалуй, ни с чем нельзя сравнить воздействие, которое оказал на французскую публику роман Ж. Верна «Мишель Строгоф» (1876). Действие романа протекало в России, в которой автор никогда не бывал. Однако до сих пор еще можно встретить французов, которые вспоминают потрясение, вызванное в детстве чтением этого романа о «таинственной и прекрасной» России. Путешественники и писатели

имели особое представление о пространстве России. Они сначала «составляли географические карты России, а потом постепенно изобретали виртуальное, романтическое “русское пространство”» (8).

До 70-х годов XIX в. образ России, складывавшийся на основе путевых заметок и литературных произведений, был романтизированным. Преодолеть романтическое, нередко далекое от реальности, представление о России удалось только с появлением серьезных исследований в области русской истории и культуры. В 1876 г. вышла работа французского историка А. Рамбо «Эпическая Россия», в которой анализировались европейские истоки русской истории (53), а двумя годами позже его же «История России от начала до наших дней» (52). Вслед за ней опубликовано исследование Е. М. де Вогюэ «Русский роман», в котором русская литература рассматривалась как источник, способный обновить французскую литературную традицию. Но самой главной книгой о России, написанной в XIX столетии, явилось многотомное исследование «Империя царей» вышедшее в 1881–1889 гг. (44). Его автор историк А. Леруа-Болье по праву считается первым крупным французским специалистом по истории России. К основным достоинствам исследования А. Леруа-Болье, по мнению авторитетного специалиста по русской истории франко-швейцарского ученого Ж. Нива, относятся «точный историзм» и новый метод в изучении России, основанный не на поверхностном наблюдении, но на понимании истории (подробнее: 4). Леруа-Болье заложил основы «культурологического» подхода к изучению русской истории, а основной акцент в его работе был сделан на понимании русской специфики. Отсюда и такие понятия, введенные историком, как «русская душа» и «русский мистицизм» – мифы славистики XIX в., которые надолго закрепились в восприятии России французской общественностью.

Публикация работ Е. М. де Вогюэ и А. Леруа-Болье совпала с важными событиями – военно-политическим сближением России и Франции и заключением русско-французского военного союза (подробнее: 4; 63). Они как нельзя лучше подготовили французскую общественность к принятию России в качестве нового политического союзника Франции. С конца XIX в. во французском общественном мнении Россия приобрела значимый статус «влиятельной европейской державы», а идеи, родившиеся в кабинетах ученых, были восприняты французским обществом. Это стало возможным благодаря тому, что в годы Третьей республики повысился статус профессоров, ученых, преподавателей и всех тех, кто являлся официальными носителями знания, а их политическая роль в жизни общества возросла (это показало и дело Дрейфуса).

Политическое сближение двух стран позитивно сказалось на развитии французской славистики. С конца 90-х годов XIX в. во французских университетах началось преподавание русского языка. В 1885 г. в Париже открылась

Школа восточных языков, в том же году в Сорбонне была создана кафедра русского языка и литературы. Начали издаваться журналы, посвященные России и франко-российским отношениям (подробнее: 41; 11). Тогда же во французской культуре появилось новое течение, получившее название «французского славянофильства» (4) и представленное выдающимися славистами, которым на рубеже XIX–XX вв. удалось создать образ России как страны близкой и привлекательной для французского общества.

2. Образ СССР в 20–30-е годы: «Путешественники», враги и диссиденты

«Русская революция 1917 г. открыла для научного изучения новый мир, — пишет известный французский историк Э. Каррер д'Анкос. Новым он был в двух смыслах. Россия, страна, где произошла революция, была далеким миром, исторически и культурно мало известным. К этому незнанию революция добавила удивление перед созданием новой политической системы» (цит. по: 46, с. 11). После этой революции во французском россиеведении сложилась специфическая ситуация: профессиональные слависты от изучения СССР дистанцировались, замкнувшись на исследовании русской истории. Первые французские публикации, посвященные Революции 1917 г., появились в 20-е годы, но чаще всего это были свидетельства очевидцев. Уже в ранней французской литературе, посвященной Советской России, выделились два полюса, принадлежность к которым определялась *политическими симпатиями*. Вокруг первого группировались марксисты, коммунисты, интеллектуалы левых взглядов, вокруг второго — противники СССР, люди осуждавшие революцию, а также диссиденты коммунистического движения.

В 20–30-е годы СССР стал местом паломничества для многих тысяч французов. В эти годы на смену «путешественникам-писателям» пришли «путешественники-политики». Их поездки, как пишет Р. Мази, автор книги «Верить значит больше, чем видеть?», не имели ничего общего с «буржуазным туризмом», а цель состояла в «открытии для себя новой политической системы» (49, с. 8). Среди путешественников были активисты ФКП и профсоюзные лидеры, рабочие, ученые, писатели. Многие из них по возвращении во Францию публиковали заметки о своих впечатлениях о поездке на «родину первой социалистической революции». «Близость дистанции» становилась главным аргументом подлинности той социальной реальности, которая представляла перед читателем.

В работе известного французского историка Ф. Фюре «Прошлое одной иллюзии» путевые заметки рассматриваются как важный иллюстративно-демонстрационный материал, позволявший конструировать «коммунистическую утопию». Процесс конструирования утопии предполагал наличие опре-

деленных тем, которые регулярно воспроизводились в заметках путешественников. В 20-е годы к таким темам относились достижения СССР в борьбе с неграмотностью, успехи среднего и высшего образования, равенство мужчин и женщин, борьба с бедностью. Именно об этом писал в книге «Некоторые впечатления от путешествия в СССР» профессор Парижского университета Ж. Шапелон, в 1925 г. прибывший в СССР в составе французской делегации на торжества по поводу 200-летия Академии наук (28). Особое внимание этим темам уделял побывавший в 1920 г. в Москве социалист, будущий руководитель Французской коммунистической партии М. Кашен, опубликовавший серию статей в газете «Юманите».

В основе ментальных представлений об СССР первых французских путешественников лежал «революционный миф», унаследованный от Французской революции, другой референтной для них была тема «империалистической войны 1914–1918 гг.». Дух революции, Гражданская война и интервенция, угрожающая молодой республике, – все это влияло на умонастроения французов, попадавших в СССР, рождало исторические параллели между 1789 и 1917 гг. С конца 20-х годов в путевых заметках начал преобладать пафос индустриального строительства. В эти годы в них стал воспроизводиться образ динамично развивающейся «страны-предприятия», говорилось об успехах первых пятилеток, отчетливо звучала вера в успех индустриализации и научно-технический прогресс. «Лечу с запада на восток, – занес в дневник писатель-коммунист П. Вайян-Кутюрье. – Меня не интересует Кремль со всеми этими куполами, что золотыми точками плывут подо мной. Я хочу быстрее лететь дальше к коммунистическому востоку» (1, с. 5).

Мотивационные основания интереса к России у представителей разных групп и политических течений различались. Интерес французских коммунистов не был связан с увлечением русской историей или культурой, но имел чисто политические основания: Русская революция была для них моделью, которой предстояло следовать Франции и другим странам Запада. Французские социалисты, в целом не разделявшие увлечения революционными методами борьбы, с большим уважением отнеслись к Русской революции, видя в ней продолжение 1789 г. и Парижской Коммуны. Для представителей французской творческой интеллигенции СССР стал источником вдохновения. Среди них, помимо П. Вайяна-Кутюрье, такие известные писатели, как А. Барбюс, Р. Роллан, А. Жид, Л. Арагон. У политиков интерес к Советской России становился проявлением политического реализма. Первым известным французским политиком, посетившим СССР, был Э. Эррио. В 1924 г. по инициативе Э. Эррио, к тому времени занявшего пост председателя Совета министров, между Францией и СССР были установлены дипломатические отношения. Вновь посетив СССР в 1933 г., Э. Эррио в книге «Восток» писал о том, что

поскольку русская революция и возникновение СССР – совершившиеся события, то «пришло время изучать эти факты, отбросив страсти» (14, с. 13).

С конца 20-х годов проявилась еще одна особенность: рассказы путешественников нередко превращались в инструмент коммунистической пропаганды. По мере обострения внутривнутриполитической ситуации в СССР (коллективизация, голод 1932 г.). Советский Союз все большее внимание уделял формированию своего образа за рубежом (подробнее: 10). Созданные в СССР творческие союзы активно «работали» с французскими интеллектуалами Р. Ролланом, А. Барбюсом, А. Жидом и др. Французская Ассоциация друзей СССР, сотрудничавшая с ФКП, инициировала приезд в СССР делегаций коммунистов, рабочих и крестьян, которым по возвращении во Францию предстояло опровергать «домыслы» о том, что в Советской России люди умирают от голода, а власти проводят массовые репрессии против кулаков и других врагов режима. Как исторические источники эти материалы весьма специфичны: «политически сфокусированные» путешествия имели целью не раскрытие социальной реальности, а конструирование нужного образа «родины социалистической революции». По мнению Р. Мази, это было не путешествие в Россию с ее проблемами и историей, а погружение в «коммунистическую культуру» с ее жесткими правилами и табу (49). Леворадикальные репортажи 20–30-х годов заложили основы мифа о Советской России – стране «социального рая» для трудящихся, который на долгие годы сохранялся во французских левых кругах.

Тем не менее советский миф стал и объектом критики со стороны как левых, так и правых. Часть коммунистов осуждала советский строй за отход от классического марксизма. Центральное место в этом ряду критиков принадлежало последователям Л. Троцкого¹. Троцкисты клеймили советский режим за «предательство дела революции» (56, с. 11). Советский режим, писал близкий к троцкистам французский социалист Б. Суварин в первой вышедшей на Западе монументальной биографии Сталина (подробнее об этом ниже), – это «диктатура олигархии» в лице коммунистической партии (60, с. 418). С началом коллективизации и репрессий в деревне критика сталинизма в среде троцкистов стала более системной и жесткой (21). В 1936 г. в Париже троцкисты опубликовали первое издание документов «московских процессов», вышедшее с комментариями сына Л. Троцкого Л. Седова (58).

На противоположном фланге сформировалось антисоветское течение. Его правое крыло было представлено русскими иммигрантами. Среди них были

1. С конца 20-х годов троцкистское движение получило достаточно широкое распространение во Франции, в 1929 г. создана троцкистская партия – Коммунистическая лига. Позже во Франции троцкистами был учрежден IV Интернационал (1938).

известные политики, ученые, представители творческой интеллигенции – П. Милюков, П. Струве, А. Керенский, Н. Бердяев, Д. Мережковский. Одни выступали за реставрацию монархии, другие оценивали Русскую революцию с либеральных позиций, но для всех была характерна политическая заостренность оценок. Русские политики и мыслители, иммигрировавшие во Францию, считает известный историк Э. Каррер д'Анкос, могли бы в 20–30-е годы внести большой вклад в изучение СССР, однако «они замкнулись в своей личной трагедии» и не смогли во имя научной объективности преодолеть эмоциональное отрицание революции. В свою очередь тенденциозность их оценок побуждала с особой осторожностью использовать их свидетельства (46, с. 13).

Подчеркнем еще раз: научное сообщество французских славистов оказалось не способным объяснить своему обществу истоки и характер Русской революции 1917 г. Крайняя политизированность тогдашнего дискурса, конечно, мешала им. Но, пожалуй, главное состояло в том, что в 20–30-е годы во Франции не существовало условий для научного анализа современной истории – отсутствовала необходимая источниковая база для анализа Русской революции, а в исторической науке господствовало представление о том, что предметом ее анализа должны являться события далекого прошлого. Именно этой логике следовал основанный в 1920 г. при Сорбонне Институт славянских исследований.

Но даже если Русская революция в эти годы не стала предметом научного изучения, она оказала большое влияние на развитие французской научной мысли. Под впечатлением революционных событий в России целый ряд видных французских интеллектуалов вступили в ряды ФКП. Среди них были такие известные французские историки, как Э. Лабрус, Ж.-П. Вернан, А. Собуль. Для них политическое признание Революции 1917 г. означало принятие марксизма в качестве научного метода. В 20–30-е годы марксистская историческая школа только начала формироваться, но ей предстояло сыграть важную роль в истории французской общественной мысли.

3. Институционализация советологии во Франции и научно-политический дискурс в послевоенные годы (1945–1956 гг.)

Франция после 1945 г. позиционировала себя как «новая Франция», стремящаяся смыть воспоминание о годах оккупации и коллаборационизма. Послевоенный период в истории Франции отмечен укреплением демократии, упрочением в политической жизни позиций левых партий и особенно ФКП. Победа Советского Союза в войне не только обеспечила ему высокий престиж

во французском обществе², но также привлекла к советскому опыту большое внимание политиков и интеллектуалов. В эти годы во Франции интерес к советской системе стал носить не просто политический, как это было в период между двумя войнами, но практический характер.

В послевоенный период во Франции произошла институционализация новой науки – советологии, в задачи которой входило исследование советского политического режима и особенностей его функционирования. Французские ученые по-разному пишут о причинах, вызвавших появление новой науки. Одни связывают появление советологии с признанием в послевоенный период статуса Советского Союза как великой державы, одного из основателей ООН. Политики на Западе, пишет в этой связи Э. Каррер д'Анкос, пришли к мнению, что советская система «стабилизировалась», и это сделало необходимым ее изучение (46, с. 15). Другие интерпретируют возникновение новой науки в рамках поиска Францией собственной модели развития: «Советский Союз становился объектом исследования, который интересовал не сам по себе, но с точки зрения того, что он мог сказать нам о французском обществе, демократии, мире и коммунизме» (31, с. 48). В соответствии с этим для одних исследователей СССР являлся моделью для подражания, а для других – контрмоделью.

Институционализация новой науки предполагала создание научных учреждений, специализирующихся на исследовании СССР. В 1945 г. был учрежден Институт политических исследований (Institut d'études politiques) и Высшая школа практических исследований (Ecole pratique des hautes études), в которых началась подготовка кадров по новым научным специальностям. В Высшей школе обозначились четыре направления изучения СССР: историческое, экономическое, социологическое и этнологическое (подробнее: 41). Начали издаваться новые журналы, посвященные проблемам развития СССР, среди них – «L'URSS, faits et documents» (издавался в Париже с 1949 по 1967 г.).

На раннем этапе своего развития советология принесла не только новые знания об СССР, но и способствовала утверждению новых мифов. В разных странах Запада сложились свои национальные советологические школы, а для осмысления советского режима использовались различные системы анализа. Эти различия особенно видны при сопоставлении траекторий развития двух школ – американской и французской. Советология в США развивалась в условиях «холодной войны» и утверждения в американском обществе, если вос-

2. Опрос общественного мнения, проведенный во Франции в 1945 г., свидетельствовал о том, что 61% французов считали, что решающую роль в разгром Германии внес СССР, 82% выступали за развитие союзнических отношений с СССР (41, с. 48).

пользоваться выражением профессора Принстонского университета С. Коэна, «антикоммунистического консенсуса». В послевоенные годы американскими политологами, историками, социологами была разработана концепция тоталитаризма, ставшая основным инструментом анализа советского политического режима. В основе этой концепции, как считает российский исследователь Ю.И. Игрицкий, была «внутренняя потребность западной политологии и социологии дать дефиницию и типологические характеристики ранее неизвестных им явлений (каковыми, бесспорно, были общество, возникшее в СССР, итальянский фашизм и германский национализм)» (5, с. 55). В настоящем обзоре нет необходимости подробно останавливаться на анализе концепции тоталитаризма, разработанной в США (подробнее: 5; 59; 12). Отметим лишь, что анализ советской политической системы через призму концепции тоталитаризма позволил раскрыть особенности государственного управления в СССР и роль в этом процессе марксистской идеологии и правящей партии – КПСС, но отличался схематизмом и чрезмерной идейно-политической заостренностью. Под влиянием этой концепции в американском обществе надолго закрепился образ Советского Союза – «оплота тоталитаризма».

Формирование советологии во Франции происходило в условиях укрепления политических позиций ФКП. Сильная коммунистическая партия обеспечивала «идеологическую легитимацию» исследований советской истории и коммунизма (62, с. 35) и способствовала распространению марксистских идей³. В послевоенные годы профессора-коммунисты получили доступ к лучшим французским учебным заведениям, становились авторами учебников, по которым училась вся страна. Вспоминая тот период, известный французский мыслитель, представитель левого некоммунистического течения К. Лефор, в книге «Осложнение. Возвращение к теме коммунизма» писал, что коммунисты заняли сильные позиции во всех сферах интеллектуальной жизни – преподавании, журналистике, издательской деятельности, культуре, искусстве, составив тем самым «особую среду», представители которой «стремились оказывать друг другу поддержку в соответствии с принципами классовой солидарности» (43, с. 127).

В послевоенной Франции «монополия» на исследование СССР перешла к исследователям-марксистам. В 1945 г. была издана книга коммуниста Ж. Брюа «История СССР», опубликованная в популярной серии «Что я знаю?» (22) а в 1947 г. – другая книга того же автора «Презентация СССР» (23). В них ис-

3. Некоторые исследователи полагают, что судьбы американской и французской советологии столь различны, что само понятие «советолог» к французским специалистам мало применимо. Следует, как считает С. Дюллэн, скорее говорить не о французской советологии, но о «французских интерпретациях советской системы» (31, с. 47).

тория СССР интерпретировалась на основе марксистско-ленинской парадигмы, а на первый план выдвигалось изучение классовой борьбы. В этих работах были отражены ключевые положения официальной советской исторической науки, поскольку последовательные сторонники сталинской КПСС, французские коммунисты придерживались ортодоксального видения истории.

Французская исследовательская школа – и в этом было ее отличие – сконцентрировалась на анализе экономических процессов, так как это соответствовало марксистскому подходу. В работах известного специалиста в области советской экономики П. Жоржа позитивно оценивались экономические преобразования в СССР (38). Внимание французских исследователей к экономической проблематике Э. Каррера д'Анкос объясняет наличием источников – официальной советской статистики. Историк С. Дюлэн видит в увлечении экономикой прагматический интерес, связанный с поиском во Франции собственной модели экономической модернизации. «Монополия» коммунистов и марксистов на знание об СССР сохранялась до тех пор, пока существовал альянс между французскими интеллектуалами и ФКП. «Демистификация» советского режима, как и конструирование «советского мифа», лежали в политической плоскости. А начало демистификации СССР было положено разрывом между И. Сталиным и Б. Тито. За «югославским кризисом» последовало «дело Кравченко», ставшее серьезным потрясением для близкой к ФКП интеллигенции⁴. Дело Кравченко во Франции был открыт, как пишет Л. Жалобер, «великий спор» о сути советского режима.

В 1950 г. французской философ и политолог Р. Арон принял участие в создании Конгресса за свободу и культуру (Берлин), в задачи которого входило разоблачение советского режима. В послевоенной Франции с именем Р. Арона связано становление и развитие либерального течения. В юности философ испытал влияние марксизма, в начале 30-х годов в Германии заинтересовался неокантианством и социологией М. Вебера. Приход к власти в Германии Гитлера с особой остротой поставил перед Ароном вопрос о смысле истории, связи между историей и историком. Этим вопросам была посвящена

4. Ответственный советский работник В. Кравченко остался на Западе. В 1946 г. в США, а в 1947 г. во Франции он опубликовал книгу «Я выбираю свободу», в которой подробно рассказывал о репрессиях в СССР и сталинских лагерях. Выход книги во Франции сопровождался политическим скандалом: ФКП официально выступила с опровержением фактов, содержащихся в книге. Кравченко подал в суд на французское издание «Lettres françaises», обвинив его в клевете. Суд состоялся в 1949 г. Свидетелями на процессе выступали политические жертвы сталинского режима, люди прошедшие через советские тюрьмы. Дело Кравченко имело огромный общественный резонанс и по времени совпало с публикацией на французском языке целой серии свидетельств о лагерях в СССР (24).

его докторская диссертация «Введение в философию истории» (1938). Накануне войны Арон сформулировал идею тоталитарного государства, которую в то время применил лишь к нацистской Германии и фашистской Италии. В годы, последовавшие за окончанием Второй мировой войны, Р. Арон одним из первых во Франции принял аргументацию «тоталитарной школы» и начал ее самостоятельно развивать.

На другом – левом фланге советский режим критиковали троцкисты. Основным объектом их критики была «русская бюрократия», извратившая суть Революции и организовавшая в России термидорианский переворот (56). К троцкистам примыкали члены кружка левых интеллектуалов, издававшие журнал «Socialisme ou barbarie» (в переводе «Социализм или варварство», основан в 1949 г.). Среди членов кружка были К. Касториadis, К. Лефор, Ж.-Ф. Лиотар. Анализируя политическую природу Советского Союза, они приходили к выводу об утверждении в СССР «государственного капитализма», проводящего агрессивную внешнюю политику. Внедрение советской модели развития в странах Восточной Европы с помощью принуждения и репрессий способствовало тому, что эта оценка получила широкое распространение в среде французских интеллектуалов (20, с. 237).

4. На пути к освоению новых концептуальных подходов (середина 50–70-х годов)

Смерть Сталина в 1953 г. и последовавшие за ней осуждение «культ личности» на XX съезде КПСС (весна 1956 г.), жестокое подавление восстания в Венгрии (ноябрь 1956 г.), вторжение советских войск в Чехословакию потрясли западный мир. Во французской интеллектуальной и научной среде накапливались все новые вопросы по поводу того, что в реальности представляет собой советский политический режим. Серьезным культурно-психологическим шоком стал выход во Франции книги А. Солженицына «Архипелаг Гулаг» (роман опубликован в 1974 г. издательством «Seuil»). Этот роман, считает Э. Каррер д'Анкос, предопределил возвращение французского общества и особенно его интеллектуальной части к вечным ценностям Добра и Зла и помог многим во Франции переосмыслить советский опыт (31, с. 51).

Начиная с 1956 г., французские интеллектуалы начали дистанцироваться от СССР и ФКП, а научная мысль – «освободиться» от политики. Часть интеллектуалов пополнила ряды «нового левого» некоммунистического движения. Его сторонники – К. Касториadis, К. Лефор, Ж. Мартинэ, не отказываясь от идей социализма, пытались найти «третий путь», который был бы не капиталистическим, но и не советским. Идеалом «нового левого» движения была социалистическая модель, которая сочеталась с традициями Французской революции 1789 г. – правами человека и гражданина. Эти идеи высказы-

вались на страницах таких журналов, как «Socialisme ou barbarie», а для широких кругов – «Nouvel Observateur». В 60-е годы к новому левому движению примкнули известные историки и философы – Э. Морэн, Ж. Ле Гофф, Э. Ле Руа Ладюри.

После 1956 г. в интеллектуальной среде возросло влияние троцкизма – для многих французских левых троцкизм стал своеобразным «переходным периодом», позволившим им дистанцироваться от ФКП (31, с. 49). Именно так от марксизма и коммунизма через троцкизм отошел известный французский специалист по русской и советской истории А. Безансон, позже примкнувший к либеральному течению.

Окреп «либеральный полюс», центром притяжения которого являлся Р. Арон. Вокруг него объединились историки, начавшие пересмотр истории. Переосмысление происходило в широком историко-концептуальном контексте: под вопрос была поставлена роль революции в истории. Не принимая значимости Французской революции 1789 г. Р. Арон усомнился в ее универсальности. Знание о Французской революции, считал он, не помогает понять революции XX века – фашистскую в Италии, нацистскую в Германии и советскую в России. Большой вклад в изучение проблематики революции внес Ф. Фюре, отказавшийся рассматривать Французскую революцию в марксистской традиции как часть глобального и нераздельного процесса. Представители либерального течения критиковали тоталитарную сущность советского режима. С падением престижа СССР в глазах французской общественности, пишет один из представителей течения французский политолог Д. Кола, термин «тоталитаризм» начал широко использоваться в полемике⁵.

В исторической науке формировались новые политически нейтральные подходы к изучению СССР. При работе с источниками ученые использовали критический метод, позволявший вводить в научный оборот новые виды источников, ранее историками не анализировавшиеся (газетные, журнальные материалы, свидетельства современников) и предполагавший использование специальных процедур с целью верификации данных, полученных советскими исследователями.

Наибольшее влияние на развитие французской советологии в этот период оказали следующие факторы.

- Происходило институциональное укрепление советологии: к 70-м годам во Франции действовало семь научно-исследовательских центров, специализировавшихся на изучении русской и советской истории (46, с. 64–65). Правительством был создан Центр информации и документации по странам Восточной Европы и Китаю. Начали издаваться новые научные журналы,

5. Кола Д. *Политическая социология*. – М.: Весь Мир; Изд. Дом «Инфра-М», 2001. – С. 311.

среди них: «Cahiers du monde russe et soviétique» (Париж, издается с 1959 г.), «Economies et sociétés» (Париж, издается с 1956 по 1966 г.), «URSS et les pays de l'Est» (Страсбург, издается с 1960 по 1968 г.), «Courrier des pays de l'Est» (Париж, издается с 1964 г.).

- Возрос интерес специалистов по СССР к истории. Внимание к прошлому объяснялось стремлением ученых понять, что в реальности произошло в СССР после 1917 г.⁶

- Сформировалось новое поколение специалистов по русской и советской истории. Их судьбы сложились по-разному: кто-то пришел к изучению СССР через увлечение марксизмом и коммунизмом (А. Безансон), кто-то в годы войны был участником Сопротивления (М. Ферро), другие были выходцами из семей русских эмигрантов (А. Бенигсен, Э. Каррер д'Анкос, Б. Керблэ). Но всех их объединяло то, что в своем научном анализе они сумели дистанцироваться от личных пристрастий (подробнее: 31; 50).

- Более диверсифицированными стали источники по истории СССР и жизни советского общества (свидетельства людей, живших в СССР, самиздатовская литература). Впервые для западных исследователей были открыты советские архивы (31).

- Французская советология становилась частью международной советологии. Наметилось сближение между французскими и англоязычными специалистами, появились первые совместные исследовательские проекты (41).

- Расширилось пространство исторического анализа: одни ученые обратились к изучению советского политического режима, другие сконцентрировали внимание на социальной истории советского общества (42).

Политическая дискредитация советского режима оказала большое влияние на научные исследования – в исторической науке началась «демистификация» советской истории. Один и тот же процесс во Франции и США принял разную направленность. В США «демистификация» проявилась в отказе нового поколения историков от принципов «тоталитарной школы» и развитии нового социального или, как его еще называют, «ревизионистского» направления анализа. Его представители осмысливали историю «снизу» через призму повседневной жизни советских людей (подробнее: 12). Во Франции «демистификация» советской истории приняла форму «освобождения» науки от политики: ученые отказывались от «инструментального» взгляда на историю, осваивая политически нейтральный научный подход. В стремлении француз-

6. Вот как об этом пишет французский историк А. Безансон: «Нас обманули. Нам рассказывали истории и Историю, которые не имели ничего общего с действительностью. Это заставило нас “включить” мозги (...), любопытство и желание проводить собственные исследования» (цит. по: 41, с. 172). После событий 1956 г. А. Безансон решил изучать русскую и советскую историю, в качестве научного руководителя выбрав Р. Арона.

ских и американских историков было нечто общее: желание понять, как в условиях советского режима функционировало общество, как на политику реагировали простые люди и какие стратегии адаптации они вырабатывали. Осмысленная с помощью строгого научного анализа история СССР утрачивала свою «исключительность», а в ее исследовании использовались инструменты и процедуры, практикующиеся при изучении других политических режимов. Вместе с «исключительностью» СССР, по мнению Э. Каррер д'Анкос, перестала существовать и сама советология как наука, изучающая особый тип общества (46, с. 17).

В 60–70-е годы университетская наука заняла центральное место в изучении СССР во Франции. Запрос на профессиональное знание в обществе возрос. Появилась группа ученых-экспертов, связь которых с massmedia повысила их общественный престиж. Отметим среди них М. Ферро и Э. Каррер д'Анкос, приобретших широкую известность за пределами научного сообщества.

5. Вклад ученых в осмысление истории советского периода (80-е годы XX – начало XXI в.)

С 80-х годов прошлого столетия СССР вступил в полосу кризиса, который завершился развалом СССР (1991). В последнее десятилетие своего существования советская система полностью утратила свою привлекательность в глазах французского общества, и французская интеллигенция перестала рассматривать СССР в качестве прогрессивной модели развития (41, с. 271).

Все больший отклик среди широких слоев французской общественности находило диссидентское движение в СССР. В 1977 г. известные французские интеллектуалы и политики создали Международный комитет поддержки правозащитной организации «Хартия – 77». В 1981 г. была создана другая общественная организация – Комитет поддержки А. Сахарова. В 80-е годы популярность советского ученого и правозащитника была столь велика, что его фотографии печатались во всех учебниках современной истории, которые издавались во Франции (41, с. 316).

Отношение к Советскому Союзу во Франции на рубеже веков в значительной степени складывалось под влиянием сдвигов во французской интеллектуальной жизни и политической культуре. В 80-е годы ФКП лишилась некогда доминирующих позиций в политической жизни Франции, а марксистское течение утратило прежнее влияние в научных кругах. Из жизни ушли выдающиеся историки-марксисты – А. Собуль (1981) и Ж. Брюа (1983), внесшие немалый вклад в формирование позитивного имиджа СССР. В 1976 г. видный историк-марксист Ж. Элленстайн выступил с открытым письмом, в котором выражал свое несогласие с принципами марксизма-ленинизма; вскоре он вышел из рядов ФКП (41, с. 296–298). В свою очередь либеральное

течение набирало силу. Работы Р. Арона издавались и переиздавались, читающая публика открывала для себя французскую либеральную мысль XIX в. и забытое имя А. де Токвиля. Выразителями либеральной мысли стали популярные еженедельники «Point» и «Express». На либеральной волне во французском обществе утвердились новые идеологические стереотипы: представление о советском политическом режиме как о «неосталинском тоталитаризме» (если воспользоваться выражением А. Безансона).

События культурной и политической жизни были тем фоном, на котором развивалось изучение советской истории. Интерес к СССР и странам социалистического лагеря во Франции оставался устойчиво высоким: только за период с 1976 по 1991 г. были защищены 56 докторских диссертаций, посвященных социалистическим странам (41, с. 275). С приходом к власти левых сил финансирование научных исследований возросло. В Высшей школе гуманитарных наук Центр изучения советского общества возглавил М. Ферро, в Институте политических исследований и Центре изучения международных отношений аналогичными исследованиями руководили Э. Каррер д'Анкос и П. Аснар. Институт восточных языков при Университете Париж–III и Институт славянских исследований, по традиции специализирующиеся на изучении языков, широко открыли свои двери историкам и географам. Признаком нового времени стала широкая публикация научных дискуссий на страницах газет и журналов. История окончательно переставала быть достоянием профессионального сообщества, превращаясь в предмет общественной дискуссии.

С началом «перестройки» во Франции появились новые возможности изучения советского общества, связанные с открытием советских архивов. В научный оборот были введены документы руководящих органов и низовых структур КПСС; архивы советского государства, ГУЛАГа, Прокуратуры, Министерства внутренних дел СССР. Период, открывшийся во французской исторической науке после 1986 г., получил во французской литературе название «документальной революции». В области изучения истории СССР, как считает французский историк Н. Верт, наибольших успехов добились исследователи, занимающиеся ранним советским периодом (20–30-е годы) (66). Доступ к новым документам позволил им изучить вопросы, имеющие отношение к функционированию советского политического режима, в том числе:

- соотношение долгосрочного политического проекта с «импровизациями» и неожиданными политическими решениями;
- функционирование механизмов принятия политических решений и осуществление решений конкурирующих административных инстанций; логика функционирования административных органов и пределы автономии отдельных властных структур;
- наличие в советской системе напряжений и конфликтов между институтами и способы их регулирования партийным руководством (67).

Серьезное продвижение наметилось в области изучения социальной истории. Были изучены формы сопротивления, сложившиеся в советском обществе (как активные, так и пассивные), выявлено пространство автономии, которое сохранялось, невзирая на политические репрессии (18; 19). Подводя итоги «документальной революции», французские исследователи приходят к следующим выводам.

Во-первых, «документальная революция» не стала «историографической революцией» и не создала новых интерпретационных моделей для понимания советской истории (67, с. 82).

Во-вторых, само по себе открытие архивов автоматически не принесло историческую правду, поскольку новые источники должны быть интерпретированы, объяснены, верифицированы и подвергнуты критическому осмыслению. Новые документы «не говорят сами по себе», они озвучиваются и интерпретируются историками, (39, 21).

В-третьих, новый этап в изучении СССР заставил исследователей отказаться от политического, экономического, культурного детерминизма и поставил перед ними необходимость взаимосвязанного исследования всех трех сфер в жизни советского общества (42).

В-четвертых, диверсификация источников позволила использовать в историческом анализе новые междисциплинарные подходы. Применение концептов П. Бурдье, М. Фуко, Ж. Дарриды открыло новые возможности изучения советского общества «как цивилизации». В рамках «новой истории» объектом изучения историков стали не классы и социальные группы, но индивиды. В новейших работах о советском политическом режиме, пишет профессор Бернского университета Б. Студер, речь идет о сталинизме как об «образе жизни». Ученых интересует, как обычные советские люди – мужчины и женщины, жили в коммунальных квартирах, работали на крупных советских предприятиях или в колхозах (62, с. 39). В октябре 1999 г. в Доме наук о человеке (Париж) прошел colloquium, посвященный социальным практикам в рамках советской системы. В его участии принимали представители различных научных дисциплин, которые занимаются изучением этой проблематики.

Расширение источниковой базы изучения СССР/России позволило ряду французских авторов предположить, что в новых условиях появилась возможность «примирить» сторонников идеологизированной политической истории и аполитичной социальной истории (67, с. 99; 31, с. 62). Однако если в США такая возможность действительно возникла, то во Франции «примирения» между различными подходами к анализу советской истории так и не произошло. Наоборот, в конце 80-х – начале 90-х годов Франция стала свидетельницей одной из самых острых «битв за историю». С конца 80-х годов издаваемый либералами журнал «Communisme» перешел в наступление: каждый новый документ о сталинской эпохе использовался с одной целью – доказать

преступность советского тоталитарного режима. Ключевыми в этом смысле стали 1995–1997 гг., когда практически одновременно в свет вышли две книги – «Прошлое одной иллюзии» Ф. Фюре (37) и перевод книги известного американского советолога М. Малиа (45), в которых по существу отождествлялись сталинизм и нацизм. В это же время один из самых активных представителей либерального течения С. Куртуа опубликовал статью, в которой впервые во Франции открыто говорилось, что «советская катастрофа» (т.е. торжество тоталитарного режима) стала возможной благодаря поддержке французского общественного мнения и, в частности левых политических партий (29). Эти публикации произвели во французском обществе эффект разорвавшейся бомбы. И дело было не в том, что С. Куртуа проводил прямую параллель между сталинизмом и нацизмом. Важнее был сформулированный им тезис об ответственности французских левых за злодеяния Сталина. Такая постановка вопроса переводила дискуссию в моральную и политическую плоскость, затрагивая конкретные персоналии, и в частности героев Сопротивления. Сенсационность заявлений С. Куртуа вызвала невиданный интерес со стороны прессы. Научное же сообщество болезненно реагировало на политизацию дискуссии, историки критиковали публикацию документов из советских архивов без надлежащей верификации содержащихся в них сведений.

Следует уточнить, что образ СССР во Франции окончательно потускнел еще в конце советского периода. Негативное восприятие СССР подпитывалось фактами реальной политики, а советский политический режим все чаще отождествлялся с авторитарной и агрессивной властью стареющих вождей. Правда в связи с начавшейся «перестройкой» взгляд на СССР несколько смягчился: у ряда политиков и исследователей появилась надежда на возможность реформирования советской системы, которая, однако, быстро развеялась.

Литература

1. Ваяйн-Кутюрье П. В страну Тамерлана. – М.: Журнально-газетное объединение, 1933. – 47 с.
2. Голубев А.В. Советское общество 30-х годов и формирование внешнеполитических стереотипов // Россия и Европа в XIX–XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. – М., 1996. – С. 86–115.
3. Данилов В.П., Берелович А. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД 1918–1922. – М.: РОССПЭН, 1998. – 342 с.
4. Данилова О. Французское «славянофильство» конца XIX – начала XX века // Россия и Франция XVIII–XX века. – Выпуск 7. – М., 2006. – С. 236–270.
5. Игрицкий Ю. И. Россия в социоисторическом пространстве XX века. – М.: ИНИОН, 2005. – 500 с.
6. Кюстин де. Николаевская Россия. – М.: Терра, 1990. – 288 с.

7. Лиштенан Ф.-Д. Русская церковь XVIII века глазами западных наблюдателей: Политический и философский аспекты // Европейское просвещение и цивилизация России / Отв. ред. Карп С.Я., Мезин С.А. – М., 2004. – С. 65–76.
8. Лиштенан Ф.-Д. Как говорил Тютчев, Россию надо почувствовать // <http://www/polit.ru/culture/2006/07/04/vechnyefrancuzlku.html>
9. Павловская А.В. Пореформенная Россия глазами современников-англичан // Россия и Европа в XIX–XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. – М., 1996. – С. 143–154.
10. Первухина К.М. Европейская культура в советской периодике 1930-х годов: Журнал «Интернациональная литература» // Россия и Европа в XIX–XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. – М., 1996. – С. 116–128.
11. Ржеуцкий В.С. Французский институт в С.-Петербурге (1911–1919) и русско-французское научное и культурное сближение века // Россия и Франция XVIII–XX века. – Выпуск 7. – М., 2006. – С. 293–322.
12. Розенберг У. Г. История России конца XIX – начала XX в. в зеркале американской историографии // Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков. – М., 1996. – С. 8–28.
13. Рудая Е.В. Союзники – враги: Россия и Великобритания глазами друг друга в 1907–1917 годах // Россия и Европа в XIX–XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. – М., 1996. – С. 175–183.
14. Эррио Э. Восток. – М.: Соцэкгиз, 1935. – 311 с.
15. Aron R. Démocratie et totalitarisme. – Paris: Gallimard, 1965. – 378 p.
16. Bernstein S. Crise et reconstruction du modèle républicain français (1946–1997) // La démocratie libérale / Sous la dir. De Bernstein S. – P.: PUF, 1998. – P. 813–864.
17. Besançon A. Présent soviétique et passé russe. – Paris.: Le livre de poche, 1980. – 401 p.
18. Blum A. A l'origine des purges de 1937, l'exemple de l'administration de la statistique démographique // Cahiers du Monde russe. – P., 1998. – Vol. XXXIX. – N 1–2. – P. 169–196.
19. Blum A. et Gousseff C. La statistique démographique et sociale, élément pour une analyse historique de l'Etat russe et soviétique // Cahiers du Monde russe. – P., 1997. – Vol. XXXVIII. – N 4. – P. 441–456.
20. Bourseiller Ch. Histoire générale de «l'ultra-gauche». – P.: Ed. Denoël, 2003. – 546 p.
21. Broué P. Le Parti Bolchevik. L'histoire du PCUS. P.: Ed. de Minuit, 1972. – 563 p.
22. Bruhat J. L'histoire de l'URSS. – P.: Ed. Sociales, 1945. – 321 p.
23. Bruhat J. Présentation de l'URSS. – P.: Vautrain, 1947. – 218 p.
24. Buber-Neumann M. Déportée en Sibérie P.: Seuil, 1949. – 335 p.
25. Buttino M. Ethnicité et politique dans la guerre civile: à propos du basmacestvo au Fergana // Cahiers du Monde russe. – P., 1997. – Vol. XXXVIII, N 1–2. – P. 195–222.
26. Carrère d'Encausse E. L'URSS de 1917 à 1953. – P.: Centurion, 1972. – 236 p.
27. Carrère d'Encausse E. Le pouvoir confisqué: Gouvernants et gouvernés en U.R.S.S. – P.: Flammarion, 1980. – 329 p.
28. Chapelon J. En СССР. Quelques impressions d'un voyage dans l'Union des Républiques Soviétiques Socialistes. – P. Librairie philosophique J. Vrin, 1926. – 99 p.
29. Courtois S., Werth N., Panné J.J. et alii. Le livre noir du communisme: Crimes, terreur, repression. – P.: Robert Laffont, 1997. – 922 p.

30. Debray R. Le pouvoir intellectuel en France. – P.: Ramsay, 1979. – 245 p.
31. Dullin S. Les interprétations françaises du système soviétique. – Le siècle des communismes / Sous la dir. De Dreyfus M., Groppo B., Ingerflom Cl.S., Lew R., Penntier Cl., Pudal B., Wolikow S.-P., 2000. – P. 47–65.
32. Elleinstein J. Histoire de l'URSS, vol. 1: La conquête du pouvoir. – P.: Ed. sociales, 1972. – 221 p.
33. Elleinstein J. Histoire de l'URSS, vol.2: Le socialisme dans un seul pays. – P.: Ed. sociales, 1972. – 241 p.
34. Ferro M. La révolution de 1917. La chute du tsarisme et les origines d'Octobre / Préface de Portal R. – P.: Aubier-Montaigne, 1967. – 606 p.
35. Ferro M. La révolution de 1917: Octobre, naissance d'une société. – P.: Aubier-Montaigne, 1976. – 517 p.
36. Ferro M. Des Soviets au communisme bureaucratique. – Paris: Gallimard, 1980. – 434 p.
37. Furé F. Le Passif d'une illusion. Essai sur l'idée communiste au XX siècle. – P.: Robert Laffont / Calmann-Levy. – 1995. – 580 p.
38. George P. L'URSS, la terre et les hommes. – P.: SEFI, 1946. – 235 p.
39. Groppo B., Pudal B. Une réalité multiple et controversée // Le siècle des communismes / Sous la dir. de Dreyfus M., Groppo B., Ingerflom Cl.S., Lew R., Penntier Cl., Pudal B., Wolikow S.-P., 2000. – P. 19–25.
40. Ingerflom Cl.S. De la Russie à l'URSS // Le siècle des communismes / Sous la dir. de Dreyfus M., Groppo B., Ingerflom Cl.S., Lew R., Penntier Cl., Pudal B., Wolikow S.-P., 2000. – P. 113–122.
41. Jalobert L. Le Grand Débat. Les universitaires français – historiens et géographes – et les pays communistes de 1945 à 1991. – Toulouse: GRHI, 2001. – 405 p.
42. Kerblay B. Les marchés paysans en URSS. – P.: Mouton, 1968. – 519 p.
43. Lefort Cl. La complication. Retour sur le communisme. – P.: Fayard, 1999. – 259 p.
44. Leroy-Beaulieu A. L'empire des tsars et les russes, 2 vol. – 2-ème édition. – P.: Hachette, 1883–1886.
45. Malia M. La tragédie soviétique. – P.: Seuil, 1995. – 633 p.
46. Marcou L. L'Union soviétique / Introduction d'Hélène Carrère d'Encausse. – P.: Armand Colin, 1971. – 149 p.
47. Marie J.-J. Lénine. – P.: Balland, 2004. – 504 p.
48. Marie J.-J. Staline. – P.: Fayard, 2001. – 994 p.
49. Mazuy R. Croire plutôt que voir? Voyages en Russie soviétique (1919–1939). – P.: Odile Jacob, 2002. – 368 p.
50. Mink G. French Research on Eastern Europe. – P., 1002 // http://www.gesis.org/en/Publications/Magazines/newsletter_eastern_europe/archive/n1002/n100206.htm
51. Morizet A. Chez Lénine et Trotsky, Moscou, 1921. – P.: La Renaissance du livre, 1922. – 301 p.
52. Rambaud A. Histoire de la Russie des origines jusqu'à nos jours. – P.: Hachette, 1878. – 451 p.
53. Rambaud A. La Russie épique. Etude sur les chansons héroïques de la Russie. – P.: Maisonneuve, 1876. – 504 p.
54. Remond R. Vivre notre histoire. – P.: Le Centurion, 1976. – 234 p.
55. Rousseau J.-J. Contrat social. – P.: Garnier, 1772. – 514 p.

56. Roussel J. Les enfants du prophète. Histoire du mouvement trotskiste en France. – P.: Spartacus, 1972. – P. 110.
57. Saly P. Histoire de l'URSS: Vingt années de livres en français // Cahiers d'histoire de l'Institut de recherches marxistes. – P. 1987, N 28. – P. 75–118.
58. Sedov L. Livre rouge sur le procès de Moscou / Ed. par Sedov L. – P.: Ed. Populaires, 1936. – 128 p.
59. Le siècle des communismes / Sous la dir. de Dreyfus M., Groppo B., Ingerflom Cl.S., Lew R., Penntier Cl., Pudal B., Wolikow S.-P., 2000. – 542 p.
60. Souvarine B. Staline. Aperçu historique du bolchévisme. – P.: Champ libre, 1917. – 639 p.
61. Staline Y. Textes. – P.: Ed. Sociales, 1983. 2 vol. 301 et 237 p. / Présentation de Cohen F. (t. 1, p. 9–72).
62. Studer B. Totalitarisme et stalinisme. – Le siècle des communismes / Sous la dir. De Dreyfus M., Groppo B., Ingerflom Cl.S., Lew R., Penntier Cl., Pudal B., Wolikow S.-P., 2000. – P. 26–46.
63. Le voyage en Russie. Antologie des voyageurs français aux XVIII et XIX siècles / Préface, chronologie, notices biographiques établies par Cl. De Grève. – P.: Robert Laffont, 1990. – 540 p.
64. Voltaire Charles XII roi de Suède. Ed. stéréotype. – Münster, 1884. – 359 p.
65. Voltaire L'Apothéose de Pierre le Grand. – Prague: Ed. de l'Académie tchécoslovaque, 1964. – 213 p.
66. Werth N. Histoire de l'Union soviétique. – P.: PUF, 1990. – 547 p.
67. Werth N. L'historiographie de l'URSS dans la période post-communiste // Révue d'études comparatives Est-Ouest. – P., 1999. – Vol. 30. – N 1. – P. 81–104.

М.Н.Корнилов

РУССКАЯ ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА В ВОСПРИЯТИИ ЯПОНЦЕВ

Корнилов Михаил Николаевич – кандидат
исторических наук, старший научный
сотрудник ИНИОН РАН.

1. Как формируется отношение японцев к России (традиции и современные факторы)

В Японии целостные представления о России и русских появились вместе с классической русской литературой, со знакомством японцев с произведениями великих русских писателей в 80-е годы XIX в. Влияние русской литературы на японскую культуру было огромным (13; 15; 21). Поэтому правомерно считать, что современное отношение японцев к нашей стране основывается на том фундаменте, который был заложен еще в конце XIX – начале XX в. Тогда же родились и общие модели восприятия и освещения русской истории и культуры в японской литературе, которые попеременно доминировали в ней в течение всего минувшего столетия. До этого же, из-за долговременной изоляции Японии и период Токугава (1603–1867), контакты японцев с русскими были случайными либо носили опосредованный характер, что не позволяло составить о России сколько-нибудь реальные представления.

Профессор Токийского университета Вада Харуки¹ выделяет три главных отношения японцев к России: «Россия – учитель, Россия – враг, – Россия – собрат по страданиям» (2, с. 299). Со временем эти представления менялись и никогда не были однородными.

Последний из названных японским историком типов появился в конце XIX – начале XX в. в результате знакомства японцев с русской классической литературой. Тогда японская интеллигенция воспринимала «страдания и забо-

1. Здесь и далее в написании японских имен и фамилий автор следует принятому в японском языке порядку: сначала – фамилия, потом – имя.

ты русской интеллигенции как свои собственные» (2, с. 299). Японские интеллигенты «отождествляли себя с теми героями русской классической литературы, которые стремились к самоутверждению среди беспрестанно набегавших волн европеизации, к моральному единению с угнетенными людьми труда» (2, с. 299). Поэтому, замечает Вада, «можно сказать, что японское восприятие русской литературы было совершенно отлично от европейского и американского. Японцы вынесли из русской классики, книг Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.П. Чехова, представления о России как о собрате по страданиям» (2, с. 300).

Интерес к русской культуре остается высоким в Японии и в наши дни. Японские исследователи, ассистент профессора университета Рицумэйкан (Токио) Окумура Кацудзо и профессор Осацкого муниципального университета Сакон Такэси во введении к сборнику «Культура России и Япония Нового времени» (15), отметив большое влияние России на японское общество, политику и культуру в первой половине XX в. и вместе с тем рост влияния США после Второй мировой войны, подчеркивают, что «ураган, приведший после 1991 г. к развалу коммунистического мира, не уменьшил силы интереса японцев к русской культуре» (13, с. 1). Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в настоящее время во всей Японии каждый год свыше 500 человек поступают на университетские отделения или кафедры русского языка, а просто изучающих русский язык в десять или 20 раз больше, чем профессиональных русистов (6, с. 12). Японцы с гордостью говорят о том, что у них есть 15 переводов на японский язык романа эпопеи Л. Толстого «Война и мир» и девять переводов романа Ф. Достоевского «Преступление и наказание» (6, с. 12).

У представления японцев о России как учителя можно выделить два исторических пласта. Первый, наиболее широко известный, связан с японскими радикалами и революционерами. Сторонники движения «дзию минкэн ундо» (движения за свободу и народные права) в 70–80-е годы XIX в. заимствовали революционные идеи русских народников. У русских народников и социалистов-революционеров учились в начале XX в. и основоположники японского социализма во главе с Котоку Сюсуй (1871–1911). На них сильное влияние оказала русская революция 1905 г., Октябрь же 1917 г. и революционный пример России в течение всего XX в. служили образцом для японских революционеров и левых сил. Подчеркивая, что «революционная Россия всегда была учителем японских революционеров», Вада Харуки, однако, уточняет: «Это обстоятельство не имело большого значения для большинства японского населения, т.е. для среднего японца» (2, с. 200). К концу XX в., в результате ухудшения отношений Японии и СССР из-за вопроса о «северных территориях», т.е. четырех южнокурильских островах, которые большинство японцев считают своими, а также вследствие деградации и краха советской системы,

престиж России как революционного учителя Японии значительно упал. По данным японской печати, в 70–80-е годы XX в. симпатии к СССР в Японии испытывали только 2–3% японцев, что было значительно меньше доли избирателей, поддерживавших на выборах левые партии.

Второй исторический пласт связан с интересом японской элиты к российскому опыту государственного реформирования при Петре I, пробудившимся в конце периода Токугава (1603–1867), когда разрабатывались проекты реформ в стране. «Следование модели Петра I, – отмечает Вада, – при одновременном поклонении Наполеону привело к уникальному явлению, названному “Мэйжзи исин”». При всех обстоятельствах несомненно, что Россия в данном случае была учителем Японии» (2, с. 306). То есть японский историк считает возможным видеть Россию в образе учителя Японии в дни буржуазной революции 1867–1868 гг., получившей название «реставрации Мэйдзи» – Мэйдзи исин.

Что касается представлений о России как о враге, то следует учитывать, что исторический опыт отношений Японии с Россией, а потом и с СССР в первой половине XX в., как и опыт массовых прямых контактов ее граждан с русскими в это же время, был омрачен неоднократным военным противоборством двух стран, что способствовало закреплению в сознании японцев образа России как «опасного соседа», «страшной страны», «потенциального врага». Этот образ постоянно ангажировался определенными политическими силами, но в то же время закрепился и в сознании многих рядовых японцев. Это, в частности, нашло отражение в том факте, что в обследованиях национального характера, проводившихся в Японии начиная с 1953 г. раз в пять лет, русские по своей непопулярности среди японцев занимали, как правило, второе место после корейцев.

Вада Харуки подчеркивает, что «в сравнении с представлением о России как учителе отношение к ней как к врагу... было распространено среди японцев больше и являлось более мотивированным для них». У представления о России как о враге было два основных значения: 1) «Россия угрожает независимости и территориальной целостности Японии; 2) «Россия препятствует экспансии Японии на Азиатском континенте» (2, с. 306). Последнее подкреплялось тем обстоятельством, что во всех случаях военного противостояния Японии и России, за исключением Второй мировой войны, боевые действия велись на русской территории или же в Корее, Маньчжурии и Монголии, на территориях, захваченных у России в качестве военной добычи. Резюмируя свое исследование о представлениях японцев о России, Вада Харуки пишет: «...было время, когда образ России-учителя оказал некоторое влияние на судьбу японской нации. Об этом стоит вспомнить с благодарностью. Представление же о России как о враге, обусловленное воспоминаниями о русско-японской войне, следует подвергнуть критике» (2, с. 311).

Ёкотэ Синдзи в то же время подчеркивает: «Не так-то просто изменить устоявшиеся взгляды. И лучший способ их изменить, несмотря на общепринятое мнение, – вовсе не в освещении положительных сторон России и русских людей. Подобными политическими мерами немногого добьешься. Самый лучший способ – это изучить и определить стереотипы, исторически сложившиеся у японцев по отношению к России» (3, с. 504–505).

Более того, в позициях японских и русских ученых много сходного, иногда осложняющего процесс научного познания друг друга, иногда благоприятствующего ему. Профессор Центра славянских исследований при Университете Хоккайдо (Саппоро, Япония) Мацузато Кимитака считает, что в менталитете, поведении и даже в сильных и слабых сторонах японских и российских ученых – гуманитариев и обществоведов много общего. Во-первых, и Япония, и Россия «находятся на периферии европейской цивилизации, поздно вступили на путь модернизации и капиталистического развития (Россия – в 1861, Япония – в 1868 г.), и каждая из них потерпела сокрушительное поражение в соперничестве “мировым ядром” (Япония – в 1945, Россия – в 1991 г.)». Из этого он делает вывод, что интеллигенция обеих стран видит в США и Западной Европе «образец как научной парадигмы, так и гражданского поведения» (5, с. 421). Более того, в обеих странах в прошлом существовали политические препятствия для свободного развития общественных наук. В советской России это был политический режим, не заинтересованный идеологически в такого типа исследованиях, а Япония, даже став экономически мощным государством, «не считала нужным иметь собственную внешнеполитическую стратегию, оставаясь лояльным союзником США» (5, с. 422).

Мацузато также выделяет другую общую черту японских и российских общественных наук – постоянное «превышение импорта», состоящее в том, что многие исследователи считают своим основным занятием введение в оборот и популяризацию передовых западных научных теорий и методологий. Поэтому «японские и русские ученые являются, в лучшем случае, только объектом (а не субъектом) глобализации. Их академическая культура не выдерживает испытания мировым стандартом. Именно здесь мы сталкиваемся с самым безрадостным сходством японцев и россиян...» (5, с. 423). «Академические сочинения японцев по форме отличаются от российских (в частности, серьезным отношением японцев к зарубежной историографии), но тем не менее они похожи по духу. Если научные труды ученых из СНГ напоминают детективы, то статьи, написанные японскими учеными, создают впечатление авторского черновика, позволяющего читателю видеть логику развития авторского мышления» (5, с. 424).

Эта логика иногда, однако, заимствуется в аргументации либо представителей изучаемой страны, либо ее идеологических критиков. Профессор Токийского университета Нумано Мицуюэси отмечает, что «многие японские русисты,

сами того не замечая, стоят на позициях Европы или США. С другой стороны, левые связывают себя с Россией, не осознавая, что оценивают Россию с точки зрения русских» (4, с. 9). Все эти черты, по мнению Мацузато, являются следствием изоляции от мирового процесса в общественных науках, в том числе и от мировой русистики, в советской России и Японии в прошлом, с трудом преодолеваемой сегодня.

Вместе с этим можно также отметить, что у японских и русских исследователей-русистов существуют трудноразрешимые проблемы, связанные с теми конфликтами, которые существовали и существуют сегодня в отношениях между Россией и Японией. Это проблема «северных территорий», т.е. четырех южных островов Курильской гряды, на которые претендует Япония как на свои собственные (эти претензии поддерживаются большинством японцев), японская интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке после Октябрьской революции, массовое интернирование военнопленных японцев после Второй мировой войны, а также «проверка» японской интеллигенции на «лояльность России», пугавшая ее в прошлом и продолжающая пугать и сегодня.

К положительным явлениям последнего времени следует отнести тот факт, что в Японии после распада СССР не произошло такого резкого снижения финансирования славянских исследований, как, например, в Северной Америке. По мнению Мацузато, довольно высокий уровень финансирования славяноведения, в том числе русистики, во времена распада социализма объясняется переходом японского правительства на том же этапе к формированию более или менее самостоятельной внешней политики и вытекающим отсюда пониманием важного значения существования в Японии самостоятельно го страноведения (5, с. 427).

Перестройка в СССР, связанное с ней окончание «холодной войны» между Востоком и Западом и распад СССР побудили японских русистов, культурологов и историков обратиться к пересмотру истории и образа России ради поиска новых перспектив развития русско-японских отношений. Как пишет Вада: «Мы должны создать... новый образ “Россия – сосед”» (2, с. 311). Следует, конечно, учесть и то, что к этому времени в общественных науках появились новые модели и подходы к изучению истории и культуры в рамках исследования цивилизаций, культурной и исторической компаративистики и др., открывшие новые исследовательские возможности.

2. Россия в японских цивилизационных и сравнительных исследованиях

Хотя японские исследователи-обществоведы редко предлагают оригинальные целостные концепции цивилизационного развития человечества, не говоря уже о таких, в которых России отводилось бы особое место, японский эколог

и культуролог Умэсао Тадао сделал это в своей эколого-исторической теории цивилизации (19; 22). Он исходит из идеи, что основание культуры обусловлено скорее функционально, чем генетически и материально (19, с. 70), и что развитие житейских обычаев контролируется природной средой. Умэсао использует применительно к человеческому обществу методы экологии, в частности, теории наследственности. Его теорию признают новой философией истории, сила которой заключается в том, что параллельные явления в истории могут быть объяснены без использования одномерной теории эволюции (12; 20). Если в старых исторических теориях эволюция рассматривалась как однолинейный процесс и любые варианты в развитии считались отклонениями, то, приняв эколого-историческую концепцию развития, можно признать также и многолинейное развитие.

Евразию, указывает Умэсао, с северо-востока на юго-запад пересекает «аридный пояс», образуемый районами тундры, вечной мерзлоты, болот, степей, полупустынь и пустынь. Природно-климатические условия в этом поясе отличаются суровостью, нестабильностью и крайне тяжелы для жизнедеятельности человека, что побуждало проживавшие в нем кочевые народы в прошлом совершать набеги, пересекая при этом огромные пространства. Малодоступными для кочевников были только отдаленные районы Западной Европы и Японии. Умэсао выделяет два эти района в «первую зону», почти не доступную для волн кочевников. Находящееся между ними пространство он называет «второй зоной», зоной высокой доступности для кочевников-переселенцев (19, с. 74–75). Появляясь из «аридного пояса» и нападая на древние цивилизации «второй зоны», они иногда настолько разрушали некоторые из них, что тем не удавалось восстановиться.

«Первая зона», страны которой относятся сегодня к числу государств с высоким уровнем современного технического развития, первоначально заимствовала цивилизацию из «второй зоны», но, сделав ее своей, поступательно развивалась, проходя через феодализм, абсолютизм, буржуазные революции к капитализму. «Вторая зона» – родина всех древних цивилизаций. В ней появились огромные деспотические империи. Слабость стран этой зоны проявилась в том, что большая часть их была колонизована странами «первой зоны». Их стремление к модернизации реализовывалось через революции. В отличие от «первой зоны», где развитие шло плавно, во «второй зоне» оно носило скачкообразный характер, здесь укоренялись деспотические режимы как для поддержания стабильности, так и для осуществления перемен.

Внутреннее развитие в каждой из двух зон идет параллельными путями. Именно поэтому Японии после «реставрации Мэйдзи» (Мэйдзи исин) (1867–1868) не пришлось вестернизироваться.

В начальный период Новой истории во «второй зоне» Евразии складываются такие великие империи, как Российская, Османская, Индийская (Им-

перия Великих моголов) и Китайская (Маньчжурская). Все эти имперские образования основывались на смешении традиций кочевых и оседлых народов.

Революции в Западной Европе и Японии резко контрастируют с революциями начала XX в. в России и Китае, приведшими к падению империй и модернизации. Радикализм этих революций отражал «безрассудную адаптацию и насильственное восстановление организма в ответ на острое давление и вызовы современной цивилизации» (19, с. 84; 22, с. 65).

Россия, как и другие страны «второй зоны», «не имела опыта феодальной системы, здесь не было сильной буржуазии» (19, с. 86). Из-за нищенского положения народа и в целях повышения уровня жизни здесь была совершена революция. В России и других странах «второй зоны», «правительство, возглавляемое сильными вождями, частично выполняло роль буржуазии», хотя страны этой зоны строили коммунизм и социализм (19, с. 86).

Умэсао фактически отводит России место развивающейся страны, страны «третьего мира». Из-за чрезмерного детерминизма исследовательского подхода некоторые современные критики упрекают его в близости к марксизму (20, с. 737). Хотя этот упрек представляется необоснованным, детерминистская позиция очень явственно прослеживается в его работе – как и естественное для японского ученого стремление придать своей стране особый статус в мире.

Это стремление служит стимулом популярных в Японии компаративистских исследований, в которых Япония и японцы сравниваются с другими странами и народами. Россиеведение в общественных науках Японии конца XX – начала XXI в. стала частью компаративистики. В последние годы работы типа «Японцы и русские» или с похожими названиями (10; 14; 17; 18) появляются если не так часто, как публикации, сравнивающие японцев с американцами или другими западными народами, но, во всяком случае, нередко. В книгах с такими названиями часто не столько исследуется история отношений между двумя народами, сколько проводится их сравнение.

Интерес японцев к культурной компаративистике представляет собой форму поиска национальной самоидентификации. Сравнивая себя с другими, японцы познают себя и самоутверждаются в культурном и политическом смыслах. Следует учесть, что для Японии как страны, пережившей в прошлом неоднократно длительные периоды изоляции, повышенный интерес к познанию мира и своего места в нем через сравнения естественен, но он также усугубляется тем обстоятельством, что с начала XX в. Япония постоянно находится в ситуации конкуренции и конфликтов с великими державами. Свои успехи и неудачи в этой конкуренции она объясняет или схожестью собственного модернизационного образца с западным, или своей уникальностью.

Сравнивая русских и японцев, профессор университета Васэда (Токио) Симода Микио (17) подчеркивает, что Япония относится к странам муссонной цивилизации и, как и для других народов этой цивилизации, для японцев ха-

рактельны большие коллективные усилия в создании и поддержании ирригационного земледелия (выращивания риса на обводненных полях). Россия, по его мнению, принадлежит к странам степной цивилизации, распростершись на огромных пространствах Евразии, на которых в древности владычествовали кочевники. Избавившись в XV в. от монголо-татарского ига, Русь двинулась на восток. «Движущей пружиной этого процесса была терпеливость и не сломленный господством татар дух народа» (17, с. 110).

Несмотря на обширные пространства, значительная часть земель в европейской России скудна и малоурожайна, и для ее эффективной обработки русская деревня создавала общины и поддерживала патриархальные отношения (за исключением черноземной зоны, где преобладало хуторное хозяйство). Ситуация общинной, а не индивидуальной организации резко отличала Россию от стран Западной Европы. Некоторые японские исследователи, пишет Симода, считают, что Ленин, критиковавший народничество, сам на практике осуществлял его программу в вопросах землепользования. Другие же утверждают, что единственным путем повышения эффективности русского земледелия в конце XIX – начале XX в. была столыпинская политика приватизации земли и если бы Россия пошла дальше по этому пути, она добилась бы в сельском хозяйстве гораздо больших успехов. Симода не согласен с данной точкой зрения, полагая, что в той или иной форме общинное землевладение должно было непременно возродиться, так как этого требуют природно-географические условия России; даже при формально частном землевладении непременно должен был произойти возврат к какой-либо форме общинной собственности. «Это так же верно, – замечает Симода, – как и то, что история Рима не претерпела бы существенных изменений, если бы кончик носа Клеопатры был бы на сантиметр выше или ниже... Поэтому, кто бы что бы ни делал, царь ли, Столыпин ли, Ленин ли, какая бы ни была система – самодержавие или социализм, в русских природно-климатических условиях всегда возродится мирская община или что-то подобное ей» (17, с. 118).

С земледельческой (общинной) традицией связана, по мнению автора, и высокая роль в православном христианстве культа Девы Марии. В процессе приспособления христианства как религии, возникшей в районах с пустынным климатом и имевшей первоначально ярко выраженный мужской приоритет, к земледельческой культуре Древнего Рима, в нем усиливается необходимый для земледельческого народа культ женщины-матери. Эта традиция проявилась и в православии, она жива и в русской литературе, тесно связанной с народной традицией (у Достоевского и Л. Толстого), но ее нет в тех литературных течениях, которые находились под влиянием идей западного либерализма (например, у А. Чехова).

На заимствование и развитие в России идей социализма, продолжает Симода, значительное воздействие оказала традиция общинности. Славянофилы

в борьбе с западниками первыми отстаивали идею о том, что России суждена своя, особая дорога, ведущая к установлению справедливого общества без капиталистических противоречий. Затем возникло народничество, а после того, как оно встало на путь индивидуального террора, его место заняла социал-демократическая партия. При этом марксизм, формировавшийся как учение о разрешении противоречий развитого западного общества, но оказавшийся практически неприменимым в нем, смог ответить на потребности периферийных обществ, в том числе и российского. Однако в царской России, где отсутствовали гражданская сплоченность и массовые движения, марксизм, предполагающий зрелость и сплоченность пролетариата, превратился в теорию насильственной революции силами заговорщической организации небольшого числа профессиональных революционеров. «Этот образ мышления был, в конечном счете, крестьянским» (17, с. 127). Общинное сознание наложило свою печать и на славянское понимание свободы: считается, что она не завоевывается личностью, а дается сверху и обеспечивается в рамках мирской общины, на основе единства и сплоченности все ее членов. Этому учит славян их исторический опыт борьбы с многочисленными сильными врагами.

Сравнивая развитие России и Японии, Симода указывает на важную роль природно-климатических условий. В Японии $\frac{2}{3}$ территории ни для каких видов хозяйственной деятельности непригодны, резко чередуются времена года, что предполагает состояние постоянной внутренней мобилизации населения. Поэтому в характере японцев заложена готовность к короткой, но решительной битве. Из-за небольшой территории Японии ликвидация последствий стихийных бедствий неотложна в ней каждый раз для сохранения жизненного пространства.

С различиями в природно-климатических условиях связаны и мировоззренческие, в том числе религиозные. В Японии многие течения синтоизма не имеют никакого учения, в других религиях отсутствуют ритуалы или религиозные организации. Что же касается России, то даже в социалистическом обществе, несмотря на официальное отрицание религии, традиционное религиозное сознание, часто латентно, сохраняло свою силу. «Духовная база для формального образования общин, клявшихся в верности Марксу и Ленину, была той же самой, что и в православии» (17, с. 145).

Сопоставление Японии и России в работах японских исследователей включает в себя и анализ отношений между ними. Здесь особое место занимает военная история. Перед войной на Тихом океане (1941–1945), отмечает Симода Микио, в Японии получила известную популярность книга, в которой подробно рассказывалось, как японский флот одним мощным ударом заставляет противника капитулировать, как во всем мире распространяется идея японского гегемонизма, получившая название «восемь углов под одной крышей». Но уже тогда возникали сомнения и вопросы: что будет, если против-

ник не сдастся после первого могучего удара? Как известно, мрачные ожидания подтвердились. Поражение Японии во Второй мировой войне стало одним из источников того, что в конце 70-х – начале 80-х годов XX в. в Японии снова стала насаждаться идея военной ненависти, на этот раз к СССР. Подумывая о написании книги «Если Япония сразится с СССР», Симода решил подробнее изучить русскую историю. Он обнаружил, что еще в стародавние времена персидские цари в войнах со скифами столкнулись с тактикой выжженной земли и партизанских действий, в результате чего их попытки покорения скифских племен потерпели полный крах. Аналогичная участь постигла в более поздние времена наполеоновские и нацистские армии. Даже в русско-японской войне (1904–1905), которую русские проиграли, на самом деле Японии удалось заключить мир в нужный момент, находясь уже на грани катастрофы. Когда Витте заявил в Портсмуте, что Россия войны не проиграла, в этом, подчеркивает Симода, была доля правды. Русские – мастера затяжной войны, тогда как Япония может выигрывать лишь молниеносные баталии, заставляя противника капитулировать после первого же мощного удара.

Проблема возможности военного конфликта между Россией и Японией волнует и профессора Ивасаки Масаки (10). Для решения ее он обращается к сравнению национальных характеров и поискам ответа на вопрос: «агрессивен ли русский народ»?

Исконно и русские, и японцы, пишет Ивасаки, – земледельческие народы, но Япония – островная страна, окруженная морем и защищенная им; Россия – равнинная страна, свободно проницаемая со всех сторон и доступная для экспансии кочевников. Благодаря различиям в среде обитания и истории двух народов, у них сложились разные представления о мире и разные образы поведения и мышления.

Основной чертой российского национального характера автор считает «сверхзащитный инстинкт» (кадзё: бо:эй хоно:), обратная сторона которого – постоянное душевное беспокойство (10, с. 20). Этим объясняется стремление русских к безоглядному наращиванию военной силы. Из-за многолетнего монголо-татарского ига вера в то, что «сила решает все», упрочилась на Руси. Поэтому не будет преувеличением сказать, что «вера в военную силу превратилась у русских в труднопреодолимую наклонность» (10, с. 21).

Японцы же, считая, что безопасность им гарантирована и ничего не стоит, что она – естественное состояние, являются народом со слабым «оборонительным сознанием»; они верят в «пацифизм одной страны» (10, с. 21). Но с исторической точки зрения Япония, за исключением 260-летнего мирного периода в эпоху Токугава (1603–1867), была скорее агрессивной страной, в то время как Россия до начала Нового времени преимущественно оборонялась (10, с. 22). В древности и Средневековье русских считали жертвами агрессии, а не агрессивным народом, но в Новое время Россия сама начала совершать

нападения на соседние государства, в результате чего сложилось и сохраняется сегодня мнение, что «в общем, русские в целом хорошие люди, но что касается России как государства, она из-за своей агрессивности – опасная страна», что «русские – хорошие люди, но государство у них опасное, милитаристское» (10, с. 36). Агрессивность русскому государству придали монгольское завоевание в XIII в. и последующее закрепление в стране навязанных монголами институтов, норм и правил поведения власти. Эти нормы и правила основывались на принципах силы и деспотизма. На огромных просторах монгольской империи они реализовывались через делегирование монголами власти местным князьям и навязывания им своих институтов. Принцип силы действовал за счет: 1) концентрации власти; 2) функциональной организации войска; 3) использования закона ясака (сбора дани). Монгольское иго стимулировало закрепощение крестьян на Руси и укрепление деспотической системы власти.

«Можно сказать, – резюмирует Ивасаки, – что национальный характер русского народа миролюбивый, а русское государство из-за того, что училось у агрессивного милитаристского монгольского государства, имеет агрессивную оболочку» (10, с. 43).

Япония также стала жертвой оккупации после поражения в войне на Тихом океане (1941–1945), но эта оккупация была кратковременной, а само господство оккупантов-американцев – мирным (10, с. 37).

Сравнивая положение крестьянства как основного класса населения в двух странах, японские историки отмечают существенную разницу. В России и после падения монгольского ига жизнь крестьян мало изменилась. Они в большинстве своем оставались крепостными вплоть до 1861 г. «Будучи собственностью помещиков, крепостные не имели естественных прав человека, а право полицейского надзора и суда над ними принадлежало помещику» (10, с. 47). В Японии же конца периода Токугава (1603–1867) даймё (владельцы князья) обладали только правом на сбор налогов, но не были землевладельцами. Собственниками земли в Японии были не они, а крестьяне и горожане. «Деспотическое правление», эта отличительная черта России, сохранилось и после Октябрьской революции, воплотившись в диктатуру коммунистической партии; оно мало изменилось и в последние годы.

Вспыхнувшие во времена горбачёвской перестройки народные беспорядки свидетельствовали, по мнению Ивасаки, только о том, что в российском обществе естественная демократическая прослойка очень тонка. Из-за созданного монголо-татарским игом «механизма экспроприации» русский крестьянин влачил полуживое существование, в нем зрели чувства анархии и отчужденности от государства.

В отличие от России, в Японии демократизм создавался сверху после реставрации Мэйдзи в форме «официального абсолютизма». И М. Горбачёву в ходе перестройки, очевидно, нужно было последовать примеру Японии и про-

вести сначала реформы сверху, используя форму «официального абсолютизма». Так поступил в КНР Дэн Сяопин, провозгласив теоретически противоречивый, но реалистичный лозунг: «в политике – диктатура партии, в экономике – дорога реформам» (10, с. 53).

Небезынтересно еще одно сравнение, проводимое Ивасаки, – относительно менталитета японского и русского народов. «Японцы – рисоводческий народ, но из-за того, что рисом питалось много людей, проживавших на небольшой территории, японцы занимались, в отличие от российского экстенсивного земледелия, интенсивным земледелием на небольших участках земли» (10, с. 84). Эти различия между Россией и Японией оказали большое влияние и на национальные характеры двух народов: «русские мыслят приблизительно и с размахом, японцы – сжато, но детально, подробно» (10, с. 85). Поэтому Россия стремилась к движению вширь, Япония же предпочитала изолироваться и заниматься саморазвитием, что и произошло в начале XVII в.

И далее: русские – европейцы, японцы – азиаты, но с точки зрения европейцев у русских много азиатских черт. Русские как славяне исторически и культурно связаны с Европой, но начиная с XIII в., с монголо-татарского завоевания, культура Руси испытывает на себе сильное влияние завоевателей, и это особенно заметно в области государственного строительства. Поэтому Россия основательно отличается от западноевропейских стран отсутствием в ней индивидуализма, либерализма и демократизма. Хотя Россия вступила на путь вестернизации намного раньше Японии, Петр I, заимствуя технику и культуру у Запада, не разрушил деспотизм. Япония же в результате реформ Мэйдзи (1868–1911) переняла не только технику, но и западный образ мышления. Приняв Конституцию Мэйдзи, Япония перешла от государства китайского стиля к государству западного типа, ввела выборы и разделение властей, а после Второй мировой войны позаимствовала у американцев и демократию, «стала демократическим государством западного типа» (10, с. 186). Правда это не была полная вестернизация, поскольку японцы придерживаются принципа «вакон ёсай» (японское мастерство, западная техника), означающего соединение японской культуры с западной.

Подытоживая обзор японской научной литературы, можно сказать, что компаративистские исследования на национальном уровне – явление рискованное и не бесспорное в них всегда присутствуют как национальные интересы, так и стремление взглянуть на предмет изучения «свежим взглядом», с точки зрения нестандартного или неожиданного для сравниваемых культур подхода. Японские исследователи, сравнивая Россию и Японию, в первую очередь озабочены волнующими их страну проблемами в отношении двух стран, но пытаются разрешить их в контексте национальных культурных традиций и составляющих элементов, в частности инокультурного влияния. Согласно цивилизационным и компаративистским исследованиям, агрессивность и деспоти-

тизм берут истоки в традициях кочевых народов, закрепившихся в русской культуре и ставших ее частью.

3. Оппозиция «русское»–«советское»

К концу XX в. в сознании японцев довольно прочно укореняется оппозиция «русское»–«советское». «Для японцев, – пишет японский советолог и русист Симидзу Хаяо, – русские – добрые, дружелюбные люди, а советские люди – коварные, высокомерные, вызывающие гнетущее впечатление существа» (16, с. 15). Объясняя природу этого явления, Симидзу указывает на то обстоятельство, что эти два образа формировались в разные периоды японской истории и под влиянием различных средств информации «Добрые русские» – образ, который принесли с собой японские переводы русской классической литературы XIX – начала XX в. О «коварных советских людях» японцы узнали из средств массовой информации XX в., настроенных антисоветски и создавших образ «врага». Согласно проведенным Симидзу опросам, многие японцы называли себя одновременно русофилами и советофобами.

Из общения с русскими у японцев, по определению Симидзу Хаяо, сложились стереотипные представления об их положительных и отрицательных чертах. Среди положительных они чаще всего называют доброту, человечность, душевность, участливость, широту души, выносливость, терпеливость, оптимизм. К типичным отрицательным чертам русских японцы относят коварство, некоммуникабельность, нечестность, жестокость, медлительность, склонность к воровству, расточительность, привычку вмешиваться в чужие дела, навязчивость, разгильдяйство, леность, отсутствие утонченности (16, с. 61–64, 176–198).

Для русского человека, считает Симидзу, характерны особое, «русское представление о времени», акцентирующее внимание на «сегодня» и отводящее «завтра» второстепенное значение, а также «русское понимание собственности», не проводящее четкой грани между своим и чужим. Русский человек четко разделяет официальную и частную сферы жизни (16, с. 221–222).

Образ России ассоциируется у японцев с широкими горизонтами и полями средневропейской России, церквями, деревянными крестьянскими избами, красивой природой, зимними морозами, равнинами и лесами, снегами, березами, степями, рекой Волгой, Москвой.

Образ русского человека у японцев складывается из следующей мозаики: платки темного цвета у старух; борьба людей с природной стихией на огромных суровых просторах Севера; смиренный характер, выражающийся в кратком ответе на все неприятности словом «Ничего!»; добродушный крестьянин; нищенская жизнь народа при царизме; способность русских переносить суровые морозы; стойкое религиозное чувство; доброта (даже по отношению к

японским военнопленным); оптимистическая настроенность; общительность; натруженные руки; сильные женщины; простота жизни; гостеприимство; любовь к водке (16, с. 16–17).

Образ Советского Союза в глазах опрошенных Симидзу японцев складывается из следующих, преимущественно политических черт: авторитарный режим, коммунизм, ужасы сталинской эпохи, культ силы, лицемерие и интриги, шпионы, бюрократия, чистки, дух великодержавности, низкий уровень народного потребления, Ленин, компартия, революция, Красная Армия, КГБ, милитаристская держава, плановая экономика, контроль над обществом, угнетение, бедность народа, огромный военный потенциал, Кремль, Сталин, лагеря, Красная площадь, полицейская система, нормирование, многочисленные заключенные (16, с. 16–18). В глазах японцев образ Советского Союза, по замечанию Симидзу, ассоциируется с эпитетами, внушающими чувство страха: «черный, беспросветный, бедный; дискомфортный; большой, сильный; неотесанный; серый, отсталый, негибкий; гнетущий; бюрократический» (16, с. 18).

Симидзу подчеркивает, что феномен «советофоб, но русофил», хотя и имеет отчасти идеологическую природу, уходит глубже своими корнями (16, с. 23). Японцы не любят не только Советский Союз, но и Российскую империю, поскольку они в большей или меньшей степени испытывали чувство страха и перед тем, и перед другим государством. Они могут быть привязаны к русским людям в отдельности, но не хотят любить созданное этими людьми государство, независимо от того имперское оно или коммунистическое. Исходя из этого, автор предлагает вместо вопроса «Почему японцы не любят Советской Союз?» поставить другой вопрос «Почему японцы не любят государство, созданное русскими?» (16, с. 26).

Японские исследователи неоднозначно оценивают природу двойственности «русское»–«советское». Для одних она порождена историей СССР в XX в. и «советское» – это антипод «российскому», для других «советское» – продолжение «российского», российской традиции, перенесенной из прошлого в новые исторические условия (т.е. почти так, как считали некоторые русские евразийцы в XX в.).

На популярность первой точки зрения в послевоенной Японии указывает Вада Харуки. В своей лекции о месте российской революции во всемирной истории он отмечает приверженность марксизму японской интеллигенции, особенно обществоведов-историков, и убежденность многих японцев в том, что с Октябрьской революцией «человечество вступило в совершенно новую историческую эпоху – эпоху перехода к социализму и победы социализма». «Так думали и в России, и в Японии» (2, с. 15). Иной точки зрения придерживаются некоторые другие японские исследователи, в частности цитированный ранее Ивасаки Масааки. Он считает, что Октябрьская революция 1917 г. не соответствует марксистскому пониманию социалистической революции как не-

избежному следствию кризиса капитализма. «Нельзя сказать, что Россия того времени достигла стадии разложения капитализма. Характер революции сложился по большей части на российской почве» (10, с. 146). В сталинской России процветала эксплуатация рабского труда, и поэтому по производительности труда СССР стремительно отставал от труда свободных людей на Земле.

Размышляя о перспективах развития современной России, Ивасаки пишет: «Думается, что после “критики Сталина” Хрущёвым и вступления страны на путь перестройки при Горбачёве... возрождение российского деспотизма стало невозможным. И как бы то ни было трудно, современная тенденция перехода от “деспотизма к либерализации” станет генеральной линией и невозможно будет повернуть назад» (10, с. 181).

* * *

Из сказанного выше отчасти уже явствует, что отношение японцев к России и русским, как и взгляды японских ученых на Россию, ее историю, и культуру в конце XX – начале XXI в. испытывали на себе сильное влияние начавшейся в середине 80-х годов перестройки в СССР. С началом перестройки в СССР в Японии появляются попытки пересмотра отношения к России, создания ее нового образа. И хотя вопрос о «северных территориях» и неподписанный мирный договор по-прежнему волнуют многих японцев и заставляют их настороженно относиться к России, в Японии понемногу пробуждается желание по-новому взглянуть на Россию, если и не отказавшись полностью от ее старого «агрессивного» образа, то в то же время и не раздувая его.

Складывающийся «новый образ» России не служит для японцев моделью для подражания, на которую ориентировались в прошлом японские левые, но опирается на поиск в ее культурно-исторических традициях примеров неагрессивного, недеспотического «соседского» поведения, чтобы смоделировать возможности их использования в японско-российских отношениях в будущем. Упор в нем делается на «стране-соседе», а не на неизбежности противостояния и конфронтации России и Японии. Поэтому сторонники «нового образа» среди японских русистов обращаются к другим доминантам в российской истории и культуре. Акцентируется то доминирование земледельческой (Симода Микао) традиции, то комбинация землевладельческой и скотоводческой культур (Ивасаки Масааки). Признавая земледельческую, мирную традицию базовой для российской культуры, а скотоводческую, агрессивную – привнесенной монголами и другими кочевыми народами, они утверждают, что первая является основой миролюбия русского народа, а вторая – фундамент агрессивной и деспотической модели российской политики и администрирования. Обе эти традиции как доминанты присутствовали в российском обществе и до революции 1917 г., и в советское время, но первая из них является исконно российской, что позволяет надеяться на возможность ее упрочения в новой Рос-

сии. Тем самым в новых концепциях снимется акцент на неизбежную враждебность, характерный для создания образа России времен «холодной войны».

Отделяя «российское» от «советского», японские культурологи-русисты привносят в свои исследования дух времени и одновременно дух традиционных «японских ожиданий». Создаваемый ими «новый образ» России еще смутен и, безусловно, не всегда соответствует ожиданиям японской общественности, поскольку у нее есть свои исторические и культурные стереотипы, своя историческая и социальная память, не позволяющая четко различить прорисовывающиеся черты новой России и старые представления.

Литература

1. Брагинский С.В., Корнилов М.Н., Японцы и русские. (Обзор) // Япония в сравнительных социокультурных исследованиях. Часть 2. – М.: ИНИОН АН СССР, 1990. – С. 67–76.
2. Вада Харуки. Россия как проблема всемирной истории. Избранные труды. – М., 1999. – 400 с.
3. Ёкотэ Синдзи. Представление японцев о России в начале периода Сёва (середина 1920-х – середина 1930-х гг.) // Новый мир истории России. – М., 2001. – С. 504–520.
4. Кумано Мицуёси. Сиба Рётаро и Россия // Сиба Рётаро. О России: Изначальный облик Севера. – М., 1999. – С. 7–10.
5. Мацузато Кимитака. Русистика поверх границ. Славянские исследования Японии и социальные науки России: Совместные поиски выхода из изоляции // Ab imperio. – Казань, 2003. – № 1. – С. 421–433.
6. Накамура Ёсикадзу. О русистике в Японии // Япония сегодня. – Токио, 2000. – № 2. – С. 12.
7. Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. К 60-летию профессора Вада Харуки. – М., 2001. – 592 с.
8. Сиба Рётаро. О России: Изначальный облик Севера / Пер. с яп. – М., 1999. – 200 с.
9. Ёнэхара Мари. Росиа во коннитимо арэмоё (Россия бушует и сегодня). – Токио, 1998. – 252 с.
10. Ивасаки Масааки. Росиадзин то нихондзин (Русские и японцы). – Саппоро, 1996. – 210 с.
11. Кимура Хироси. То:й ринкону – Росиа то Нихон (Далекie соседи: Россия и Япония). – Токио, 2002. – 940 с.
12. Нихон – но рэкиси сякайгаку / Цуцуи Киётада хэн (Развитие исторической социологии Японии). – Токио, 199. – 5, 338 с.
13. Окумура Кицудзо, Сакон Такэси. Хасикаги Росиа бунка то киндай Нихон. – Киото, 1998. – С. 1 (Введение к книге «Культура России и Японии Нового времени»). – Киото, 1998. – С. 1.
14. Осада Хироси, Такабатака Мититоси, Цуруми Сюнсукэ. Нихондзин-но сэкай тидзу. (Японская карта мира) – Токио, 1978. – 284 с.

15. Росиа бунка то киндай Нихон (Культура России и Япония Нового времени). – Киото, 1998. – 8, 241 с.
16. Симидзу Хаяо. Нихондзин ва надзэ Сорэн га кирай ка (Почему японцы не любят Советский Союз?). – Токио, 1979. – 288 с.
17. Симода Микио. Нихондзин то росиадзин (Японцы и русские) // Хикаку бунка-но сусумэ Ибунка рикай-но мэдзасу моно. – Токио, 1985. – С. 101–147.
18. Тэратани Хироми. Нихондзин то росиадзин (Японцы и русские). – Токио, 1986. – 236 с.
19. Умэсао Тадао. Буммэеи-но сэйтэй сикан (Исторический взгляд на экологию цивилизации) // Умэсао Тадао. Тёсакусю. – Т. 5. – Токио, 1989. – С. 1–230.
20. Arnason J. – Rec.: Umesao Tadao. An ecological view of history: Japanese civilization in the world context. – Melbourne, 2003 // J. of Japanese studies. – Seattle, 2004. – Vol. 30, N 2. – P. 436–440.
21. The Russian impact on Japan: Literature and social thought. Two essays. – Los Angeles, 1981. – 143 p.
22. Umesao Tadao. An ecological view of history: Japanese civilization in the world context. Transl. by B. Cary. – Melbourne, 2003. – XVIII, 208 p.

ПРОБЛЕМЫ СНГ

В.Н.Бабенко

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В УКРАИНЕ

**Бабенко Василий Николаевич –
доктор исторических наук, профессор
Российской правовой академии
Министерства юстиции РФ, ведущий
научный сотрудник ИНИОН РАН.**

Проблема статуса русского языка в Украине имеет важное значение как для процесса национальной идентификации, так и для построения взаимовыгодных отношений с Россией. Она достигает особой остроты в период социальнo-политических кризисов и предвыборных кампаний.

В связи с принятием в 2006 г. рядом областных и городских советов решений об официальном статусе русского языка на территории данных административно-территориальных единиц вновь развернулась дискуссия по этому вопросу. Для того чтобы понять суть данной проблемы, необходимо выяснить, как она регламентирована в основных нормативных правовых актах и как ее воспринимают ведущие политики и исследователи.

В ст. 10 Конституции Украины подчеркивается, что в стране «гарантируется свободное развитие, использование и защита русского, других языков национальных меньшинств Украины»¹. Кроме того, в ст. 24 Конституции отмечается, что «не может быть привилегий или ограничений... по языковым или иным признакам»². Однако в периодической печати можно часто встретить объявления о приеме на работу в государственные органы только лиц со знанием украинского языка. Нередко органы некоторых областей принимали специальные решения и меры, направленные на вытеснение русского языка с их территории. Примером такой политики может служить Решение Львовского областного совета № 311 от 20 июня 2000 г. «О состоянии функционирования

1. См.: http://ww8.president.gov.ua/ru/content/10307_r.html

2. Там же.

украинского языка как государственного на территории Львовской области»³. В нем говорится о том, что «проблемы полноценного функционирования украинского языка как государственного» не решаются, а права украинцев грубо нарушаются. В данном документе предлагается ряд мер, направленных на запрет использования русского языка в органах власти и управления, в государственных и частных предприятиях. Так, в пункте 3.2. указывается: «Запретить на территории области использование печатной продукции, предназначенной для служебного и потребительского пользования (бланки, формы, квитанции, билеты, удостоверения и тому подобное), распространяемой через государственные и частные предприятия, учреждения и организации на негосударственном языке, кроме официальных документов, которые удостоверяют статус гражданина (к 01.09.2000 г.)».⁴ Естественно, что под «негосударственным языком» имеется в виду русский язык. В абсолютном большинстве пунктов данного постановления львовские законодатели предлагают ввести запрет использования негосударственного языка во всех учреждениях и предприятиях, а также вводят соответствующие санкции. Они предложили всем областным советам, а также городским советам Киева и Севастополя рассмотреть на своих сессиях вопрос о функционировании украинского языка как государственного. Из Постановления Львовского областного совета следует, что он превысил свои полномочия, а многие пункты данного документа явно нарушают ст.10 и 24 Конституции Украины.

В последние годы нередко возникают противоречия в подходах руководства страны к языковой политике. Так, 10 ноября 2005 г. президент Украины В. Ющенко во время телемоста со студентами обещал, что «в Украине не закроют ни одной русской школы или детского садика, а культура и язык национальных общностей, в частности русский язык, будет всевозможно поддерживаться»⁵. А уже 14 ноября того же года начальник отдела по языковой политике Министерства образования Украины А. Семененко подчеркнул, что «министерство планирует продолжить украинизацию воосточных областей страны и Крыма»⁶. Еще более откровенным было заявление главы Совета по вопросам этнонациональной политики при президенте Украины Г. Удовенко, который заявил, что Эстония и Канада «готовы предоставить материальную поддержку для популяризации украинского языка в Крыму и на Востоке Украины»⁷.

3. См.: http://rdu.org.ua/pravo/pravo_401.htm

4. См.: http://rdu.org.ua/pravo/pravo_401.htm

5. См.: <http://www.5ballov.ru/news/newslane/index.shtml?2005/11/14/49351>

6. Там же.

7. См.: Труд. – М., 2007. – 19 июня.

Проблеме статуса русского языка в Украине отводится значительное место в работах современных исследователей. Так, рассматривая возможность решения противоречий «между Россией и Украиной по комплексу гуманитарных проблем», А. Мошес относит к ним в первую очередь «статус русского языка и получение образования на русском»⁸.

Касаясь проблем украинизации на современном этапе, А.С. Ципко считает, что она якобы не вызывает сопротивления даже у этнических русских, которые готовы изучать украинский язык. В то же время он вынужден согласиться с тем, что «ускоренная, во многом насильственная украинизация Украины сопряжена со многими конфликтами и личными драмами»⁹.

Выявляя различия в процессах украинской и русской национальной идентификации, А.С. Ципко полагает, что в Украине государственный элемент в данном процессе подчинен «этническому, этнографическому». В России же «государственный элемент национальной идентификации превалирует, – подчеркивает он, – над этническим, народным». Это и является, по его мнению, главной причиной естественного, органического отторжения «от всего общерусского как верхнего, чужого», что в конечном итоге «не может позволить себе сделать русский язык вторым государственным языком»¹⁰.

Положение русскоязычного населения и статус русского языка являются острыми проблемами в контексте двусторонних отношений. Однако мы не можем требовать, отмечает Ю.Г. Коргунюк, от украинского государства не закрывать русские школы и придать русскому языку статус государственного. Он справедливо считает, что «борьба против попрания прав русскоязычного меньшинства должна вестись силами прежде всего самой русскоязычной общности – как части гражданского общества Украины»¹¹.

Ю.Г. Коргунюк упрекает некоторые политические партии и движения в том, что они, выдвигая Украине территориальные претензии и требуя изменения статуса русского языка, «как раз и занимаются тем, что “продвигают” НАТО на восток, убеждая политическую элиту Украины в том, что ей не остается ничего другого, кроме как просить защиты у Запада»¹².

8. Мошес А.Л. *Российско-украинские отношения: К новой модели без старого груза* // *Полития*. – М., 2001. – № 1(19). – С. 41.

9. Ципко А.С. *О различии в процессах формирования новых российской и украинской национальных идентификаций* // *Полития*. – М., 2001. – № 1(19). – С. 175.

10. Там же. – С. 177.

11. Коргунюк Ю.Г. *Позиции политических партий России относительно перспектив российско-украинских отношений* // *Полития*. – М., 2001. – № 1(19). – С. 186.

12. Там же. – С. 191.

Резкой критике подверг «украинизацию» М. Смолин. «Миллионы южно-русских людей были пропущены, – пишет он, – через этот комбинат по производству советских “украинцев”, цель которого – заглушить влияние русской культуры и уничтожить единство русского юга и русского севера».¹³

Излагая особенности политической борьбы на Украине и роль в ней националистических партий и движений, В.Р. Секачев обвиняет Л.Д. Кучму в том, что именно он стал «носителем» современного национализма в Украине. «президент систематически использует, – указывает он, – умеренную националистическую риторику для отстаивания интересов олигархической элиты русскоязычной юго-восточной Украины, к которой и сам принадлежит».¹⁴ Результаты такой политики оказались, подчеркивает он, плачевными. Особенно это отразилось на статусе русского языка и положении русскоязычного населения. «Во время правления Кучмы с 1996 по 2000 г. количество учеников, обучающихся на русском языке, сократилось, – отмечает В.Р. Секачев, – на Украине на 579 тыс. человек, число русскоязычных школ – на 541, причем это происходит даже в русскоязычных областях (кроме только Донбасса)». К тому же, в восьми областях Западной Украины, «где проживают 740 тыс. русских, осталось лишь 13 школ с обучением на русском языке».¹⁵

Попытки найти объяснение процессам, происходящим в настоящее время в украинском обществе, приводят к необходимости понять и оценить период «украинизации», начавшийся в 20-е годы, когда советской властью насаждался украинский язык. Рассматривая этот вопрос, бывший президент Л.Д. Кучма вынужден был сам согласиться с тем, что, если бы не была проведена в тот период украинизация школы, «нашей сегодняшней независимости, возможно, не было бы». В конечном итоге, он признает, что «украинская школа, пропустившая через себя десятки миллионов человек, оказалась, как выявило время, самым важным и самым неразрушимым элементом украинского начала в Украине».¹⁶ Этой проблеме посвящена и специальная монография Е. Борисёнок, в которой на основе архивных материалов исследуется данное явление, оказавшее огромное влияние на дальнейшее развитие Украины.¹⁷

Л.Д. Кучма отмечает, что по итогам переписи 2001 г. удельный вес украинцев вырос по сравнению с переписью 1989 г. на 5,1%, а удельный вес русских сократился на 26,6% и составил 17,3% от общей численности населения Украи-

13. Смолин М. «Украина» – не Россия, «Украина» – это болезнь // «Украинская» болезнь русской нации. – М., 2004. – С. 8.

14. Секачев В.Р. Украинский национализм и украинцы // Социальное согласие против правового экстремизма. – М., 2005. – Вып. 3–4. – С. 341.

15. Там же.

16. Кучма Л.Д. Украина – не Россия. – М., 2004. – С. 284.

17. Борисёнок Е. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. – М., 2006. – 256 с.

ны. Он резко критикует политологов, называющих это «геноцидом русских», объясняя этот процесс следующим: «Одни русские уехали, другие – их, конечно, подавляющее большинство среди “исчезнувших” четырех миллионов – просто вернули себе “украинское первородство”. А кто-то из русских (по зеркальному примеру иных украинцев 1989 года!) записал себя в украинцы».¹⁸ При этом Л.Д. Кучма умышленно не хочет вспоминать то, что именно в годы его президентства достаточно широких масштабов достигла кампания по искоренению фактов применения русского языка в учреждениях Украины, а также преследованию должностных лиц, допускавших в этой сфере нарушения.

В целом название книги Л.Д. Кучмы «Украина – не Россия» звучит как лозунг, размещенный на плакате во время митинга на Крещатике. Он несомненно вызовет соответствующую реакцию у некоторых его участников, а также расширит круг националистов, готовых любыми средствами бороться против «москалей» и против всего, что связано с Россией. Все это в конечном итоге может привести к проявлению крайне агрессивной формы национализма, к шовинизму с непредсказуемыми последствиями. В данном случае не хотелось бы, чтобы оказался прав М. Смолин, утверждающий: «Сегодня “украинскую” нацию хотят сформировать как политическую группировку, как антирусскую партию».¹⁹

По аналогии с книгой Л.Д. Кучмы звучит и название издания В. Лызанчука «Всегда помни: ты – украинец!».²⁰ Такие же наименования имеют и многие разделы данной книги: «Стоголоси звени, рідний мові!»; «Менше української мови – менше України»; «Нам всім пора для України жити!»; «Опамніть, матері російських солдат!»; «Працюємо не для чужоземця...»; «Вириваємося з духовного рабства московської мислі!» и т.п. Украинцы, «которые потеряли ощущение национальной гордости», заключающейся в государственном характере украинского языка, «в его возрождении и нормальном функционировании в будущем видят, – считает он, – в этом все: и махновщину, и петлюровщину, и бандеровщину...».²¹ Анализируя причины такой ситуации, В. Лызанчук отмечает, что эти «украинцы стали жертвой деформированного общественного развития, направленного сталинской командно-административной ордой на полное нивелирование самобытности народов».²²

18. Кучма Л.Д. *Украина – не Россия*. – М., 2004. – С. 298.

19. Смолин М. «Украина» – не Россия, «Украина» – это болезнь // «Украинская» болезнь русской нации. – М., 2004. – С. 18.

20. Лызанчук В. *Завжди пам'ятай: Ти – Українець! (Друге доповнене видання)*. – Львів, 2001. – 679 с.

21. Там же. – С. 28.

22. Там же.

Рассматривая достаточно подробно проблемы, препятствующие выполнению «Закона о языке» в Украине, автор не может понять, что реализовать его основные положения в кратчайшие сроки на значительной территории страны будет очень затруднительно, так как законодатель не учел глубинных причин и особенностей менталитета миллионов украинцев, использовавших в течение многих веков русский язык как родной. Необходимо учитывать, что «по данным социологических исследований Института социологии НАН Украины и фонда «Демократические инициативы», русский язык признают языком семейного общения 36,4% граждан Украины, еще 21,6% утверждают, что общаются в семьях одновременно на русском и украинском языках»²³. Очевидно, что такие проблемы можно решить лишь четко выверенной и рассчитанной на многие десятилетия языковой политикой государства, которая не должна ущемлять русское меньшинство и русскоговорящее население страны. Не найдя достаточных аргументов и не в полной мере понимая существо проблемы, автор прибегает к построенным на эмоциях выводам: «К сожалению, немало граждан Украины еще находятся под влиянием красно-коричневых лиходеев, промосковских интеграторов, зажавшихся бездарей-чиновников, которые, прикрываясь красноречивыми пропагандистскими мифологемами о социальной защите трудящихся, интернациональном единстве, вечной дружбе и исторической общности восточнославянских народов, защите прав человека, целенаправленно тормозят развитие национального просвещения, культуры, экономики, расширение функционирования украинского языка, т.е. построение Украинской державы»²⁴.

Очевидно, В. Лызанчук не смог убедить самого себя в достоверности выводов, представленных в книге, и, опасаясь, что не сможет убедить и миллионы своих читателей о необходимости правильного развития сознания которых он неоднократно заявлял, вновь вынужден был использовать жупел «руки Москвы», применяя уже не раз апробированные журналистские клише. «Московские ассимиляторы хорошо усвоили постулат: «Чей язык, того и власть, и того суд». Поэтому прибегают к морально-психологическому шантажу, новому идеологическому террору, разжиганию национальной вражды, чтобы взять политический реванш, закрепить, — пишет он, — российское этнокультурное господство в Украине и сохранить прежние привилегии»²⁵. К сожалению, публикации такого рода нередко появляются на книжном рынке Украины, особенно в период предвыборных кампаний или во время острых политических кризисов.

23. См.: <http://www.5ballov.ru/news/newsline/index.shtml?2005/11/14/49351>

24. Лызанчук В. *Завжди пам'ятай: Ти — Українець!* : (Друге доповнене видання). — Львів, 2001. — С. 238–239.

25. Там же. — С. 669.

М. Кармазина, анализируя результаты переписи 1989 г. в Украине, затронула в своей работе несколько иной аспект проблемы. Она отмечает, что 22,1% русских после распада СССР потеряли статус привилегированной нации и стали национальным меньшинством, приступившим к созданию русских националистических организаций и политических партий. Характеризуя деятельность таких партий, М. Кармазина приходит к выводу: «Однако следует надеяться и действовать для того, чтобы та часть народа, которая еще верит коммунистической, социалистической или русско-славянолюбской неправде, все же прозрела и ускорила “инфаркт” этих партий, проигнорировав их выдвиженцев на очередных парламентских выборах и искоренив следы от навязываемых ими идей со своего сознания»²⁶. Правда, она не осмеливается говорить о деятельности националистических партий и организаций в Украине, которые своими популистскими программными заявлениями, а также откровенно антирусскими действиями способствуют обострению внутривнутриполитической ситуации в стране.

Как отмечает В.А. Дергачев, новое поколение российской политической элиты, «лишенное чувства ностальгии к славянской дружбе», рассматривает «Украину как страну, которая подворовывает российские материальные и интеллектуальные ресурсы и одновременно осуществляет недружественную политику в отношении русского языка и культуры»²⁷.

Характеризуя проблемы этнонационализма и их восприятие политической элитой Украины, украинский исследователь О.Г. Мясников отмечает, что «этнонационализм строится на молчаливом отождествлении этноса и нации». При этом данные термины применяются часто в качестве синонимов. А это свидетельствует, подчеркивает он, о том, «что рассуждения об украинской нации подменяются рассуждениями об украинском этносе»²⁸. Представители политической элиты по-разному воспринимают и вопрос о месте и роли украинского и русского языков. «Приписывая украинскому языку свойства быть “душою народа”, этнонационалисты отказывают, — подчеркивает он, — в подобных свойствах другим языкам, интерпретируют русский язык не как родной язык русских, а исключительно как политическое средство руссификации, вторжения в “украинское информационное пространство”, привнесения в ук-

26. Кармазіна М. *Партійний вимір російського націоналізму в Україні* // *Іст. журн.* — Київ, 2006. — № 6. — С. 12.

27. Дергачев В. *Последствия цунами бездумной демократии* // *Мир перемен.* — М., 2006. — № 2. — С. 110.

28. Мясников О.Г. *Этнонационализм в дискурсе украинской политической элиты* // *Этническая психология и современные реалии: Мат. Интернет-конференции, 31 марта — 30 мая 2003 года.* — Якутск, 2004. — С. 62.

раинское общество низкопробной “русской эрзац-культуры”²⁹. Рассматривая особенности украинского этнонационализма О.Г. Мясников указывает, что он «не столько характеризует “других”, сколько ищет и находит “врагов”, т.е. политических оппонентов, которые практически всегда этнически маркируются как русские/российские»³⁰.

Важное значение для исследования данной темы имеет издание Институтом истории Национальной академии наук Украины трехтомника «Украина и Россия в исторической ретроспективе». Первый том называется «Украинские проекты в Российской империи», второй – «Советский проект для Украины», третий – «Новейший украинский державотворческий процесс». Для нас представляет особый интерес третий том, авторами которого являются известные украинские исследователи С.В. Кульчицкий и Б.О. Парахонский³¹. Рассматривая проблемы украинской идентичности и консолидации страны, авторы касаются также вопроса, связанного с изменением статуса русского языка. По их мнению, последствия от признания русского языка государственным будут «достаточно непредсказуемыми и угрожающими:

- в значительной мере будет утрачена национальная идентичность Украинской державы, и она постепенно будет превращаться в «другую российскую»;

- это станет поводом для введения «двойного гражданства», а затем – постановки вопроса о включении Украины или ее областей в состав РФ, поскольку существование двух российских держав не выглядит логичным;

- пострадает международный имидж Украины, поскольку другие государства и международные структуры в ожидании перемен в государственном статусе Украины постепенно переориентируют вновь свою политику на Москву;

- возникнет внутренний конфликт между русскоязычным и украинскоязычным населением, в результате чего будет дестабилизирована внутривнутриполитическая ситуация в стране и стратегическая перспектива, не взирая на некоторые тактические преимущества, в целом приведет к ухудшению украинско-российских взаимоотношений»³².

Подобные чрезмерно преувеличенные последствия, связанные с приданием русскому языку статуса второго официального языка Украины, часто по-

29. Мясников О.Г. *Этнонационализм в дискурсе украинской политической элиты // Этническая психология и современные реалии: Мат. Интернет-конференции, 31 марта – 30 мая 2003 года. – Якутск, 2004. – С. 63.*

30. Мясников О.Г. *Этнонационализм в дискурсе украинской политической элиты // Этническая психология и современные реалии: Мат. Интернет-конференции, 31 марта – 30 мая 2003 года. – Якутск, 2004. – С. 64.*

31. См.: *Україна і Росія в історичній ретроспективі / НАН України. Ін-т історії України. – Київ, 2004. – Т. 3. Новітній український державотворчий процес / Кульчицький С.В., Парахонський Б.О. – 327 с.*

32. Там же. – С. 111.

вторяются в некоторых средствах массовой информации, в научной периодике, в высказываниях известных государственных деятелей и политиков. Это не может не вызывать озабоченность со стороны российских государственных и политических деятелей. В то же время они должны понимать, что данную проблему можно решить лишь в контексте правового поля путем свободного волеизъявления народа Украины. Только в таком случае можно избежать различного рода спекуляций по данной проблеме и еще раз убедиться в том, что Украина идет по демократическому пути развития.

Е.Ж.Ешаманова

КАЗАХСТАН – РОССИЯ: СОТРУДНИЧЕСТВО НА КАСПИИ

Ешаманова Ерке Ж. – кандидат философских наук, доцент Южно-Казахстанского государственного университета им. М.О. Ауезова.

Казахстан и Россия – стратегические партнеры и добрые соседи, чья дружба обусловлена известными социоисторическими и геополитическими факторами. Сегодня отношения РК и РФ имеют очень динамичную основу, подтверждающую отшлифованную временем аксиому: «Мы сильны, когда мы вместе». Оба государства демонстрируют наличие довольно эффективной системы сотрудничества, которое сегодня выходит на новый этап своего развития. «Казахстанско-российские отношения находятся на высоком уровне доверия и стратегического партнерства. Несомненно, российский вектор всегда был и остается одним из главных приоритетов казахстанской внешней политики. Между Казахстаном и Россией не существует проблем, которые не были бы решены путем конструктивного диалога и учета взаимных интересов. Это касается как политических, так и экономических вопросов», – сказано в послании Президента народу Казахстана, и тезис этот подтверждает сама жизнь и веление времени (1). За прошедшие 15 лет нашей независимости был заложен прочный фундамент стратегического казахстанско-российского партнерства во всех сферах и на долгие годы. Россия была первым государством, с которым независимый Казахстан ратифицировал Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи от 25 мая 1992 г., определивший принципы взаимодействия в политической, экономической, военной и культурной сферах. В подтверждение незыблемости добрососедских отношений и равноправного партнерства 6 июля 1998 г. президенты Республики Казахстан и Российской Федерации подписали исторический документ – Декларацию о вечной дружбе и союзничестве, ориентированный в XXI столетие. В настоящее время двустороннее сотрудничество базируется на более чем 400 договорах и соглашениях, подписанных за последнее десятилетие. Республика Казахстан и Российская Феде-

рация полностью урегулировали вопрос по границе – самой протяженной сухопутной границе в мире, составляющей более семи с половиной тысяч километров. 18 января 2005 г. в Москве президентами Н.А. Назарбаевым и В.В. Путиным был подписан Договор о казахстанско-российской границе, что явилось историческим событием глобального значения, а также ярким примером позитивного развития двусторонних отношений, равноправного и взаимовыгодного партнерства.

Россия сегодня – крупнейший внешнеторговый партнер Казахстана. Ежегодно увеличивается внешнеторговый оборот между нашими странами: в 2005 г. он приблизился к отметке 10 млрд. долл., а в 2006 г. составил примерно 11 млрд. долл., при этом 70% товарооборота приходится на приграничные районы РФ и РК. Из 27 субъектов России, расположенных на границе с государствами СНГ, 12 субъектов являются приграничными соседями семи областей РК, между которыми заключено и реализуется 69 прямых, т.е. без участия республиканского руководства, договоров по разным вопросам. Согласно официальным данным, доля двустороннего торгового товарооборота двух стран составляет 75% от всего внешнего товарооборота РК со странами СНГ. Особое место в торгово-экономических взаимоотношениях занимает нефтегазовый сектор.

Каспийское направление занимает важное место в казахстанско-российских отношениях, целью которого является согласование внешнеполитических и экономических интересов двух стран (принятие Конвенции о правовом статусе Каспия, развитие нефтегазовой и транспортно-портовой инфраструктуры, обеспечение безопасности и охраны окружающей среды Каспийского моря, а также реализация совместных инвестиционных проектов). Одним из приоритетных направлений развития двустороннего партнерства является сотрудничество на Каспии в области разведки, разработки, добычи и транспортировки углеводородного сырья. Вопросы освоения недр Каспийского моря с каждым годом становятся все более актуальными, так как прогнозы увеличения объемов добычи нефти и газа связаны с ожидаемым выходом казахстанских и российских нефтегазовых проектов с суши на шельф Каспия. Значительные ресурсы нефти и газа Каспийского моря определили значимость региона, как в мировой энергетике, так и в геополитике. Сегодня общий объем разведанных запасов нефти на Каспии составляет 4 млрд. т, или 2,6% мировых запасов (5, с. 20).

Становление и развитие казахстанско-российских отношений в нефтегазовой сфере основано на обширной договорно-правовой базе, закрепляющей данное сотрудничество. В июле 1998 г. между Казахстаном и Россией было подписано Соглашение о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользования. Тем самым был заложен новый этап перспективного казахстанско-российского сотрудничества

в области разведки и разработки нефтегазовых ресурсов. Соглашением были установлены географические координаты прохождения модифицированной срединной линии разграничения дна северной части Каспия между нашими странами. Расположенные на этой линии три углеводородных месторождения «Курмангазы», «Центральное», «Хвалынское» – будут осваиваться Казахстаном и Россией на паритетной основе – 50 на 50.

На сегодня национальным стратегическим экономическим ресурсом № 1 для Казахстана является нефть, запасы которой, по данным департамента нефтяной промышленности Минэнерго и минеральных ресурсов, составляют 4 млрд. т. За период 1991–2005 гг. добыча нефти и газоконденсата существенно возросла: с 27 млн. до 61,5 млн. т. В 2006 г. по итогам одиннадцати месяцев эта добыча составила около 59 млн. т. В перспективе же, по оценкам Министерства энергетики и минеральных ресурсов РК, к 2010 г. добыча нефти может быть доведена до 90, а к 2015 г. до 150 млн. т в год. Разведанные запасы природного газа РК составляют около 2 трлн. м³, прогнозные ресурсы природного газа с учетом шельфа Каспийского моря оцениваются в 8,3 трлн. м³, в 2006 г. добыча его составила 26 млрд. м³.

Россия является крупнейшим мировым производителем и экспортером нефти, газа и нефтепродуктов, что предопределяет ее позиционирование как маркет-мейкера глобального рынка энергоносителей и подразумевает возможность влияния как на котировки нефтяных активов, так и глобальную энергетическую безопасность. По российским данным, из 8 млрд. т общих прогнозных ресурсов Каспия, на долю России приходится 24%, т.е. почти 2 млрд. т условного топлива. Ожидается, что в процессе освоения российских месторождений северной части Каспия максимальная добыча нефти на шельфе к 2016 г. достигнет 7 млн. т в год. Это меньше того, что принято ожидать в Казахстане от своих ресурсов Каспийского шельфа, но в России считают такой объем добычи вполне приемлемым, во всяком случае на региональном уровне – это три четверти всей нефти, добываемой сейчас на всем юге России. «Россия уверенно чувствует себя в добывающих отраслях. Например, «Газпром» вышел на третье место по капитализации среди крупнейших корпораций мира, осваивает новые перспективные рынки» (2, с. 147). Энергетическая безопасность ЕС напрямую зависит от поставок российского газа и нефти на европейский рынок. И «Россия сможет сыграть свою позитивную роль в формировании единой европейской энергетической стратегии» (2, с. 148).

На основании Соглашения между РК и РФ о разграничении дна северной части Каспия от 6 июля 1998 г. президентами двух государств в июле 2005 г. было подписано Соглашение о разделе продукции по структуре «Курмангазы» с равной долей участия каждой из них сроком на 55 лет. Казахстан в данном проекте представляет НК «КазМунайГаз», интересы России реализуются через НК «Роснефть». Выполнение нефтяных операций по проекту возложено на

учрежденное сторонами СП «Курмангазы петролеум». Основная задача на 2007–2009 гг. на месторождении «Курмангазы» – выявление наиболее перспективных участков структуры на нефть и газ. Учитывая это, общий объем инвестиций в данный проект оценивается в 23 млрд. долл. Инвестиции будут направляться странами в соответствии с индивидуальными долями в проекте. Предполагаемые доходы разработчиков недр – НК «Роснефти» и НК «КазМунайГаза» при реализации проекта, составляют по 10 млрд. долл. для каждой компании. Активное участие по разработке месторождений «Хвалынское», «Центральное» будет принимать российская нефтяная компания «ЛУКОЙЛ». Для освоения месторождения «Хвалынское» НК «КазМунайГаз» и ОАО нефтяная компания «ЛУКОЙЛ» создали совместное предприятие «Каспийская нефтегазовая компания» (КНГК). Определены основные рамочные принципы сотрудничества и завершается работа над подготовкой СРП (соглашение по разделу продукции) с правительствами РК и РФ по этому месторождению. Общий объем капиталовложений в комплексе оценивается в 3,8 млрд. долл. США. В настоящее время в Казахстане ОАО НК «ЛУКОЙЛ» участвует в четырех геологоразведочных проектах по добыче углеводородного сырья на суше и на море. ОАО нефтяная компания «ЛУКОЙЛ» уже вложила в экономику Казахстана около 4 млрд. долл. США и планирует стать вторым игроком после «КазМунайГаза» и добывать в 2010 г., как минимум, 8–10 млн. т нефтяного эквивалента.

Другим очень важным вопросом совместного нефтегазового сотрудничества является реализация СП в области добычи и переработки газа, осуществляемое в рамках долгосрочного соглашения между правительством РФ и РК о сотрудничестве в газовой отрасли. На основании данного соглашения «Газпром» и «КазМунайГаз» создали на паритетной основе СП «КазРосГаз» для закупки и маркетинга природного газа, его переработки на ГПЗ России. В 2005 г. президенты РК и РФ подписали соглашение о разделении Имашевского газоконденсатного месторождения, второго по объему извлекаемых запасов газа (128,7 млрд. м³) после Карачаганака, решено было поделить территорию месторождения на паритетной основе и поручить его разработку совместному казахстанско-российскому предприятию. 20 мая 2006 г. в Сочи главами двух государств было подписано Соглашение о разработке Карачаганакского газоконденсатного месторождения, в соответствии с которым будет построена вторая очередь газоперерабатывающего завода в Оренбурге по системе СП с владением 50 на 50. В будущем объемы поставок казахстанского газа могут быть сопоставимы с добычей на крупных российских месторождениях. Стратегическая цель СП – увеличить переработку казахстанского газа в Оренбурге до 15 млрд. м³ в год. Были также решены вопросы таможенных тарифов на казахстанский газ, в результате Казахстан получит дополнительно несколько сотен миллионов долларов, которые государство ранее теряло.

Проблемы освоения нефтегазовых ресурсов Каспия тесно связаны с вопросами транспортировки углеводородного сырья на мировые рынки. Диверсификация нефтепроводной системы позволит получить не только дополнительные пути транспортировки нефти на мировой рынок, но и выгодные транспортные тарифы. Поэтому кроме совместных проектов по добыче нефти и газа Казахстан и Россия активно сотрудничают в области эксплуатации действующих и строительстве новых трубопроводов. Казахстан придает большое значение транспортировке нефти на мировой рынок, в этом отношении велика роль России, так как она занимает ключевое место в экспорте казахстанских энергоресурсов. Следовательно, наращивание пропускных мощностей нефтепроводов Каспийского трубопроводного консорциума (КТК) до 67 млн. т и Атырау-Самара («Транснефть») для РК стратегически важная составляющая взаимодействия с Россией. Увеличение объемов транспортировки нефти по трубопроводной системе АО «КазТрансОйл» обусловлено в первую очередь ростом объемов добычи нефти. Сегодня нефть, добываемая в Казахстане, прокачивается в основном через территорию России. Поэтому было подписано Соглашение о транзите казахстанской нефти через российские нефтепроводы сроком на 15 лет. В 2005 г. Казахстан, по данным Минэнерго РК, экспортировал 54,6 млн. т нефти и газового конденсата. Из них 24,5 млн. т – по системе КТК в Новороссийск, 15,2 млн. т – по нефтепроводу Атырау – Самара и далее по трубам «Транснефти». Кроме того, 3 млн. т через Актау проследовали в Махачкалу. Всего на Россию пришлось 78% казахстанского экспорта нефти.

Стабильно растут объемы транспортировки казахстанской нефти по нефтепроводу Атырау–Самара с дальнейшим транзитом через территории Российской Федерации и других государств СНГ. В настоящее время совместно с российской стороной готовится обоснование инвестиций в расширение пропускной способности этого нефтепровода. Планируется постепенное увеличение его мощности сначала до 20 млн. т, затем до 25 млн. т.

Большую часть добываемой нефти Казахстан прокачивает через нефтепровод КТК, обеспечивающий наиболее прямой конкурентоспособный маршрут на международные рынки. Основная часть казахстанской нефти, транспортируемой этим маршрутом, добывается СП «Тенгиз-ШеврОйл». В 2008 г. начнется коммерческая добыча нефти на Кашаганском месторождении, объемы которой к 2010 г. обещают достичь 50–60 млн. т. Эту нефть необходимо экспортировать за пределы страны. Поэтому объемы транспортировки казахстанской нефти через КТК должны постоянно расти и достигнуть в недалеком будущем 67 млн. т в год. КТК откроет дорогу новым проектам по добыче нефти и станет мощным стимулом для развития экономики Казахстана и России. Согласно расчетам, за сорок лет эксплуатации КТК центральный и региональный бюджеты России получат свыше 24 млрд. долл. США в виде налоговых поступлений и прибыли, а Казахстан получит около 8,2 млрд. долл. США прибыли. Кроме того, расширение мощности КТК позволит Казахстану в

ближайшие 7–8 лет обеспечить транспортировку увеличивающихся объемов добычи нефти и «освоить новые ниши мирового рынка» (1).

В мае 2006 г. в Сочи президенты Н.А. Назарбаев и В.В. Путин договорились, что российская нефть, добываемая в Западной Сибири, будет транспортироваться в Китай через Казахстан по строящемуся трубопроводу Атасу–Алашанькоу. Сегодня труба Атасу–Алашанькоу с годовой мощностью 10 млн. т (с последующим выходом на 20 млн. т при заполнении западно-сибирской нефтью) заполнена технической нефтью и готова к коммерческой эксплуатации. Строительство трубопровода Атасу–Алашанькоу позволит интегрировать нефтепроводные системы Казахстана, России и Китая в единую трубопроводную систему. Новый трубопровод Атасу–Алашанькоу можно рассматривать и как инструмент для повышения «инвестиционной привлекательности» Казахстана. Ведь не секрет, что международные банки охотнее кредитуют нефтегазовые проекты, если в стране есть хотя бы два разных вектора доставки нефти на внешние рынки. В результате достигается многовекторность, обеспечивающая надежные каналы сбыта «черного золота» по мировым ценам.

Сегодня в двусторонних отношениях между Казахстаном и Россией не существует вопросов, которые не были бы решены путем конструктивного диалога и учета взаимных интересов. Как отметил президент Н.А. Назарбаев: «Самое главное у нас, как и у россиян, есть понимание того, что мы должны продуктивно использовать площадку совместных объединений, чтобы сообща определять “правила игры” на экономическом поле региона. И, что особенно важно, взаимодействовать на основе принципов консенсуса и добровольности, которые уже доказали свою эффективность». Казахстан и Россия жизненно заинтересованы в том, чтобы Каспийское море было не «яблоком раздора», а морем дружбы, добрососедства, без чего невозможно говорить о поступательном развитии национальных экономик и будущем благополучии народов. Очевидно, что для России и Казахстана фундаментальной стратегией экономического развития должен стать постепенный переход от доминирования сырьевого экспорта к высокотехнологичным производствам. Важнейшим потенциалом для такого развития является использование своего преимущества в области энергоресурсов на развитие общечеловеческого капитала и реализацию стратегии национального развития. Доля нефти и газа, несмотря на сегодняшние показатели, постоянно падает, и дополнением к нашей общей нефтяной стратегии должна быть общеэкономическая стратегия на создание конкурентоспособных наукоемких и высокотехнических отраслей. Формирование общего российско-казахстанского рынка энергоресурсов в дальнейшем должно стать основой для создания единого экономического пространства в рамках ЕврАзЭС, а Москва и Астана смогут взять на себя главную структурообразующую роль в становлении многостороннего евразийского сотрудничества.

Литература

1. Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана «Стратегия вхождения Казахстана в число пятидесяти конкурентоспособных стран мира» от 1.03.2006 г.
2. Послание Президента России В. Путина Федеральному собранию. Москва, Кремль, 10.05.2006 г.
3. Мансуров Т.А. Казахстанско-российские отношения в эпоху перемен. 1991–2001. – М.: Реал-Пресс, 2001. – 712 с.
4. Ашимбаев М.С. Нефтегазовые ресурсы Казахстана в системе мировых и региональных отношений. – Алматы, 2002.
5. Калиева Д. Геополитика нефтепроводных коммуникаций в Каспийском регионе // Аналитик, 2005. – № 1, 2.
6. Статистические показатели социально-экономического развития Республики Казахстан и ее регионов. – Алмата, 2006, № 11.
7. Социально-экономическое положение стран Содружества Независимых Государств в 2006 г. Экспресс-доклад. Международный статистический комитет СНГ, 2007 г.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, **КОММЕНТАРИИ**

М.Н.Муханова

СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

Муханова Мария Николаевна –
кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник ИС РАН.

Трансформационные процессы в современной России затронули практически все базовые институциональные формы организации. Не исключением оказались социально-структурные процессы в агропромышленном комплексе, вызванные падением экономической активности сельского населения, появлением новых видов и форм занятости, высоким уровнем безработицы, снижением реальной заработной платы и ростом неоплачиваемой занятости, распространением неформальных трудовых отношений. Поэтому исследование особенностей адаптации сельского населения к новым условиям, трансформации его рынка труда приобретает особую значимость.

В России на протяжении последнего десятилетия в сельской местности в среднем проживали 39 млн. человек, что составляет 27% от всего населения. Современное состояние аграрного сектора нашей страны теоретики и практики оценивают как неудовлетворительное. Отмечают сокращение посевных площадей, снижение технического оснащения сельского труда, дефицит трудоспособного населения, снижение потребительских возможностей сельского жителя. Также указывают на высокий уровень алкоголизации и как следствие – высокую смертность трудоспособной части сельского населения. В то же время имеются оазисы относительного благополучия, прежде всего в пригородных сельских поселениях, в Южном и Поволжском Федеральных округах, Московской, Ленинградской, Белгородской областях. В целом же положение более чем 20 млн. селян в России весьма тяжелое (1, с. 110–111).

Используя данные исследования «Стратификация российского общества», проведенного Институтом общественного проектирования совместно с

РОМИР¹ в 2005 г. по репрезентативной российской выборке², а также исследования Института социологии РАН, проведенные в республике Калмыкия в 2002 г. и Саратовской области в 2004 г., попытаемся проанализировать некоторые современные процессы изменения российского села.

Социально-структурные процессы

С развитием рыночных отношений российское село переживает процесс «деколлективизации», претерпевая при этом значительные качественные и структурные сдвиги. Экономические реформы в аграрной отрасли, основанные на реорганизации колхозов и совхозов, развитии фермерского сектора, личного подсобного хозяйства (ЛПХ), роста безработицы кардинально изменили социальную структуру сельского населения.

Современное крестьянство можно определить как работников физического труда, функционально занимающихся сельским трудом. В условиях многоукладной экономики современное крестьянство России в процессе труда связано с разными формами собственности. Так, согласно опросу, 38% квалифицированных и 42,1% неквалифицированных сельских рабочих заняты на частных предприятиях. На государственных предприятиях работают, соответственно, 55,2% и 50,4%.

Как показал анализ результатов данного исследования, в целом по стране основная сфера деятельности сельских специалистов (76,1%) – это бюджетные организации различных отраслей хозяйства – образование, здравоохранение, промышленность, производство или переработка сельхозпродукции, органы госуправления, МВД, торговля, культура. Остальные 21,7% специалистов работают в частных предприятиях.

Специфика положения работающих на селе специалистов в бюджетных организациях обусловлена прежде всего тем, что им гарантируется стабильная занятость и денежная оплата труда. Но среди специалистов-профессионалов оказались единицы тех, кто традиционно должен обслуживать отрасли сельского хозяйства – агрономы, зоотехники, ветеринары. Работают в данной группе по специальности (имеющие диплом) два агронома, по одному зоотехнику и ветеринару.

Таким образом, в результате сильного спада производства в животноводстве и растениеводстве осталось крайне мало традиционно сельских рабочих

1. Российский общественный мониторинг информации и рекламы.

2. Было опрошено 1906 человек среди работающих на селе. Из данной совокупности нами выделены три группы: специалисты (322), квалифицированные рабочие (163), неквалифицированные рабочие (133). Все они представляют специфическую часть аграрного сектора экономики, которая в советский период являлась основой социальной структуры села.

мест. Данные специальности в новых условиях оказались невостребованными, хотя в рассматриваемых группах имеются пять дипломированных зоотехников, шесть дипломированных ветеринаров. Несмотря на то что в фермерских хозяйствах общественное поголовье скота и производство продукции растениеводства в 2–3 раза превышают государственное, тем не менее фермер нанимает ограниченное число работников (от 3 до 15). В группе квалифицированных рабочих часто числятся лица, имеющие специальность агронома, ветеринара, бухгалтера.

Заметную часть трудоспособного сельского населения составляют безработные. По данным исследования, зарегистрированными безработными являются 3,6% опрошенных, незарегистрированными – 32,5%. Официальные показатели сельской безработицы балансируют на уровне 11% (против 7–8% в городе). По мнению исследователя российского села Л.В. Бондаренко, ее реальный масштаб вдвое больше (4). Сельские жители не предъявляют спрос на работу не потому, что довольствуются ведением ЛПХ, а в связи с бесполезностью этого занятия и трудностями при постановке на учет в качестве безработного. В 2003 г. из 1,8 млн. официально учтенных сельских безработных только 498 тыс. (27%) были поставлены на учет в государственных службах занятости, а пособие по безработице получали еще меньше – 23% (4, с. 70).

Во время исследования была выявлена половозрастная структура опрошенных и их образование. Данные показали, что среди специалистов преобладают женщины во всех возрастных группах; квалифицированных рабочих – мужчины; неквалифицированных рабочих – в целом больше мужчин, но в некоторых возрастных группах – значительная часть женщин.

Более половины работающих селян в рассматриваемых группах находятся в возрасте 25–44 года. Практически все они прошли социализацию в постсоветский период, в условиях реконструкции старых и конструирования новых норм, правил в социальной деятельности и поведении.

Среди опрошенных имеется достаточно высокий уровень образования: высшее и среднеспециальное выявлено у специалистов; среднеспециальное – у квалифицированных рабочих. В целом по всем группам выборки высшее образование среди респондентов имеют 14,6%, среднеспециальное – 28,5%.

Социальное самочувствие

Адаптационные особенности и способности выше указанных групп на субъектном уровне были рассмотрены с двух позиций через индикаторы социального самочувствия и ценностных установок отношения к жизни. За основу были приняты ответы опрошенных на вопрос: «Как бы Вы оценили свое душевное состояние?» Практически в равной доле как специалисты (51,1%), так

и квалифицированные рабочие (49,1%) оценивают свое душевное состояние как хорошее. Ниже данный показатель среди неквалифицированных рабочих (42%). Зато в равной пропорции в трех социальных группах оказалось тех, кто настроен ни пессимистически, ни оптимистически (по 40%). Более пессимистичны неквалифицированные рабочие – уровень их негативного настроения выше (16%), чем в двух других группах.

Ответы респондентов, отражающие их ценностно-ориентационный уровень и жизненные стратегии, можно разделить в соответствии с формулами: «Просто живу, как живется», «Жизнь – это непрерывная борьба», «Хочу стать богатым, жить, как хочу». Менее трети опрошенных специалистов и квалифицированных рабочих, но более трети неквалифицированных рабочих идут по жизни, не сопротивляясь судьбе. Позиционировали себя как активные, деятельные 28,3% специалистов, 34,4% – квалифицированных и 38,3% – неквалифицированных рабочих. Третья группа, которая отдала предпочтение материальному положению, втрое меньше двух других групп.

Таким образом, характер труда, уровень образования являются социальным ресурсом более благоприятного социального самочувствия и ориентиром на будущее специалистов и квалифицированных рабочих в отличие от неквалифицированных рабочих.

Для выяснения уровня адаптации изучаемого сообщества к сложившейся экономической ситуации респондентам было предложено выразить свое отношение к пяти суждениям. Распределение ответов разделило респондентов на два типа отношения к труду – как к самооценности и исключительно как к источнику средств существования.

Результаты показали, что труд остается важной стороной жизнедеятельности селян, обеспечивая им, главным образом, средства существования. Все другие его функции, позволяющие относиться к нему как самостоятельной самооценности (возможности реализовать полученные знания и опыт, природные способности, стремления к успеху) ушли на задний план.

Ситуация на сельском рынке труда характеризуется также показателями ожидания безработицы и оценкой перспектив трудоустройства.

В случае потери работы угроза безработицы более вероятна для неквалифицированных рабочих (38%). Поэтому более половины из них «не думают менять работу». У квалифицированных рабочих угроза безработицы заметно ниже (17%), $\frac{2}{3}$ из них не стремятся к смене места работы. Но те и другие готовы уйти на новое место работы в случае поступления более привлекательных предложений.

Вероятность безработицы у специалистов меньше, чем у рабочих (около 11%), и они более оптимистично настроены: почти 44% из них надеются, что поиск работы не займет много времени. Среди специалистов в равной доле, как пессимисты, так и оптимисты, отметили полярные позиции поиска рабо-

ты: «Я легко найду работу» – 20% и «Я долго буду искать работу» – 22,7%. И тем не менее почти $\frac{2}{3}$ специалистов не планируют менять работу, возможно, здесь сказывается либо удовлетворенность трудом, либо ограниченные возможности трудоустройства.

Таким образом, перспективы своего трудоустройства, если все-таки придется искать новое место работы, сельские работники оценивают не очень высоко. Оценки возможностей трудоустройства работников заметно различаются в зависимости от профессионально-статусных характеристик работников, пола, возраста.

Другой очень важный аспект, который отражают результаты исследования, состоит в том, что значительное количество мест на сельском рынке труда являются периферийными, маргинальными, характеризуются невысоким качеством и ненадежностью, низкой зарплатой и отсутствием социальной защиты.

Материальное положение сельских жителей

Как показывают исследования сельской жизни (4,5,6,8), современное российское село является сферой застойной массовой бедности. Правда, в последние годы по мере стабилизации и некоторого роста аграрной экономики она стала отступать, но этот процесс идет крайне медленно: разрыв между городом и селом по этому показателю увеличивается. За период 2002–2004 гг. доля горожан, проживающих за чертой бедности, снизилась на 20,4%, а соответствующая доля сельчан – на 12,6%, в результате чего разрыв в уровне бедности между городом и селом возрос с 1,2 до 1,5 раза. Основная причина широкомасштабной бедности на селе – низкая доходность от сельскохозяйственной занятости.

Сегодня реальная зарплата в сельском хозяйстве составляет 35% от уровня 1990 г. Более $\frac{2}{3}$ работников сельскохозяйственных предприятий имеют зарплату на уровне или ниже прожиточного минимума трудоспособного населения. Это означает, что в отрасли абсолютно преобладают не экономические, а физические рабочие места, не обеспечивающие физиологического выживания семьи и самого работника (4, с. 70–71).

При этом следует отметить, что в числе наиболее высокооплачиваемых работников среди 20 отраслей экономики сельское хозяйство занимает второе место (31,6%) после банковской деятельности (40,1%). Богатыми в аграрных регионах являются в основном руководители хозяйств (6, с. 9).

Анализ ответов респондентов показывает, что почти 60% сельских домохозяйств в практике выживания использовали личное подсобное хозяйство, которое в условиях реформирования села трансформировалось в мелкотоварное хозяйство (5, с. 11). Подтверждением является и тот факт, что уже в

2004 г. на рынке сельхозпроизводства продукция от ЛПХ составляла 57,8% (9, с. 58).

Ведение своего личного хозяйства стало неотъемлемым элементом уклада жизни сельской семьи. Каждой третьей семье ЛПХ обеспечивало свыше половины денежных средств, а самый высокий показатель самообеспечения составил 84%. Можно сказать, что материальный достаток сельчан напрямую зависит от размеров, состава и товарности семейного хозяйства (7, с. 195).

Данный факт можно оценить как адаптацию значительного слоя сельских жителей, которые небезуспешно приспособились к набирающим силу рыночным отношениям.

Экономическая ситуация в исследуемых группах была неодинаковой. Различались и социальные ожидания респондентов, их индивидуальные прогнозы по поводу материального положения в ближайшие годы. Индикаторы, выбранные респондентами как субъективные оценки и базирующиеся на самооценке, при характеристике материального положения разделены на следующие группы:

«Бедные» – это те, кому не хватает денег даже на еду, а если и хватает, то покупка одежды – серьезная проблема. Среди специалистов таковых оказалось 32,3%, квалифицированных рабочих – 45,4, а неквалифицированных – 59,4%.

«Средние» включали два показателя: «Нам хватает денег на еду и одежду, но было бы трудно купить бытовую технику» и «нам хватает денег на покупку крупной бытовой техники, но мы не можем купить автомобиль». В итоге в группе «средних» оказалось 63,3% специалистов, 49,0 – квалифицированных рабочих, 36,1% – неквалифицированных рабочих.

«Богатые» – наиболее малочисленная группа, включившая около 2% специалистов, 1,2% – квалифицированных рабочих, 1,5% – неквалифицированных.

Таким образом, во всех группах значительная часть респондентов предпочла себя отнести по уровню материального достатка к «среднеобеспеченным».

По всей вероятности, их субъективные благоприятные оценки обусловлены тем, что сельское население имеет более скромные требования к потреблению, чем городские жители. Следствием чего явилось завышение своего материального положения.

При определении своей социальной принадлежности большинство респондентов отнесли себя и свою семью к среднему слою: специалисты – 70%, квалифицированные рабочие – 60, неквалифицированные рабочие – 47%. К высшему слою отнесли себя единицы.

Материальные условия жизни людей зависят в первую очередь от уровня получаемых доходов. Поэтому распределение ответов на вопрос: «Каким примерно был Ваш личный доход за последний месяц?» объективно отражает материальное положение респондентов.

Ответы респондентов распределились следующим образом: в группе специалистов доход выше прожиточного минимума имели 60% опрошенных, квалифицированных рабочих – 41, неквалифицированных рабочих – всего 15%. У остальных он был либо равен, либо меньше величины прожиточного минимума. В годы трансформации доходы людей стали значительно зависеть от формы собственности предприятий. По результатам опроса доход выше прожиточного минимума имели в основном работники частных предприятий: $\frac{3}{4}$ среди специалистов и примерно половина квалифицированных рабочих, и это несмотря на то, что большинство из них работали в государственном секторе экономики. Противоположная ситуация сложилась у неквалифицированных рабочих. По сравнению с двумя другими группами, их значительно больше занято на частных предприятиях, но доход, превышающий прожиточный минимум, имели только 17% опрошенных.

Отношение к рыночной экономике

Отношение сельского населения к переходу России от административной экономики к рыночной представляет интерес в контексте того, насколько укоренились в массовом сознании селян идеи и ценности обществ с рыночным хозяйством. По предварительным данным сельскохозяйственной переписи 2006 г., индивидуальные предприниматели на селе составляют в стране 31,5 тыс. человек (23, с. 3–4).

Распределение ответов на вопрос: «Нужен ли переход к рыночной экономике?» показало адаптационные способности респондентов к рыночной экономике. Более половины специалистов (62,4%), половина квалифицированных (49,7%) и менее половины неквалифицированных рабочих (44,4%) однозначно считают, что реформы необходимы и полезны. Доля противников рыночной экономики составила среди специалистов – 19,3%, квалифицированных рабочих – 35,0, неквалифицированных рабочих – 36,8%.

Уровень положительного отношения респондентов к рыночной экономике практически адекватно отразил оценки приспособления их окружения к новым экономическим условиям. Так, 63,7% специалистов, 50,0% квалифицированных и 45,1% неквалифицированных рабочих отметили, что большинство их знакомых приспособились к рыночным условиям, тогда как доля тех, кто имеет противоположную точку зрения, составила соответственно 26,7%, 40,0 и 43,0%.

Активно поддерживают идеи и ценности рыночной экономики и респонденты в более молодом возрасте и имеющие более высокий уровень образования. Они же адекватно оценили аналогичную степень адаптации своего окружения к новым социальным условиям.

Противниками рыночных преобразований оказались в равной доле половина специалистов в возрасте 60 и более лет, квалифицированные рабочие в 45–59 лет и неквалифицированные рабочие в возрасте 25–34 года. Таким образом, естественно было ожидать, что сельская молодежь, чья социализация и первые шаги трудовой деятельности прошли в условиях рыночной экономики, оказалась более открытой к освоению рыночных практик, чем люди старших поколений, система ценностей и установок которых была сформирована в до-реформенные советские времена.

В формировании рыночного поведения важную роль играет взаимодействие (общение, наблюдение) с предпринимательской средой и оценки опыта их деятельности. Несмотря на то, что 23% специалистов, 35% квалифицированных и 41,1% неквалифицированных рабочих не имеют в своем окружении предпринимателей, тем не менее многие из них оценивают опыт предпринимательской деятельности среди своих друзей и знакомых как успешный.

Специалисты отмечают, что в последние годы наблюдается стабилизация сельскохозяйственного производства, а в отдельных отраслях наметился даже его рост. В то же время некоторые негативные социальные процессы приобрели устойчивый характер. Речь идет об оттоке квалифицированных кадров из сельского хозяйства, крайней бедности, высоком уровне безработицы, что повлекло за собой обезлюдивание ряда сельских территорий. За период между последними переписями населения (1989 и 2002 гг.) российское село утратило 10,7 тыс. населенных пунктов (7,5%). Число поселений, не имеющих постоянных жителей, увеличилось на 40% и достигло 13,1 тыс., доля поселений с числом жителей до 10 человек возросла с 19,7 до 22,4%.

Распределение ответов на вопросы: «В каком состоянии находится Ваше село?» и «Хотели бы Вы уехать из вашего села?» отражает миграционные установки респондентов. Практически более половины ответивших пессимистично оценивают состояние своего села: они не видят перспектив его развития; более трети ответивших отмечают слабое развитие села. И всего лишь единицы считают, что село развивается быстро.

Вместе с тем немногие собираются покинуть свое село. Большинство (более двух третей) респондентов не собираются покидать место жительства. А если и хотят уехать, но не имеют для этого возможности, соответственно (примерно $\frac{1}{5}$ респондентов). Сравнительно ограниченные миграционные установки селян связаны, по всей вероятности, неконкурентоспособностью на городском рынке труда, с низкой ликвидностью наличной собственности.

Региональная специфика аграрных реформ

Сравнение динамики аграрных реформ и поведения на рынке сельских хозяйств в регионах с различными исходными параметрами объективной сре-

ды позволяет проанализировать влияние изменения форм собственности на их деятельность, результативность механизмов взаимодействия, возникающие при этом издержки и стимулы.

Это можно видеть на примере Республики Калмыкия и Саратовской области, где экономические, демографические и социальные процессы имеют свою региональную специфику.

Сельское хозяйство является регионообразующим основанием Республики Калмыкии. Специфические природно-климатические условия и характер земельных угодий, $\frac{4}{5}$ которых представляют собой естественные кормовые угодья, обусловили тип хозяйствования калмыков – животноводство, специализирующееся на тонкорунном овцеводстве и мясном скотоводстве. Исторически калмыки – кочевники-животноводы, что во многом определило отраслевую структуру занятости населения, повлияло на конструирование традиции, образа жизни, культуру и менталитет народа.

Согласно переписи населения 2002 г., численность сельского населения в республике составила 55,7%, или 162,7 тыс. человек. В сельском хозяйстве занято 28,3% от общего числа работающих в отраслях экономики региона (10, с. 29). Уровень занятого сельского населения составляет 50%. Сельскохозяйственной неформальной деятельностью заняты 30% (11).

Для республики характерна «сельская безработица», на июнь 2005 г. составившая 23,6% среди сельского населения или 70% от общей численности зарегистрированной безработицы. В Калмыкии безработица детерминирована прежде всего высоким ростом внутренней и внешней миграции сельского населения. Колхозы и совхозы реорганизовывались за последнее десятилетие несколько раз, что повлекло резкое снижение сельскохозяйственного производства и число рабочих мест. Уезжать из родных мест приходилось не только молодым, но и уже зрелым людям, на плечах которых еще недавно держалось село. Проблема состоит в том, что нарушилась преемственность поколений в традиционном труде.

Саратовская область имеет свою региональную специфику, обусловленную наличием сугубо аграрных районов в сочетании с мощными индустриальными центрами (Саратов, Балаково, Энгельс, Вольск). Сельское хозяйство играет большую роль в области, занимающей одно из ведущих мест в Поволжском регионе по сбору зерновых культур. На социально-экономическое положение и развитие региона влияет также ее географическое расположение на перепутье транзитных торговых путей России со странами СНГ.

В 2004 г. сельское население в области составляло 23,5%. Уровень занятости сельского населения – 53,3%. В сельскохозяйственном неформальном секторе занято 39% сельского населения. Сельская безработица в том же году составила 11,7% (11). Несмотря на то что уровень безработицы в области в два раза ниже, чем в Калмыкии, эта проблема является наиболее острой и

обусловлена спецификой сложившейся демографической ситуации и качеством трудовых ресурсов на селе.

Как показало исследование, проведенное ИС РАН в Калмыкии в 2002 г.³, 17,5% селян живут только на доходы от личного подсобного хозяйства. Для 33,0% сельских респондентов преобладающим источником дохода, наряду с пенсией, зарплатой и пособиями, стало также личное подсобное хозяйство. Данную группу составляют механизаторы, сельские рабочие, животноводы. Только 30% опрошенных сельских респондентов основным источником дохода назвали зарплату – это учителя, врачи, сельские чиновники.

Около 21% сельских респондентов определили свое материальное положение как «живущие бедно», основную часть из них составили пенсионеры, безработные (1/3) (14).

Как «среднеобеспеченные» обозначили себя 40% ответивших – это механизаторы, животноводы, мелкие фермеры, специалисты сельского хозяйства.

«Богатыми» идентифицировали себя прежде всего животноводы (чабаны, гуртоправы), фермеры, руководители крестьянско-фермерских хозяйств (0,5%). Их богатство составляет наличие большого поголовья крупного рогатого скота, овец, птицы, посевных площадей.

Бедная часть населения обеспокоена тяжелым материальным положением, безработицей, низкой оплатой труда, плохими жилищными условиями, ростом цен на коммунальные услуги и уголь. Отсутствие жизненных перспектив, рабочих мест, тяжелые социально-экономические условия жизни заставляют людей в массовом порядке покидать родные места. Так, 40% бедных выразили желание уехать из республики. Среди среднеобеспеченных миграционные установки в два раза меньше, а среди богатых их вообще нет. По данным переписи населения с 1989 по 2002 г., из республики выехали более 30 тыс. человек, за 2003–2005 гг. – 1,8 тыс. человек. Поэтому снижение уровня потенциальной миграции может быть обеспечено восстановлением агропромышленного комплекса, наличием рабочих мест и стабильным заработком.

Проблема сельского хозяйства имеет для республики не только социально-экономическое, но и этнополитическое значение, поскольку с аграрным сектором связан традиционный образ жизни большинства калмыков. По данным исследования ВЦИОМ в Калмыкии, стратегией и тактикой выживания для большинства сельских жителей стали личные подсобные хозяйства. Все опрошенные признают, что скот служит показателем благосостояния и средством решения жизненных проблем – поступление в вуз, свадьба, приобретение

3. Опрошено 511 человек по маршрутно-территориальной выборке – городское и сельское население в г. Элиста, Кетченеровском, Приютненском, Целинном районах.

жилья. Это и знак высокого статуса, и средство урегулирования отношений с властными институтами, и способ социальной мобильности (16, с. 45).

На сельский рынок труда в Саратовской области важное влияние оказывает характер землепользования. Социологическое исследование, проведенное ИС РАН в 2004 г. в Саратовской области, показывает, что 57% работников сельского хозяйства считают коллективный способ хозяйствования наиболее приемлемым для себя; 14% опрошенных отдают предпочтение семейной форме, единоличному хозяйству.

Как показал анализ, для большей части населения области (70%) основным источником дохода является заработная плата; 14,7% – пенсия; 9,7% указали, что не имеют постоянного дохода; для 7% селян личное подсобное хозяйство является единственным источником дохода и всего лишь 5,3% имеют доходы от собственного дела.

Из-за низкой оплаты труда почти 42% крестьян и сельских рабочих полностью не удовлетворены своей работой, 72% ответивших не удовлетворены своей должностью, а 75% респондентов хотели бы сменить свою работу.

В области животноводство не дает такой прибыли, как в Калмыкии. Тем не менее основной источник дохода у сельского населения – частный скот. При резком сокращении общественного поголовья количество свиней и крупного рогатого скота у населения резко возросло, так как их можно прокормить зерном, пшеницей, которую крестьянин получает (до 70%) как натуроплату. Именно зерно определяет все – большие деньги, корма для скота и его поголовье (18, с. 229).

Как известно, труд на личном подворье фактически полностью ручной, не механизирован. Отсутствие надлежащей инфраструктуры по обслуживанию ЛПХ и обеспечению их деятельности не позволяет этим хозяйствам выйти на цивилизованный, современный уровень производительности труда и эффективности производства. Примечательно, что как в Калмыкии, так и в Саратовской области аграрные реформы привели к возрождению патриархальной семейной экономики, архаизации сельского рынка труда как средству, обеспечивающему выживание крестьян и сохранение сельского социума в условиях кризиса.

В 1991 г. на российском сельском пространстве появилось новое лицо – фермер, которому предсказывали большое будущее. Бурный рост фермерского движения как в Калмыкии, так и Саратовской области был во многом связан с льготами по налогам и кредитам, с возможностью приобрести технику по доступным ценам, легкостью получения земли и государственной поддержкой.

В регионах в фермеры подалась в основном сельская элита: агрономы, зоотехники, инженеры, председатели колхозов и директора совхозов. Таким образом, коллективные хозяйства потеряли своих наиболее активных, предприимчивых людей. Но после отмены льгот в середине 90-х годов фермеры

оказались в худших условиях, чем коллективные хозяйства. Это послужило причиной их сокращения.

На долю крестьянско-фермерских хозяйств приходится 11% всех сельскохозяйственных угодий Калмыкии и 13% пашен. Доля фермерских хозяйств в валовой продукции сельского хозяйства ежегодно возрастает: в 2000 г. она составила 6% (20, с. 53), в 2005 г. – 20,0% (22, с. 167).

В Саратовской области в 2004 г. насчитывалось 3250 фермерских хозяйств, являвшихся основными землепользователями на территории 100 тыс. га. Развитие фермерских хозяйств в области шло быстрее, чем в других регионах страны, благодаря чему саратовские фермеры занимают четвертое место в России по производству сельхозпродукции (18, с. 243).

Тем не менее по мнению саратовских специалистов, фермерское движение пока не оправдало надежд на расширение сферы занятости сельского населения (21, с. 438). Доля привлекаемого фермерами наемного труда незначительна. Как правило, в большинстве они имеют 10–15 наемных работников для работы на 500–1500 га земли. Фермеры занимаются в основном зерновыми и овощными культурами как наиболее рентабельными. Именно такое хозяйство, по мнению фермеров, способно создать капитал и быть мобильным в природной среде Саратовской области (18, с. 239).

Как отмечают эксперты, и в Калмыкии, и в Саратовской области, при отсутствии развитой инфраструктуры рынка, а также финансовых, материальных, технических ресурсов для развития хозяйств крестьян, ЛПХ зависит от поддержки совхозов-колхозов. Поэтому будущее в агропромышленном комплексе все-таки за крупными общественными объединениями, и с этой точки зрения следует отметить, что у Саратовской области больше преимуществ и ресурсов, а своевременные управленческие решения смягчали остроту кризиса.

В Калмыкии помимо объективных причин кризиса, имеют место неадекватные организационно-управленческие решения. Так, приватизация сельскохозяйственных предприятий стала причиной сегодняшней высокой сельской безработицы и массовой миграции трудоспособной и наиболее активной части сельского населения за пределы республики.

Другое существенное различие состоит в том, что индустриальная Саратовская область сохранила старые и создает новые предприятия, а их капиталы помогают агросектору встать на ноги, являясь потребителями и инвесторами в производстве сельхозпродукции. Калмыкия, наоборот, разрушив предприятия сельхозпереработки и не создав новых, вынуждена завозить готовые сельхозпродукты, например, молочную продукцию. Это приводит к вливанию своих доходов в соседние регионы.

Таким образом, дело не только в настроениях или особенностях индивидуальных качеств сельского жителя, а прежде всего в политике государства, которое до сих пор не помогает работникам села конструктивно адаптировать-

ся к новым условиям. Поэтому последним приходится рассчитывать только на собственные силы, что серьезно сдерживает институциональные реформы на селе. Изменить ситуацию призваны национальные проекты, в числе которых значится российское село.

Литература

1. Сошнев А.Н. Социальное развитие аграрного сектора России в стратегии государственной политики / Российское село в XXI веке: Проблемы и перспективы. Том I. Москва–Краснодар, 2004. – 476 с.
2. Обследование населения по проблемам занятости. М: Федеральная служба государственной статистики, 2004, февраль.
3. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2002. – 324 с.
4. Бондаренко Л.В. Сельская Россия в начале XXI века (социальный аспект) // Социологические исследования, 2005, № 11, 69–77 с.
5. Пациорковский В.Б. Сельская Россия 1991–2001 гг. М., 2003. – 367 с.
6. Хагуров А.А. Актуальные проблемы социологии современного села / Российское село в XXI веке: Проблемы и перспективы. Москва–Краснодар, 2004. – 476 с.
7. Фадеева О. Способы адаптации сельских семей к изменениям экономической среды / Рефлексивное крестьяноведение: Десять лет исследований сельской России. Отв. ред. Шанин Т. М., 2002. – 380 с.
8. Бондаренко Л.Б. Сельская бедность в России. М., 2005. – 142 с.
9. Козлов М. Тенденции развития крестьянских (фермерских) хозяйств и крестьянских подворий / АПК: Экономика и управление. 2005. – № 2. – С. 56–67.
10. Болдузгина Е. Национальный проект Калмыкии дает уникальный шанс // Известия Калмыкии 8 февраля 2006. – С. 2.
11. Электронная версия статистических данных России 2004 г.
12. Рынок труда: Есть проблемы, есть решения / Элистинская панорама, 28 мая 2005. – С. 2.
13. Бибер С. Социально-экономические основы процесса дифференциации в российских регионах (на примере Саратовской области) / Власть и тенденции формирования новых социальных общностей в регионе. Саратов 2004. – С. 370–394.
14. Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д., Казаринова И.В., Муханова М.Н., Орехова И.М. Социальные проблемы развития Калмыкии / Мониторинг общественного мнения ВЦИОМ, № 3 июнь–август, 2004. – С. 25–36.
15. Занятость населения: Снизить безработицу и повысить доходы / Известия Калмыкии, 12 июля 2005. – С. 2.
16. Бочарова О. Стратегия выживания в российской глубинке / Мониторинг общественного мнения ВЦИОМ, № 5 сентябрь–октябрь 1999. – С. 43–48.
17. Лукьянова Е.Б. Предпринимательство в аграрной сфере современной России: Состояние и тенденции развития. Автореферат на соискание д. соц. н. Саратов, 2005. – С. 35.
18. Нефедова Т. Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М., 2002. – 403 с.
19. Регионы России. Социально-экономическое развитие. М., 2003. – 570 с.

20. Бадмахалгаев Л. Ц-М. Реформа, итоги, оценка, перспективы. Элиста, 2001. – 193 с.

21. Ситникова С.В. Трансформация сельского рынка труда в регионе / Власть и тенденции формирования новых социальных общностей в регионе. Саратов, 2004. – С. 438.

22. Калмыкия в цифрах, 2005. Элиста, 2006. – 320 с.

23. Епихина А.В. О первых предварительных итогах Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года / Вопросы статистики, 2006, № 9. – С. 3–5.

Замечательный российский ученый Александр Самойлович Ахиезер скоропостижно скончался 12 октября 2007 г. Его «Труды», о которых речь пойдет ниже, – лишь один из нескольких сотен трудов, написанных на стыке едва ли не всех общественных дисциплин и составляющих впечатляющий монумент светлой памяти безвременно ушедшего из жизни исследователя.

Редакция глубоко скорбит.

М.Э.Рябова

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РОССИЙСКИХ КРИЗИСОВ (РАЗМЫШЛЯЯ НАД «ТРУДАМИ» А.С. АХИЕЗЕРА)

**Рябова Марина Эдуардовна – доктор
философских наук, профессор
Мордовского государственного
университета им. Н.А. Огарева.**

Бесспорный постулат, что, с одной стороны, общественные отношения воспроизводятся деятельностью людей, реализующих исторически сложившуюся культуру, ее накопленное содержание, а с другой – культура рождается этими отношениями, их деятельным характером, всегда нуждается в конкретном раскрытии на примерах стран и цивилизаций. Применительно к российскому обществу эту задачу решает известный философ и культуролог А.С. Ахиезер на основе разработанной им самим социокультурной методологии.

Исследуя культурные механизмы исторического развития, А.С. Ахиезер использует наработки и подходы разных общественных наук; его цель – анализ переходов от мышления к деятельности, связей между частью и целым, между условиями, средствами и целями этого процесса. Такой анализ лежит в русле не только теории, но и практики, поскольку способность человека к переходам проявляется в принятии эффективных решений и обеспечивает тем

самым демографическое воспроизводство, выживаемость людей в усложняющемся обществе.

Новая книга исследователя (А.С. Ахиезер. Труды. – М.: Новый хронограф, 2006, 480 с.) подтверждает его верность изложенному выше подходу. Книга включает в себя три монографии, каждая из которых, казалось бы, рассматривает особый круг проблем. Тем не менее все они в конечном итоге сфокусированы на основной проблеме, над которой хотелось бы поразмышлять вместе с автором – упомянутой проблеме социокультурного воспроизводства в обществе, несущем в себе реальные и потенциальные опасности.

Важнейшую характеристику динамики российского общества А.С. Ахиезер видит в существовании в России по крайней мере трех типов культур, трех нравственных идеалов и значимых отношений между ними. Это прежде всего *традиционная (вечевая)* культура, включающая нравственный идеал, нацеленный на статику. *Утилитарная* культура несет нравственный идеал, содержащий в себе возможность превращать все элементы доступной реальности в средство для достижения ранее сложившихся целей. И, наконец, *либерально-модернистская культура* с идеалом, нацеленным на развитие и прогресс. Автор подчеркивает, что, несмотря на ограниченную социальную базу этой культуры в стране, она оказывает влияние даже на относящихся к ней враждебно людей, поскольку обладает мировым потенциалом разрешения все более сложных проблем. Сама идея проводившихся в России реформ в XIX–XX вв. основана в значительной степени на этом типе культуры.

На обширном историческом материале А.С. Ахиезер убедительно доказывает, что разным формам культуры присущи свои особенности логики мышления и деятельности. Поэтому он указывает на необходимость анализа специфических форм культуры через анализ их логики. Эта важная новая идея навеяна работами В. Библера, который развил концепцию различия логик в разных культурах, их смену в истории, исключительной значимости диалога между ними.

Классификация типов культуры, нравственных идеалов российского общества была впервые предложена А.С. Ахиезером еще в 1991 г. в трехтомном издании «Россия: критика исторического опыта». В «Трудах» ее значение углубляется для понимания специфики истории России. Особое внимание автор уделяет не только особенностям каждой из логик, но и отношениям между этими формами культуры и нравственности. Акцентируется внимание на исторически сложившейся недостаточной способности общества использовать диалог для решения проблем, возникающих между субъектами этих идеалов; показывается, что исторически сложившаяся слабость этих диалогов приводит к существенным негативным результатам, вплоть до национальных катастроф.

Значение этой проблемы исключительно велико. Авторитетный социальный философ В.Г. Федотова отмечает, что этика, нормативные конструкции

«строятся по разным основаниям, часто конкурирующим друг с другом» (Федотова В.Г. Хорошее общество. – М, 2005. – С. 466). А.С. Ахиезер впервые предлагает типологию исторически сложившихся нравственных идеалов в российском обществе, показывая многообразие форм этики и подчеркивая, что исторически главная проблема дальнейшего развития общества складывалась в условиях недостаточной для нормального развития массовой способности к диалогу. Это обстоятельство приводило к тому, что постоянно возникали острые конфликты между носителями разных типов культур, нравственных идеалов и соответствующих программ жизни общества. Недостаточность диалога между ними дезорганизует все общественные явления, реальную, свободную деятельность человека, развитие способности принимать более или менее эффективные сложные совместные решения, парализует конструктивные реформы. Такая позиция принципиально отличается от позиции тех, кто склонен видеть в опасностях, грозящих обществу, злую волю определенных внешних и внутренних сил.

Выявленная типология позволяет описать историю России как смену господствующих форм культуры, нравственных идеалов. В сущности, это новый ракурс рассмотрения российской истории, новая концепция человека как субъекта социокультурного творчества, субъекта собственного развития, опирающегося на различные формы культуры, на специфику отношений между нравственными идеалами. Эта специфика представляется особенно важной, поскольку она выступает как конкретно-исторический набор идеалов, форм нравственности в каждой культуре, что является, по Ахиезеру, противоречивой основой для дальнейшего развития общества, требующего высокой ответственности и напряжения.

В соответствии с общим замыслом автора, в первой книге *«Специфика российской истории»* читатель подводится к мысли о возможности дезорганизации жизни общества и даже национальной катастрофы в результате массовых неэффективных решений усложняющихся проблем. *Катастрофы*, точнее, их особую форму – *имманентные катастрофы*, т.е. возникшие без существенного внешнего вмешательства, А.С. Ахиезер возводит на уровень социально-философской категории, определяя ее как «распад большого общества как целого, крушение государственности, ее неспособность выполнять функции интеграции» (с. 172). Таких национальных катастроф в России он насчитывает четыре: гибель Киевской Руси, Великая Смута XVI–XVII вв., а также катастрофы в 1917 и 1991 гг. (с. 45). Автор особо обращает внимание на то, что во всех случаях, по крайней мере первое время, в обществе царил апатия и ни один человек не встал на защиту государства.

Анализ национальных катастроф, постигших Россию, нацелен на понимание дня сегодняшнего, а также на привлечение внимания к возможным альтернативам будущего страны. Выдвигается правомерный вопрос: какова при-

чина этой странной традиции и нет ли угрозы ее продолжения? Нельзя не согласиться с автором, что российские имманентные национальные катастрофы были результатом внутренних раздоров, недостаточной способности к культурному и организационному объединению, недостаточной культурной интеграции целого через диалог. Верно и то, что общая природа этих катастроф не изучалась, и сегодня действительно необходим ее интенсивный анализ как важнейшей, если не самой главной, проблемы воспроизводства, выживаемости страны.

Такая постановка вопроса позволяет рассматривать исторический процесс не только как смену исторических событий, но и как возможность вызревания новых социокультурных противоречий, опасностей конфликтов, требующих существенного, а то и радикального изменения массового поведения, коренного повышения эффективности решений на всех уровнях общества. Конечно, концепция усложняющегося общества, требующего для обеспечения выживаемости развития массовой способности принимать все более эффективные решения, выходит за рамки изучения России, она касается любого общества, хотя и в разных формах и масштабах.

Вторая книга *«Катастрофы в природе и обществе как нравственная проблема»* посвящена осмыслению каждой из упомянутых выше национальных катастроф, которые имели место в России. Рассматривая механизмы их возникновения, А.С. Ахиезер высказывает мнение, что они явились следствием разрыва между сложностью возникающих проблем и способностью общества к их разрешению. Представляя в обобщенном виде основную причину возникновения катастроф как недостаточное развитие способностей к культурной интеграции, философ утверждает: «Для преодоления раскола необходимо не только лавирование между полюсами нравственных идеалов, но и умение находить меру синтеза между ними» (с. 150). И в другом месте: «Сложность противостояния катастрофам не в последнюю очередь заключается в том, что это противостояние включает критику нравственности, т.е. требует напряженного качественного совершенствования нравственного схематизма общества» (с. 328).

Прослеживая исторические корни национальных катастроф и возможности их предотвращения, автор уделяет особое внимание *архаизации*, которая понимается как активизация древней догосударственной культуры, как один из ответов на внутренний кризис общества. Тем самым впервые в российской философской мысли архаизация не только воспринимается как социально-философская категория – показывается, что она может достигать крайне разрушительной силы; обреченная уйти в прошлое, она в действительности может усиливаться. Главная проблема здесь не в самом факте архаизации, а в уровне способности общества в целом (не только тех или иных групп) отвечать на вызов углублением диалога между формами культуры. К чему приво-

дит отсутствие диалога, наиболее наглядно показывают события 1917 г., когда манихейская идея абсолютного конфликта персонифицированного добра и зла была взята на вооружение революционерами. Это важнейший урок для страны в XXI в.: испытывая мощное внутреннее давление архаизации, не пройдя школы диалога, необходимого для государства и большого общества, каким является Россия, она сталкивается с риском очередной имманентной катастрофы.

Третья книга *«Об особенностях современного философствования»* представляет собой теоретическую философскую часть, где А. Ахиезер дает общеполитическую формулировку своего подхода, методологические основы социокультурной теории и методологии. Автор выдвигает тезис, что основной задачей личности как субъекта процесса развития является постоянное преодоление разрыва между сложностью принятия необходимых, жизненно важных решений и уровнем личностной культуры субъекта. При этом в основе разрешения противоречий лежат именно личность, ее характеристики.

Данный вывод натолкнул меня на мысль, что если в последние несколько столетий человечество качественно перестраивалось, выкристаллизовывая в себе ЛИЧНОСТЬ, т.е. уходило от безличного массового состояния к состоянию совокупности индивидуальностей, развивающих свой диалог, то сегодня нельзя игнорировать и другую тенденцию. Одновременно с формированием массовой культуры на поверхность жизни общества стали выходить ранее подавленные источники ценностей, выявились ранее невидимые реальные и потенциальные их очаги, причем с новой силой обнаружили себя и деструктивные установки, в частности, ксенофобия.

Проблема, однако, как уже указывалось выше, состоит не просто в наличии разных типов культуры, а в существующих между ними отношениях. В связи с этим возникают вопросы: как национальная культура соотносится с массовой? Не назревает ли конфликт личности и массовой культуры? Способна ли (и должна ли) личность противостоять массовой информационной индустрии? Не на все эти вопросы автор дает ответы, но книга содержит большой теоретический материал для размышлений о способности страны противостоять угрозам.

В методологическом аспекте представляется особо значимым синтез важных социальных категорий, причем некоторые из них разработаны самим А.С. Ахиезером. Например, он вводит принципиально новую концептуальную социокультурную категорию «решение», пытаясь преодолеть прагматическую узость ее содержания и раскрывая ее как «переосмысление человеческой реальности». «Оно порождает новый смысл, новый элемент культуры, новую культурную программу, оно – предпосылка изменений всех элементов человеческой культуры» (с. 178). Эта категория используется как инструмент изучения исторической динамики общественных отношений, необходимый одно-

временно для оценки человеческих способностей противостоять имманентным катастрофам.

Использование социокультурного подхода позволяет сделать вывод: историю России не следует сводить ни к истории возникновения катастроф, ни к истории их преодоления. Ее фокус находится между этими процессами, на переходах между ними. Нужно не только понять механизм устойчивости, выживаемости в пространстве между полюсами дуальной оппозиции, но и осмыслить связь между взаимопроникновением и взаимоотталкиванием, выявить механизм их динамики, найти способы ухода от опасности раскола, взаиморазрушения полюсов.

Работа А. Ахиезера ценна еще и тем, что в ней, по существу, развенчиваются некоторые мифы, например, распространенные убеждения, что в России всегда и во всем виновата власть, в которой сосредоточились злодеи, враги. Решающим фактором развития общества является специфическая культура миллионов людей, несущих в себе опыт поколений как меру способности преодолевать историческую ограниченность этой культуры.

Читая эту книгу и другие работы автора, острее чувствуешь собственную сопричастность к происходящему в стране. «Труды», несомненно, привлекут внимание значительного круга читателей, которые обеспокоены перспективами развития российского общества. Для научного сообщества это хороший стимул к интенсивному обсуждению ключевых проблем методологии изучения России.

И.А.Скрипачёва

**КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ
ПРОМЫШЛЕННОМ ГОРОДЕ
(на примере Тольятти)**

Скрипачёва Ирина Александровна –
кандидат культурологии, главный
специалист Департамента культуры
мэрии городского округа Тольятти.

Под культурными процессами понимается «изменение во времени состояния культурных систем и объектов», включая «типовые модели взаимодействия между людьми и их социальными группами»¹. Складывание культурной среды даже молодых городов, к которым относится Тольятти, – процесс длительный; он ускоряется или замедляется в зависимости от многих факторов. Это – хозяйственно-экономическое состояние региона, административный статус города (городской округ, муниципальный район), связь с культурными традициями, архитектурой, близостью к столичным центрам и т.д.

Так называемые молодые города представляют собой значимый феномен новейшей российской истории. Именно за счет таких городов, как Тольятти, возникших в результате «скоротечной» индустриализации и поверхностной урбанизации страны, освоения новых территорий и ресурсов в 30–60-е годы минувшего века, во многом происходил рост городского населения. Эти города участвовали в формировании той новой генерации людей, того типа культуры, которые сегодня все активнее определяют социальный облик России, представляют структуры власти, создают политические настроения.

Тольятти – город современных технологий, отличающийся значительным интеллектуальным потенциалом и многообразием культурных процессов, в которых скрыты огромные возможности социокультурной среды. Рассмотрим взаимодействие между элементами и субъектами городской культуры Тольятти и ее адаптацию к внешним условиям.

1. *Культурология XX век. Т. 1. – СПб., 1998.*

Возникновение и становление молодого города

Существовали веские причины, которые требовали создания большого количества новых городов. В начале XX в. число городов в России и европейской ее части не соответствовало размерам огромной страны, потребностям в центрах-стимуляторах развития. И далеко не все старые города могли служить точками роста, ибо среди них велика была доля экономически хилых и не имевших перспективы. Промышленность (главный градообразователь в период индустриализации) строго экзаменовала города на способность к развитию. Поэтому одна из самых характерных черт советской урбанизации – очень высокие темпы. Это проявилось в нарастании и числа городов, и численности городского населения. Магнитогорск, Нижнекамск, Дзержинск, а затем и Тольятти практически «проскочили» стадию малого города.

Новые города были необходимы стране для создания территориальных центров, способствующих развитию регионов накопления и использования регионального экономического, социального и интеллектуального потенциала; раскрытие и привлечение разнообразных ресурсов роста – ведь страна была вынуждена ориентироваться на свои собственные силы; формирование сети отраслевых промышленных центров, которыми могли стать далеко не все старые города².

Как сопрягались эти задачи с культурными процессами? Тольятти, возникший на волне технического прогресса, нам представляли как образцовый социалистический город. Однако с самого начала его бурного роста, связанного со строительством ГЭС, а затем Волжского автозавода, сфере культуры уделялось совершенно недостаточное внимание. В результате сотни тысяч горожан – население Тольятти превышает сегодня 700 тыс. человек – превратились по существу в обитателей громадных «спальных» микрорайонов, в которых отсутствовала развитая социальная инфраструктура³.

Особенность Тольятти в том, что в нем нет глубоких культурных корней. Поскольку его «предок» Ставрополь остался на дне водохранилища, был безвозвратно утрачен целый пласт культуры старинного волжского города, которому сейчас исполнилось бы 270 лет. Именно с этой точки зрения справедливо суждение об отсутствии в Тольятти культурных традиций. В целом «идея» города – это проект улучшенной барачной застройки, примыкающей к производству, новый советский вариант поселения слободского типа.

2. *Город и деревня в Европейской России: Сто лет перемен.* – М., 2001. – С. 125.

3. *Иванов В. Культура Тольятти: Стратегия обновления и созидания // Самара и губерния.* – Самара, 1999. – № 2.

Характерной особенностью такой среды является ее несоразмерность с человеком, что прежде всего проявляется в слабом обустройстве пространства дворов и улиц. Среда такого типа не формирует адекватные ментальные и поведенческие нормы, провоцирует негативные социальные явления, способствует отчуждению, проявлениям вандализма и преступности.

Вместе с тем природа взаимодействует с городом только в диких, не-окультуриваемых формах. Город вплотную подходит к воде, но не имеет ни набережных, ни современных пляжей. Существует лишь одна доступная видовая точка – памятник основателю города Ставрополя В. Татищеву, с которой можно наблюдать прекрасный вид горной гряды Жигулей на противоположном берегу водохранилища. Лес входит в городские пределы, но не становится парковой зоной. А имеющиеся городские парки впадают в жалкое существование и находятся на грани уничтожения.

Культурный потенциал Тольятти в широком смысле слова – это его население, определяющее культурную специфику города, его прошлого, настоящего и будущего; в более узком – инициативные группы, творческие союзы и объединения. Поскольку большинство жителей здесь – приезжие, каждое новое поколение имеет все больше оснований считать себя коренными жителями, а интегрирование города в местную ситуацию, осмысление окружающего культурного, исторического и природного ландшафта представляют постоянно идущий естественный процесс. Именно культурные процессы служат той матрицей, которая формирует исторический облик молодого города.

Обстоятельства возникновения Тольятти как крупного промышленного и индустриального Центра Поволжья привели к тому, что его отношения с областью и с областным центром Куйбышевым–Самарой складывались непросто. Город развивался по логике крупных индустриальных проектов, «спущенных» из центра, строительство ГЭС, химических предприятий, автозавода, стремительно набирал экономический потенциал и составлял очевидную конкуренцию для Самары. Сегодня Тольятти имеет в области статус города № 2, не являясь административным центром субъекта Федерации, он обладает всеми признаками «вольного города», готового самостоятельно решать свои проблемы.

Как и для многих городов Самарской области, возникших вокруг градообразующих предприятий, характерным для Тольятти являются следующие социально-экономические проблемы:

- недостаточная социокультурная ориентация экономической базы, что сказывается на таких важных аспектах как качество социальной инфраструктуры и различия в уровнях жизни населения;
- невысокое качество городской среды;
- отсутствие устойчивых культурно-исторических традиций;

– слабость механизмов партнерского взаимодействия организаций культуры и искусства с другими организациями социальной сферы в решении общегородских проблем;

– не отвечающая современным требованиям культурно-досуговая инфраструктура;

– неудовлетворительное состояние материально-технической базы муниципальных объектов культуры и искусства.

Но наряду с этим можно отметить тесную связь провинциальной культуры с природными ритмами, их цикличностью и повторяемостью, что определяет, в частности, и ее большую «устойчивость», и специфику ощущения времени⁴.

Особенности географии городской культуры

Современный город Тольятти исторически сложился как объединение трех территориально разобщенных районов – Комсомольского, Центрального и Автозаводского, возникновение которых связано с тремя этапами становления производственной базы города. Технократическая идея, в соответствии с которой город рассматривался как подчиненный производству элемент, изначально ставила на второй план вопросы его социокультурного обустройства и градостроительной целостности.

Комсомольский район возник на месте прежнего села Кунеевка на побережье Волги – как поселок строителей ГЭС, а затем как место проживания работников городских предприятий. На территории Комсомольского района происходило открытие первых учреждений культуры города: дома культуры, музыкальной школы, библиотеки, кинотеатра, парка, танцевальной площадки.

Появление Центрального района было связано с необходимостью переноса на новое место города Ставрополя, попавшего в зону затопления. В нем оказались сосредоточены все городские административные учреждения, а также учреждения культуры городского значения.

Самый молодой Автозаводский район возник в ходе строительства Волжского автозавода и стал своего рода «городом в городе». Он заселен в основном работниками автозавода и является самым крупным районом города (свыше 430 тыс. человек), превосходящий два других по площади, населению и экономическому потенциалу.

Три района города появились в разное время и в разных обстоятельствах; все они были заселены в основном мигрантами различных профессий и поколений. По социальному составу, экономическому положению, образу жизни

4. Анциферов Н. Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. – Л., 1926.

жители трех районов существенно отличаются друг от друга. Каждый район живет довольно обособленной жизнью. Таким образом, нарушение градостроительной целостности предопределило социальную разобщенность трех районов, их территориальное разделение, различия в уровне развития. Это относится не только к производственной сфере, но также к сфере культуры и досуга. Учреждения культуры, независимо от того, имеют ли они городское или местное значение, работают в основном с населением, проживающим в том районе, в котором они находятся.

Территориальная неоднородность культурной ситуации города – характерная черта современного Тольятти, которая выявила три типа формирования культуры. Комсомольский район сохранил черты поселковой культуры, усугубленные раздробленностью на отдельные удаленные друг от друга микрорайоны: Поволжский, Федоровка, Шлюзовой, определяемые местоположением учреждений культуры общего профиля – таких как многофункциональный центр отдыха, досуговый центр, дом культуры, библиотеки. Центральный район как образ утраченного города Ставрополя воспроизводит тип именно городской культуры: в нем расположены музеи, художественная галерея, театр, филармония, крупный дворец культуры «Тольятти». Автозаводский район воспроизводит модель современного города, ориентированного на «импортирование» культуры. Об этом свидетельствуют объекты культуры и спорта с залами большой вместимости, развитая сеть учреждений рекреативно-развлекательного досуга, рассчитанные преимущественно на выступления гастролеров.

Фактически в современном Тольятти существуют три города, связь между которыми весьма условна. Они не составляют целостный монолит, и поэтому их культурные возможности не суммируются, не обретают нового качества на городском уровне. В сознании граждан сильны тенденции обособленности, не позволяющие им воспринимать город как целое. С этой точки зрения необходима территориальная инфраструктурная ориентация, предполагающая создание максимальной свободы для развертывания культурных процессов в городе, двигателем которых выступают не управленческие решения, а общественные инициативы, творческая индивидуальность деятелей культуры и искусства, профессионализм работающих в сфере культуры специалистов.

Основные ориентиры развития культурных процессов – усиление взаимодействия различных городских структур и функций на основе согласования их интересов, в рамках общепринятых правовых и культурных норм, основанных на комплексных потребностях горожан.

Особенности и характерные черты культурных процессов

Одной из характерных черт культурных процессов Тольятти (как и многих других молодых промышленных городов) является отставание развития объектов социально-досуговой сферы от темпов роста самого города. Следствием этого стала диспропорция между размерами города и степенью сформированности его социокультурной инфраструктуры. Это выражается не только в отсутствии ряда организаций и учреждений, необходимых для города подобного масштаба, но и в высокой контрастности ресурсного обеспечения учреждений культуры по районам и типам организаций культуры. К примеру, в Автозаводском районе ведомственная инфраструктура рекреативно-развлекательной и досуговой сферы развита существенно лучше, чем в двух других районах. Это и большее скопление населения (430 тыс. человек), и более высокий уровень благосостояния рабочих и служащих автозавода по сравнению с другими районами. В типологическом плане наиболее обеспеченными оказываются концертно-зрелищные учреждения, а наименее обеспеченными – учреждения музейно-выставочного комплекса.

В сети объектов культуры Тольятти преобладают клубы со зрелищной специализацией, предназначенные для демонстрации кинофильмов и концертно-филармонической деятельности, монозальные кинотеатры, библиотеки. Сформированные культурные комплексы функционально раздроблены и нередко используются в качестве торгово-экспозиционных площадей. Для музеев и картинной галереи с характером дефицита площадей хранилищ.

В городском округе Тольятти существуют более 200 организаций сферы культуры различных форм собственности и ведомственной принадлежности. В них работают более 2 тыс. человек. Именно муниципальная сеть учреждений культуры является основой традиционных видов культурной деятельности, включая самодеятельное (любительское) народное творчество, которое для 30% жителей является единственным источником, обеспечивающим конституционные права граждан на доступ к культурным ценностям и участие в культурной жизни.

Опросы населения выявили в целом позитивную оценку положения в сфере культуры, но много критических замечаний было высказано по поводу недостаточной обеспеченности города учреждениями и организациями культуры (театров, музеев, выставочных и концертных залов, библиотек, кинотеатров, культурно-досуговых учреждений); устаревшей материально-технической базы многих учреждений; снижения общего уровня культуры населения (алкоголизация, наркотизация, пренебрежение к нравственным и этическим нормам и пр.); слабой организации детского и молодежного досуга; недостаточности

бесплатных, доступных форм организации досуга малообеспеченных слоев населения.⁵

Для решения накопившихся проблем необходимы исследования, дающие оценку состояния и деятельности учреждений и структур культуры, творческих союзов и объединений, уровня и перспективности кадрового потенциала, определение критериев эффективности и качества предоставляемых населению услуг культуры, разработка содержания «социокультурного пакета горожанина».

Стратегии регулирования культурных процессов

Разработка проектов и программ развития в сфере культуры практикуется в Тольятти более двадцати лет. Впервые городская стратегия регулирования культурных процессов была обозначена администрацией города в 1985 г. в виде проекта «Программы эстетического воспитания населения на период 1985–1990 гг.».

Этот проект определял цели и задачи Государственной комплексной целевой программы эстетического воспитания подрастающего поколения, в основу которой было заложено представление о том, что всякий организованный процесс развития личности должен иметь конечной целью ее реализацию в деятельности. Недостатком проекта было то, что задачи инкультурации личности сводились преимущественно к эстетическому развитию. В стороне остались общегуманитарное развитие – любовь и интерес к истории, памятникам наследия, а также борьба с антисоциальными явлениями.

Позднее была предпринята попытка разработки локальной стратегии в виде проекта «Культура Автограда», но он был направлен на решение проблем развития культуры одного Автозаводского района и отдавал предпочтение инновационным начинаниям, связанным с производством. Тем не менее данный проект дал импульс разработке общегородской программы «Мозаичная культура», в которую входили программа развития культуры «Я – человек» Комсомольского района, программы развития культуры Центрального района, заказчиком которых явились администрация города и администрации районов. Разработчиками проекта программы стали Управление культуры администрации города Тольятти, специалисты управлений и отделов культуры районов, при участии экспертов Проектного научно-консультативного бюро «Архитектура и культурная политика», экспертов Министерства культуры РФ, ведущих ученых проектировщиков Института культурологии.

5. Социологические исследования. Человек. Культура. Город // Вестник департамента культуры, Тольятти, 2005. – № 4.

Важнейшей задачей программы «Мозаичная культура» являлось создание целостного общегородского культурного пространства с необходимостью учета специфики и согласования интересов как районов города, так и других субъектов культурной деятельности. Стратегия же районных программ была направлена на максимальное приближение культурных ресурсов к человеку, стимулируя тем самым синергетические процессы, выдвигая на передний план личность и ее взаимодействие с окружающим миром, исходя из ценности личности как «центра тяготения, куда тянутся нити от всех структурных единиц системы»⁶.

Существующие в настоящее время формы и методы работы в сфере городской культуры развиваются во многом по инерции, следуя сложившимся стереотипам. Это обусловлено рядом причин, из которых можно выделить коммерциализацию досуговой деятельности учреждений; износ материально-технической базы; отказ руководства города вкладывать средства в создание новых творческих коллективов; отсутствие необходимых помещений; отток квалифицированных специалистов и низкую заработную плату.

В системе культурной и досуговой деятельности все более стали преобладать формы, которые требуют небольших материальных затрат или не требуют их вовсе и направлены не на творческое и духовное развитие, а на развлечения, поддержание жизненного тонуса, домашний отдых.

Определяя направления действий для преодоления негативных тенденций, имеющих место в современных моделях и технологиях организации культурных процессах в современном городе (на примере Тольятти), необходимо сохранение и освоение накопленного в сфере культуры не только материально-технического, но и интеллектуального потенциала.

Взаимодействие людей, социальных групп, специализированных структур и т.д. в процессе социокультурной деятельности может носить спонтанный, самодеятельный характер, но вместе с тем требует управленческих усилий органов местного самоуправления, обеспечивающих этот процесс в соответствии с федеральным и региональным законодательством и местной нормативно-правовой базой.

6. Коган Л. Культурная среда и роль ее изучения в управлении культурой. М-Ташкент, 1971.

Т.В.Смирнова

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА СТАРОСТИ

Смирнова Татьяна Вячеславовна – доцент
кафедры международных коммуникаций
Саратовского государственного технического
университета.

Демографические, глубокие экономические и политические изменения, происходящие в последние годы в современной России, способствовали трансформации привычных устоев общества, приведя к хаосу системы ценностей. Насаждение новых, не свойственных российскому менталитету ценностных ориентиров, внедрение культа материального достатка, увеличение престижа молодости обусловили падение авторитета представителей старшего поколения в обществе.

Отношение к старикам, доминирующее в массовом сознании, перекликается с сегодняшней социальной политикой государства, согласно которой пожилые люди выступают лишь как объекты социальной поддержки. По меткому выражению Т.М. Герасимовой, представителям позднего возраста в современном социуме «предписан безличный статус»¹. В обществе закрепился унифицированный подход к старости. Не предъявляя к пожилым людям практически никаких социальных требований, общество и семья ждут от них пассивного поведения, простого созерцания угасания собственной жизни, независимо от их культурного и образовательного уровня, полагая, что к старости все без исключения становятся похожими друг на друга. Антигеронтологические стереотипы, негативный имидж старости способствует отдалению пожилых людей от других членов общества. П. Бергер, Т. Лукман отмечают закономерность: чем выше депривация, отчуждение индивида, тем жестче вы-

1. Герасимова Т.М. Пожилая женщина современной России: Методология и результаты гендерного анализа биографий // *Феминистская теория и практика: Восток–Запад. Материалы международной научно-практической конференции* / ПЦГИ. СПб., 1996. – С. 173.

страиваются типологические характеристики². Применительно к пожилым это означает закрепление существующего стереотипного образа старости.

Социально-демографическая группа пожилых людей в современном обществе подвергается наибольшему социальному давлению. Особенность геронтологических стереотипов и социальных установок заключается в том, что они оказывают влияние не только на общественное мнение, но и на самих пожилых людей, укореняясь в их сознании более неколебимо, чем характеристики людей молодых и среднего возраста. Гораций справедливо отмечал: «Будем держаться всегда сообразно с возрастом каждым»³. Однако слепое следование пожилых людей доминирующим представлениям негативного характера о старости тождественно ситуации искусственного вытеснения индивида из жизни общества, когда он воспринимается и сам считает себя «отработанным ресурсом».

С целью выявления геронтологических стереотипов, определения степени их влияния на мнение представителей различных возрастных групп о старости и пожилых людях автором совместно с Центром социальных исследований «РОСС-XXI век» было проведено исследование методом анкетного опроса в Саратове в декабре 2006 г. При формировании выборочной совокупности применялась методика квотного отбора по признакам пола, возраста, образования и дохода. Объем выборки составил 920 человек.

В ходе нашего исследования были выявлены следующие факты. В массовом сознании доминирующим является мнение об ухудшении в пожилом возрасте умственных способностей, памяти, а также способностей профессионального характера. Среди опрошенных от 16 до 55 лет такого мнения придерживаются 80%. Около трети респондентов считают, что человеческие качества и характер с годами портятся, поэтому пожилые люди чаще всего озабочены и озлоблены. Иными словами, зафиксирована чрезвычайная распространенность негативных социальных стереотипов о старости и старении.

Среди пожилых респондентов распространенность мнений об ухудшении с возрастом жизненных качеств несколько ниже, чем среди представителей других возрастных групп. Тем не менее этот негативный стереотип отмечается и в группе респондентов старше 55 лет. Так, с утверждением, что человеческие качества и характер с годами портятся, согласились 25,3% пожилых людей. На озабоченность и озлобленность своих ровесников указали 22,1% респондентов старше 55 лет. Значительное различие во взгляде на проблему возрастных изменений зафиксировано в группах работающих и неработающих пенсионеров.

2. Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания*. – М.: Медиум, 1995. – С. 58.

3. Воронцов В.В. *Симфонии разума. Афоризмы и изречения отеч. и зарубеж. авторов. Изд. 8-е*. – Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1979. – С. 563.

В первой из них по сравнению со второй почти в два раза меньше тех, кто считает, что умственные способности и память ухудшаются с возрастом, и в пять раз меньше убежденных в озлобленности пожилых.

Понять природу представленных выводов помогает распределение выбора ответов респондентов на вопрос: «С какими суждениями по поводу пенсионного возраста Вы согласны?» 60,6% опрошенных считают, что пенсионный возраст – это заслуженный отдых; 37,0% – время для любимых дел, творческих планов; 15,9% – начало жизни, отдыха и удовольствий; 19,5% – период «доживания»; 12,4% – отчужденность и невостребованность; 14,4% – потеря достигнутого статуса в обществе.

Наиболее оптимистичное представление о пенсионном возрасте наблюдается у представителей среднего возраста. Они чаще других (на 8–15 процентных пункта) считают, что это время заслуженного отдыха, либо творческих планов и отдыха. В более мрачных тонах воспринимают старость в ранней молодости, когда она видится недостижимой, далекой и лишенной всякого интереса (что находит выражение в увеличении на 10–17% негативных суждений о пенсионном возрасте среди молодежи). Представляет интерес тот факт, что пессимизм во взгляде на пожилой возраст усиливается, начиная с «десятилетия перед пенсией», причем эта тенденция обостряется при переходе в старшую возрастную группу. Так, 33% респондентов старше 55 лет считают пенсионный возраст периодом «доживания», а 24 % – потерей достигнутого статуса в обществе.

Следует отметить, что отношение к пенсионному возрасту работающих пожилых людей более позитивно, чем их неработающих ровесников. К примеру, среди первых в два раза реже встречается мнение о пенсионном возрасте как о периоде «доживания». В принципе можно утверждать, что пенсионеры, продолжающие трудовую деятельность, противостоят негативным социальным стереотипам. Продолжая работать, они обеспечивают себе соответствующий образ жизни в материальном, коммуникативном и многих других аспектах. Как результат – их взгляд на пенсионный возраст довольно оптимистичен. Им несвойственна склонность отлученных от постоянной трудовой деятельности людей к «обнаружению» у себя такой степени ухудшения умственных и физических способностей, какой в действительности нет.

О влиянии социальных ожиданий и стереотипов на ощущение пожилыми людьми собственных возрастных изменений свидетельствуют данные современных исследований, согласно которым существует выраженное несоответствие между субъективными жалобами представителей старшего поколения на нарушение памяти и реальной способностью к запоминанию. А негативные культурные установки на поздний возраст становятся актуальной причиной

ухудшения памяти в старости⁴. Кроме того, следует подчеркнуть, что мнение индивида о собственных возможностях и способностях оказывает значительное влияние на эффективность его деятельности⁵. Иными словами, стереотипы изменяют мнение пожилых о своих интеллектуальных и профессиональных способностях, что в свою очередь снижает результативность их труда, инициируя возникновение и развитие профессиональных деструкций.

В рамках обсуждаемого вопроса представляет интерес проблема устойчивости геронтологических стереотипов. На первый взгляд, ее высокая степень не вызывает сомнений. Однако результаты исследования устойчивости представлений о старости позволяют сделать иные выводы. Так, установлено, что вследствие предоставления респондентам положительной информации о старении, их мнение о пожилых людях, их способностях, личностных характеристиках может значительно улучшаться⁶.

Значительный вклад в формирование позитивного имиджа старости могут внести средства массовой информации, которые в современном мире являются мощным нормообразующим фактором. С целью выявления и анализа реального положения дел в области геронтологического просвещения населения, определения ракурса постановки и обсуждения проблем пожилых в средствах массовой информации, образа пожилого человека на страницах СМИ мы провели исследование, используя метод контент-анализа текстов газетных публикаций за период 1996–2006 гг.⁷

Согласно результатам нашего исследования, среди изученных газетных публикаций только 0,3% каким-либо образом связаны с представителями пожилого возраста и обсуждением их проблем. Цифра впечатляет, особенно если учесть, что уже к 2001 г. доля лиц старше трудоспособного возраста в общей численности населения России составила 20,7%⁸. Несложно подсчитать, что темы, затрагивающие интересы пятой части населения, рассматриваются только в трех статьях из тысячи.

Вопреки ожидаемому, изменение интереса средств массовой информации к сюжетам, где основными действующими лицами являются люди позднего возраста имеет направление, обратное вектору развития процесса постарения

4. Краснова О.В., Лидерс А.Г. *Социальная психология старости*. – М.: Издат. центр «Академия», 2002. – С. 40.

5. Балл Г.А. *Понятие адаптации и его значение для психологии личности* // *Вопросы психологии*. – 1989, № 1. – С. 28.

6. Guo X., Erber J., Szuchman L. *Age and forgetfulness: Can stereotypes be modified?* // *Educational Gerontology*. – 1999. – N 25. – P. 459.

7. В исследовании были использованы материалы газеты «Аргументы и факты» как печатного издания с высоким тиражом.

8. *Демографическое старение населения Российской Федерации* // *Вопросы статистики*. – 2002. – № 1. – С. 57–58.

населения страны. Усиливает парадоксальность ситуации тот факт, что 1999 год, провозглашенный ООН Годом пожилого человека, оказался некой точкой отсчета, начиная с которой до этого откровенно слабый интерес к темам старения и пожилого возраста в российских СМИ практически нивелировался.

Следует выделить еще одну парадоксальную особенность освещения данной тематики в СМИ. Публикации, в которых фигурируют пожилые мужчины, составляют 61%, женщины старшего возраста выступают в качестве основных действующих лиц в 39% материалов. Что касается возрастного состава населения, то численный перевес женщин отмечается уже после 33 лет. Так, в группе старше 65 лет женщины составляют 69%⁹. Такая диспропорция служит косвенным доказательством предвзятости публикаций о пожилых людях, рассчитанных на них самих.

Несмотря на чрезвычайно малое количество публикаций по обозначенной тематике, имеющиеся материалы все же можно дифференцировать по разделам, которые могут быть использованы для систематизации, уточнения и детализации ситуации, сложившейся в печатных изданиях, в сфере освещения вопросов, связанных с пожилыми людьми. В качестве таких разделов могут быть названы: «Известные люди пожилого возраста и интервью с ними», «Ветераны ВОВ», «Пожилые люди – жертвы насилия», «Информация о пенсионном обеспечении», «Геронтологическое просвещение», «Материалы о пожилых анекдотического характера». Реализовать задачи, поставленные в исследовании, позволит проведение анализа по представленным разделам. Так, к разделу «Известные люди» мы отнесли публикации, содержащие интервью с публичными людьми (артистами, писателями, учеными), достигшими пенсионного возраста, рассказы журналистов об их жизни, а также обращение к их мнению при возникновении спорных ситуаций. Контент-анализ таких публикаций выявил их в целом позитивный настрой. Как правило, в них отражается профессиональный путь интервьюированного, освещаются его взгляды на современные события. Иными словами, пожилой человек – герой подобной статьи обычно выступает активным фигурантом, обладателем ценного жизненного опыта, носителем таких качеств как мудрость, знание жизни, профессионализм, умеренный оптимизм.

Следует отметить и наличие некоторых иных особенностей, которые были выявлены при анализе публикаций, относимых нами к обсуждаемому разделу. Обращает на себя внимание привлечение в качестве главных героев таких статей довольно узкого круга лиц. Известных деятелей пенсионного возраста, привлекающих к себе внимание прессы, немного. Так что имеет место повторяемость участников интервью, которая принимает выраженный характер.

9. Демографическое старение населения Российской Федерации // Вопросы статистики. – 2000. – № 1. – С. 57.

К примеру, в 1996 г. у нескольких «избранных» брали интервью 2–3 раза за год.

Представляется важным, что большинство героев таких публикаций не ассоциируются у читателей с пожилым возрастом. Так, среди артистов подавляющее большинство – так называемые «секс-символы» различных временных периодов. Как отмечает Я. Стюарт-Гамильтон, средства массовой информации выбирают в качестве «секс-символов» людей, в том числе потому, что они «выглядят моложе своего возраста»¹⁰. Это в полной мере можно отнести к главным героям обсуждаемых публикаций: основные действующие лица таких газетных материалов в сознании окружающих (в данном случае – читателей) принадлежат к более молодой возрастной группе, чем в действительности. Интересно, что даже с такими «оговорками», частота обращения к «кумирам прошлых лет» стремительно снижалась, начиная с 1999 г. В результате из 52 выпусков газеты в 2004 г., только в двух содержались статьи, в которых рассказывалось о заслугах перед обществом людей, достигших пенсионного возраста.

Трудно прогнозируемыми оказались данные о внимании, уделяемом средствами массовой информации ветеранам Великой Отечественной войны. Вопреки ожиданиям, можно констатировать, что такое внимание попросту отсутствует. Так, из десяти лет, рассматриваемых нами, в течение четырех лет можно было прочесть лишь по одной публикации в год о военных подвигах ныне живущих. В 2002 г. и, что вызывает особенное недоумение, в юбилейном 2000 г. нам не встретилось ни одной статьи по данной тематике. Следует отметить, что ветераны войны большей частью упоминаются в контексте обсуждения пенсионных реформ, либо выступают в качестве получателей подарков к праздникам, что обычно сопровождается подробным рассказом о спонсоре.

Наибольшая стабильность и предсказуемость отмечается в разделе, обозначенном нами как «Информация о пенсионном обеспечении». Материалы, относящиеся к ней, содержат разъяснения по процедуре начисления пенсий, ответы на вопросы читателей. Число таких публикаций в год зависит от изменений, происходящих в пенсионной системе, ее реформирования. Соответственно в годы, приходящиеся на реформы пенсионной системы, потребность в разъяснениях по этому поводу повышается. Статьи носят информационный характер и, как правило, не несут ни эмоциональной, ни публицистической нагрузки.

Особенный интерес представляет анализ публикаций, отнесенных нами к разделам «Пожилые люди – жертвы насилия», «Геронтологическое просвещение» и «Материалы о пожилых анекдотического характера». К первому разде-

10. Стюарт-Гамильтон Я. Психология старения. – СПб.: Питер, 2002. – С. 143.

ду относятся публикации, в которых пожилой человек выступает в роли жертвы преступников, а также унижающих его достоинство членов собственной семьи. Раздел «Геронтологическое просвещение» составляют статьи, разносторонне освещающие проблемы старости и старения, показывающие как трудности, так и позитивные стороны позднего периода жизни человека. Задачей таких материалов является подготовка, просвещение, психологические советы и помощь людям, испытывающим растерянность и страх перед приближающейся старостью. Наконец, раздел «Материалы о пожилых анекдотического характера» содержит статьи, в которых представители старшего возраста фигурируют в качестве комических персонажей, их деятельность служит объектом для снисходительных шуток, насмешек, а желание и попытки интегрироваться в современное общество высмеиваются. В качестве примера можно привести название одной из статей: «Гуляй, бабка, – у деда прибавка»¹¹.

По нашим данным, пожилые люди выступают в качестве жертв насилия в публикациях СМИ за рассматриваемый нами период, начиная с 2000 г. И хотя количество таких материалов невелико (1–5 в год), внимание к этой теме имеет место. На первый взгляд, возросший интерес к проблеме насилия в отношении пожилых носит закономерный характер. В настоящее время во многих странах мира отмечается увеличение случаев жестокого обращения с представителями старшего поколения, которое находит выражение, как в физических, так и в моральных (психологических) формах насилия. Наличие и укрепление такой тенденции обычно связывают с общим увеличением численности пожилых людей среди населения¹². Проблема жестокого отношения к пожилым людям поднималась в одном из докладов Генерального секретаря ООН в 2002 г., что подчеркивает актуальность вопроса в современном обществе. Итак, проблема жестокого обращения с пожилыми существует, имеет выраженную тенденцию к обострению, соответственно, требует решения, которое возможно только посредством разработки и реализации специальных общественных и социальных программ. При этом ни одну подобную программу нельзя представить без привлечения средств массовой информации как важного, часто определяющего фактора влияния на общественное мнение.

Однако статьи, относимые нами к разделу «Пожилые люди – жертвы насилия», логичнее вписываются в контекст общего понижения статуса старшего поколения в последние годы, нежели представляются в качестве составляющей компоненты решения проблемы жестокого обращения с пожилыми. Сде-

11. Гуляй, бабка, – у деда прибавка / Аргументы и факты. – 2002. – Выпуск 21.

12. Пучков П.В. Геронтологический эбьюзинг как социокультурный феномен. Интеграционные процессы в современном обществе. – Саратов: «Аквариус». 2003. – С. 186.

лать такой вывод нам позволяет временное совпадение обращения к теме насилия над представителями старшего поколения в публикациях и появления статей, в которых пожилые люди представлены смехотворными, нелепыми, комическими персонажами (такие статьи мы отнесли к разделу «Материалы о пожилых анекдотического характера»). В тот же период времени происходит резкое снижение количества публикаций, где пожилые люди представлены в качестве активных, уважаемых членов общества. Тот факт что, начиная с 2000 г., не было опубликовано ни одной статьи, которую можно было бы отнести к разделу «Геронтологическое просвещение» лишь усиливает впечатление, являясь еще одним аргументом для сделанных выше выводов об изменении статуса старости в обществе. Следует отметить, что средства массовой информации крайне неохотно берут на себя функцию геронтологического просвещения населения. Лишь в ответ на объявление ООН 1999 г. «Годом пожилого человека» этой теме было посвящено четыре статьи, тогда как в другие годы публикации аналогичной направленности выходили в печать в среднем с частотой 1 статья в три года.

Представляет интерес анализ частоты встречаемости публикаций, в которых представители позднего возраста выступают в качестве объектов социальной помощи. В целом среди материалов, связанных с проблемами старости и старения, таких публикаций более 40%. При этом за период с 1995 по 1999 г. этот показатель составлял около 24%. В следующее пятилетие, начиная с 2000 г. доля таких материалов в общем количестве составила уже 66%.

Что касается терминологии и тональности выступлений прессы, то представители старшего поколения именуются не иначе как «старрики» и «пенсионеры». К примеру, «К старикам приехали дети из фольклорного ансамбля, чтобы привести им немного счастья в дождливый осенний день».¹³ или «Старость – не радость. А в нашей стране особенно. Может быть, из-за этого на улицах в последнее время стало больше стариков с протянутой рукой...».¹⁴ Представляет интерес, что многие пожилые люди из тех, чьи письма опубликованы в прессе, буквально с первых слов позиционируют себя точно таким образом («я пенсионерка», «забота о нас, стариках» и т.д.). Данный факт подтверждает влияние стереотипов на определение своего статуса самими представителями старшей возрастной группы.

Следует подчеркнуть, что постоянная демонстрация ущербности, жертвенности, бедности пожилых может иметь последствия, обратные ожидаемым. Большинство людей склонно верить в то, что каждый в жизни получает по заслугам. Так называемый феномен справедливого мира влияет на восприятие

13. Праздник 291 души / Аргументы и факты. – 2003. – Выпуск 49.

14. Можно ли купить здоровье на пенсию? / Аргументы и факты. – 2002. – Выпуск 42.

окружающими жертв морального и физического насилия, неблагоприятных обстоятельств и прочее, в частности приводит к выводу о том, что бедные, малообеспеченные люди не заслуживают лучшего.¹⁵ Если сделать попытку одним словом выразить отношение современных СМИ к любой теме, так или иначе затрагивающей геронтологическую проблематику, то этим словом станет «игнорирование». По данному признаку старение находится в одном ряду табуированных тем с вопросами смерти. Это подтверждает факт практически полного отсутствия на страницах печатных изданий даже попыток просвещения населения о том, что в действительности представляет собой старение с точки зрения современных научных знаний.

Вопрос о важности всестороннего освещения тем, соответствующих интересам представителей различных возрастных групп, является не просто вопросом справедливого распределения. Игнорирование служит питательной средой для уже существующих стереотипов, большинство из которых давно не имеет под собой реальной основы, усиливает отчужденность между представителями старшей возрастной группы и другими. Отчуждение, замалчивание, отнесение геронтологической проблематики к разряду тем «напоминание о неприятном» – сегодня данные признаки имеют тенденцию к усилению.

Современным средствам массовой информации вполне по силам, если не решить проблему дискриминационного, унижающего достоинство отношения общества к пожилым людям, то по крайней мере обеспечить перелом в массовом сознании посредством внедрения позитивного образа старости. Реальность такой программы может быть обеспечена: 1) отходом от стереотипных образов старости в печатных изданиях; 2) популяризацией на страницах СМИ современных научных знаний о старости и старении, опровергающих сегодняшнюю негативную модель. Важность геронтологического просвещения, всестороннее, открытое обсуждение проблем, связанных со старением не просто дань уважения, некий реверанс в сторону старшего поколения, но и реальная возможность изменить отношение в обществе к пожилым.

15. Lerner M.J. *The belief in a just world: A fundamental delusion*. New York: Plenum. – 1980. – P. 375.

О.В.Бессчетнова

**ПРОБЛЕМА ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ДЕТЬМИ В СЕМЬЕ
(на примере Саратовской области)**

Бессчетнова Оксана Владимировна –
кандидат социологических наук, доцент
Балашевского филиала Саратовского
государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского.

Несмотря на большое количество исследований, посвященных семье, семейным отношениям, многие проблемы, связанные с этой темой, остались вне поля зрения ученых и не получили достаточного освещения. В их числе: отношение молодежи к созданию семьи в современных условиях, усиление гарантий семье и ожидаемый уровень рождаемости, родительский опыт и выбор методов воспитания ребенка в семье, причины жестокого обращения с детьми в различных слоях населения, пути разрешения семейных конфликтов и т.д. Перечень нерешенных семейных проблем можно продолжить, но мы остановимся лишь на одной из них – проблеме жестокого обращения с детьми в семье.

Термин «жестокое обращение с детьми» как конкретное юридическое понятие впервые появился в Кодексе о браке и семье РСФСР в 1968 г. и был включен в перечень оснований для лишения родительских прав, однако содержание самого понятия при этом не раскрывалось. Позже оно было конкретизировано в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 7 декабря 1979 г., а через 20 лет без существенных изменений воспроизведено в Постановлении № 10 Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» (3). Согласно этим документам, под злоупотреблением родительскими правами следует понимать использование их в ущерб интересам детей, например создание препятствий для обучения, склонение к воровству, проституции, употреблению спиртных напитков, наркотиков и т.п. Жестокое обращение с детьми может проявляться в физическом или психическом насилии со

стороны родителей, в покушении на половую неприкосновенность детей или в применении недопустимых способов воспитания, т.е. грубом, пренебрежительном, унижающем человеческое достоинство обращении, оскорблении или эксплуатации.

В Уголовный кодекс РФ 1996 г. была включена новая статья 156, которая впервые предусматривает ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних, сопряженное с жестоким обращением. Виновные наказываются штрафом в размере до 40 тыс. рублей, либо обязательными работами на срок до 180 часов. Статья предусматривает также исправительные работы сроком до одного года, либо ограничение свободы до трех лет (1). Однако отсутствие в этой статье четкого определения, что есть жестокое обращение с несовершеннолетними с точки зрения именно уголовного, а не семейного права затрудняет применение данной нормы на практике.

Кодекс РФ об административных правонарушениях определяет виды противоправных действий и определяет меру наказания за несоблюдение прав несовершеннолетних: за неисполнение или ненадлежащее исполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов несовершеннолетних предусматривается предупреждение или наложение административного штрафа в размере от одного до пяти МРОТ. А за вовлечение несовершеннолетнего в употребление спиртных напитков или одурманивающих веществ, совершенное родителями или иными законными представителями несовершеннолетних, а также лицами, на которых возложены обязанности по обучению и воспитанию несовершеннолетних, предусматривает наложение административного штрафа в размере от пятнадцати до двадцати МРОТ (2). Таким образом, термин «жестокое обращение» трактуется как систематическое причинение вреда кому-либо из членов семьи, нанесение ущерба путем морального, эмоционального, психологического, физического или сексуального насилия, в результате чего нарушается его физическое и психо-эмоциональное развитие, ущемляются его права и свободы.

Наиболее распространенным объектом семейного насилия являются дети. По статистическим данным научных исследований и криминальных сводок органов внутренних дел, насилию в России ежегодно подвергаются до 2 млн. несовершеннолетних. Из них в среднем более 500 тыс. детей каждый год убегают из семьи, интернатов, учебных заведений, спасаясь от жестокости родителей, воспитателей, сверстников; около 17 тыс. детей становятся жертвами преступлений; 2 тыс. детей – жертвами убийств; каждый четвертый ребенок подвергается насилию в семье (4).

С целью изучения наиболее распространенных видов семейного насилия было проведено пилотажное социологическое исследование детей и подрост-

ков в возрасте от 6 до 18 лет на основе случайной выборки. Основным методом исследования послужило анкетирование, которое проводилось в средних общеобразовательных школах Саратовской области, преимущественно в сельской местности. Его результаты были дополнены данными, полученными в ходе анализа личных дел учащихся, интервью с детьми, педагогами и классными руководителями.

Выборочная совокупность составила 250 респондентов, из которых 52% девочек и 48% мальчиков. Возрастной состав опрошенных, принимающих участие в анкетировании, ранжировался в пределах от 6 до 17 лет.

На момент опроса с обоими родителями проживали 71,3% детей, 25 – были выходцами из неполных семей (преимущественно материнских) и 3,7% – составляли дети-сироты, временно проживающие в учреждениях социальной защиты.

Из родителей – 16% матерей и 14% отцов имеют образование в пределах 9–11 классов; среднее специальное – 52 и 44,6%; высшее – 32 и 5,3%; ученую степень – 8 и 2% родителей соответственно.

Было выявлено, что 16% матерей и 9,3% отцов являются безработными, остальные работают в различных областях народного хозяйства, включая такие профессии, как водитель, строитель, механизатор, сторож, военный, директор завода, повар, почтальон, медицинский работник, пекарь, редактор, педагог, которых объединили в группу «люди, работающие в бюджетной сфере».

На вопрос анкеты «Кто из членов семьи проводит с тобой больше всего времени, занимается твоим воспитанием?» были получены следующие ответы: мама – 50%, старший брат/сестра – 31,2, папа, бабушка по 18,7, тетя – 12,5%. Половина опрошенных, таким образом, традиционно наиболее важную роль в воспитании отводит матери, затем в роли «старшего наставника» выступает брат или сестра, и только затем отец, бабушка и другие родственники. На наш взгляд, данный факт свидетельствует о сознательном или бессознательном «бегстве» отцов с «поля воспитания» детей, причиной чему может служить ряд факторов, среди которых развод супругов и невозможность для отца принимать участие в воспитании ребенка из-за физического отсутствия; либо работа, связанная с длительными и частыми командировками, а также распределение семейных ролей таким образом, когда отец является кормильцем, а жена обязана вести хозяйство и воспитывать детей и т.д. И несмотря на то, что подавляющее большинство респондентов проживают в полной семье, отцы недостаточно принимают участие в воспитании детей, редко проявляют заинтересованность в решении их проблем, не знают предпочтений своих детей в еде, одежде, просмотре телепередач. Это подтверждается и другими ответами респондентов: обсуждают свои проблемы с матерью – 62%, отцом – 21,3, бабушкой/дедушкой – 14, другими родственниками – 8,6, друзьями – 8, ни с кем – 14, затруднились ответить – 2,6% респондентов. Тревожным, на наш

взгляд, является то, что 14% детей вообще не обсуждают свои дела ни с родителями/родственниками, ни с друзьями, что говорит о социальной изоляции, одиночестве этих детей.

Данные социологического исследования подтверждают достаточную распространенность различного рода наказаний в современной семье. Так, 86% респондентов положительно ответили на вопрос «Наказывают ли тебя старшие члены семьи?», 4% дали отрицательный ответ, затруднились ответить 10% опрошиваемых.

В большинстве случаев наказание осуществляет мать – 38%, реже отец – 20, бабушка – 4, а также другие родственники – 1,3, затруднились ответить 8% респондентов.

В качестве воспитательных приемов старшие члены семьи используют следующие виды наказания: «ругают, отчитывают, кричат» – 27,3%; «лишают удовольствий, развлечений, временно ограничивают свободу» – 24,6; «ведут воспитательные беседы, назидательные разговоры» – 20,6, «слегка шлепают, дают подзатыльники» – 12,6; «жестoko наказывают физически» – 7,3, «бойкотируют, прекращают общаться» – 6; заставляют делать какую-либо работу по дому – 6, «ставят в угол», «ругают с применением нецензурных выражений» – по 4,6; «закрывают в кладовке, сарае» – 2; затруднились ответить – 4%.

Как правило, родители используют достаточно агрессивные формы и методы воспитания детей. Ведущим типом жестокого обращения в семье выступает эмоциональное/психологическое насилие, которое сопровождается угрозами, нецензурной бранью, криком, игнорированием интересов ребенка, бойкотом, «углом». В системе родительского воспитания имеет место и физическое насилие в виде шлепков, пощечин, подзатыльников, побоев с применением подручных средств.

Наиболее распространенными причинами наказаний являются: непослушание – 32,6%; плохие оценки в школе, неуспеваемость, прогулы – 18,6; баловство, шалости – 12; невыполнение поручений родителей – 10; хулиганство – 9,3; курение, обман, вранье – по 8,6; опоздание – 5,3; драки – 4,6; плохое обращение с братьями и сестрами – 3,3; «за все без причин» – 1,3; затруднились ответить 10,6% респондентов. Примечательным, на наш взгляд, является тот факт, что заслуженным наказанием считают 34,6% опрошенных, а 2,6% считают его «всегда незаслуженным».

Наиболее суровыми наказаниями являются рукоприкладство (побои) – 31,3%; лишение удовольствий/развлечений – 28; шлепки, пощечины – 15,3; эмоциональное насилие со стороны родителей (крик, ругань, нецензурная брань) – 10; воспитательные беседы – 8; бойкот со стороны родителей (прекращение общения с ребенком, игнорирование его нужд и потребностей) – 7,3; затруднились с ответом 2% респондентов. В будущем в процессе воспитания собственных детей собираются использовать те же методы в полной мере –

10,6%, лишь некоторые из них – 38, с достаточной долей сомнения – 18, никогда не будут – 32,3, затруднились ответить 8,6%. Данные исследования позволяют сделать вывод, что дети и подростки не одобряют методы и приемы родительского воспитания, считая их жестокими, агрессивными и часто не соответствующими реальным проступкам.

Тем не менее из результатов опроса детей и подростков следует, что 50% из них в случае возникновения какой-либо трудной ситуации намерены обратиться к «родителям» (к матери – 25%, отцу – 25%), «другим родственникам» (бабушке, сестре, тете и т.д.) – 18,7%, к «друзьям» – 25, а 6,2% опрошенных дали ответ «ни к кому».

В ходе опроса был установлен достаточно высокий уровень коммуникативности опрашиваемых. На вопрос «Много ли у тебя друзей?» ответы распределились следующим образом: 58,6% испытуемых имеют более трех друзей, два-три друга – 19,3, «много», «очень много» – ответили 11,3 и 4,6% респондентов отметили наличие всего одного друга. Подавляющее большинство родителей хорошо знают друзей своих детей – 75,3%, знают только по рассказам – 15,3, знают плохо – 7,9, затруднились ответить – 1,3%.

Отношение родителей к своим друзьям респонденты характеризуют как дружелюбное – 66,6%; нейтральное (им все равно) – 12,6; негативное – 1,2; избирательное (к разным друзьям относятся по-разному) – 18,6; затруднились с ответом – 1%. Чуть менее трети родителей, по словам опрошенных, недостаточно хорошо, либо вовсе не знают их друзей, что может привести в некоторых случаях к непоправимым последствиям: вовлечению детей в криминальные структуры, различного рода секты, приобщению к алкоголю и наркотическим средствам.

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что жестокость и насилие продолжают оставаться рудиментом детско-родительских отношений, как и много веков тому назад. Принятие Закона о предотвращении жестокого обращения с детьми, информационно-просветительская работа с семьями по профилактике домашнего насилия, повышение социально-психологической, правовой компетентности и культуры населения в данном вопросе в целом позволят нормализовать взаимоотношения между родителями и детьми в большинстве современных российских семей.

Литература

1. Библиотека кодексов / Редкол.: Прудников В.М. – Выпуск 13(86). Уголовный кодекс Российской Федерации. – М.: ИНФРА-М, 2005.
2. Кодекс РФ об административных правонарушениях [Электронный ресурс] <http://pravozashita.ru/law/ak>

3. О применении судами законодательства при решении споров, связанных с воспитанием детей: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 мая 1998 г. № 10 [Электронный ресурс] <http://law.rambler.ru/library/norbus/61694/index.html>

4. Социально-психологическая помощь детям – жертвам семейного насилия. Сборник научно-методических материалов / М.Н. Бородатая, И.И. Осипова, М.В. Злоказова и др.; Под общей ред. Н.Н. Ершовой. – М.: Полиграф сервис, 2005.

О.В.Летов

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭВТАНАЗИИ

**Летов Олег Владимирович –
кандидат философских наук,
старший научный сотрудник
ИНИОН РАН.**

Хотя термин «эвтаназия» заимствован у древних греков, однако у них это слово означало просто «хорошую» смерть – легкую и безболезненную. Что касается термина «суицид» (самоубийство), то, несмотря на то, что он латинского происхождения, мы не находим случаев его употребления ни в Древней Греции, ни в Древнем Риме. Под «самоубийством» обычно понимается смерть субъекта по его собственному намерению и совершенную им самим. У древних греков и у древних римлян существовал свой способ выражения этого понятия, и все философы, начиная с пифагорейцев (V в. до н.э.), упоминали о нем.

Предметом медицинской этики выступают случаи принятия решений не только на научной основе, когда профессионалы демонстрируют определенное превосходство в знаниях, а на моральной основе, когда, как правило, не существует консенсуса и различные этические школы вступают в спор друг с другом. Этические позиции специалистов благодаря их знаниям и социальной роли уникальны и могут быть не только отличны, но и противоположны этическим позициям остальных людей. Теории в области медицинской этики направлены на то, чтобы отделить суждения врачей-профессионалов от суждений остальных людей в таких вопросах как благо пациента, его свобода, справедливость, беспристрастность и т.д.

Растущее признание прав личности и ограничение прав государства тесно связаны с успехами медицины в увеличении продолжительности человеческой жизни. Большинство людей в настоящее время живут значительно дольше, чем в прошлом. Однако подобные достижения являются относительным благом. Человеческое тело может существовать долгие годы в условиях, когда оно лишено сознания. Процесс умирания, который прежде занимал относительно

короткий промежуток времени, в настоящее время может растягиваться на недели и месяцы. Болезни, которые раньше быстро убивали человека, сейчас приводят к полному параличу, но сохраняют сознание. Многие люди, которым за 80, страдают жесточайшими формами склероза. И хотя медицина добилась успехов в продлении срока человеческой жизни, в то же время она не в состоянии обеспечить надлежащего качества этой жизни для тех, кто вынужден ее продолжать. В этих условиях допущение самоубийства или эвтаназии преследует следующие цели: 1) признание за субъектом права отказаться от попыток достичь надлежащего качества жизни; 2) прекращение страданий тех, кто нашел свою жизнь неприемлемой. Так, выбрав интубацию (искусственное поддержание дыхания), больной может столкнуться с постоянно сопровождающей дыхание болью, тогда как определенная доза наркотических веществ могла бы ускорить его естественную смерть. Такой выбор медики редко предлагают пациенту, справедливо опасаясь обвинений в преследуемой по закону помощи в самоубийстве. Подобная ситуация осложняется тем, что врачу порой весьма трудно определить лекарственную дозу, которая бы снимала боль у пациента и в то же время не приводила к летальному исходу.

В философских текстах древних, например у Платона в «Государстве», можно найти положения о допустимости убийства неизлечимо больного и желающего умереть. В данном случае философы морально оправдывали медицинскую практику, когда неизлечимо больному позволяли отказаться от дальнейшего лечения и легко умереть. Защищая эту идею, Платон, по сути дела, обращался к более широким принципам социальной теории, которая позволяет тяжело больному избавиться от своей боли ценой собственной жизни на том основании, что он уже не в силах продолжать прежний активный образ жизни, когда его способности были направлены на реализацию социально значимых целей. Сходные проблемы ставит Аристотель в своей «Политике» относительно детей, рожденных с определенными аномалиями.

В «Государстве» Сократ описывал медицинскую практику идеального государства, согласно которой продление жизни безнадежно больному не приносит пользы ни ему, ни обществу в целом. Тяжелобольному предоставляется возможность умереть не столько потому, что это было бы благом для него самого, сколько потому, что его смерть облегчила бы жизнь другим людям. Именно поэтому смерть неизлечимо больных людей рассматривалась Платоном как благо независимо от того, разделяет ли сам больной подобные взгляды или нет.

В настоящее время расширяется та область поступков, которые выходят за рамки этического, но в то же время считаются допустимыми с точки зрения медицины. Помощь в самоубийстве и эвтаназию нельзя считать этически приемлемыми, но законы об эвтаназии, принятые в Нидерландах и ряде других стран, позволили медикам совершать подобные действия. При этом сторонни-

ки данных законов ссылались на то обстоятельство, что, хотя убийство человека и является самым грубым нарушением этических принципов, но в некоторых случаях, как, например, в случае убийства с целью самозащиты, оно может быть этически оправдано. Для осуществления акта эвтаназии требуется доверие, с одной стороны, и техническая компетентность – с другой.

Любой врач, допускающий, что может наступить смерть, должен использовать все возможности, чтобы предотвратить эту смерть. Если врач знает, что больной стремится продлить свою жизнь, страдая от излечимой в принципе болезни, то в таком случае допущение смерти нарушало бы этический принцип «не навреди». Но если у больного поражена психика и он отказывается от поддержания своей жизни, то его смерть в такой ситуации допустима, а принципы свободы, права на жизнь и профессионального долга при этом не нарушаются.

В последнее время медики пришли к выводу о том, что скрывать правду от онкологического больного и оставлять его в полной изоляции со своими проблемами нецелесообразно. Такой пациент остро нуждается в отношениях, основанных на доверии, с врачом, который не избегает серьезного разговора о болезни. Однако в случае с прогрессирующей раковой болезнью технические возможности медицины нередко оказываются бессильны. В данной ситуации некоторые пациенты требуют от врача помощи в своем желании покончить жизнь самоубийством благодаря имеющимся в распоряжении врачей средствам.

В случае самоубийства с помощью врача последний может определить необходимую для летального исхода дозу медикаментов, например наркотиков, и дать пациенту подробные инструкции, как их употребить. Однако сам акт самоубийства пациент совершает один, без помощи врача. В случае активной эвтаназии сам врач прерывает жизнь пациента, например с помощью смертельной инъекции. Защищая врача в такой ситуации, сторонники эвтаназии считают, что он должен помочь пациенту умереть так же, как ранее помогал ему жить. Согласно их точке зрения, технический прогресс современной медицины ошибочно рассматривать как конечную цель, забывая о праве пациента умереть с достоинством; ошибочно полагать, что медицина способна осуществлять тотальный контроль над жизнью и смертью человека. Так же как люди требуют продолжения срока жизни с помощью медицины, так они вправе определять конец своей жизни, используя достижения медицины. В эпоху правового сознания право умереть с помощью медицинских средств должно быть столь же естественным, как и право на получение медицинской помощи.

Сторонники эвтаназии обращаются в защиту своего тезиса к такому этическому принципу, как благодеяние. Они подчеркивают, что важнейшая задача медицины – облегчить страдания больного. В процессе медицинской практики врач стремится любыми способами устранить у пациента боль. Однако врач

при этом должен осознавать и чувство ответственности за свои действия. Использование медицинских препаратов для облегчения боли порождает следующие этические вопросы: 1) болеутоляющие препараты могут ослабить познавательные способности пациента и тем самым помешать ему подготовиться к смерти; 2) медицинские препараты могут ускорить смерть.

Представители религиозной философии выступают против эвтаназии, когда сильные наркотические болеутоляющие препараты ускоряют акт смерти. Как отмечает М. Фолкенандт, «если самоубийство с помощью врача и активная эвтаназия станут неотъемлемой частью медицинского обслуживания, теоретическая и практическая медицина будет лишена новых достижений в области паллиативных и поддерживающих методов лечения» (7, с. 116). Отсутствие адекватных паллиативных средств – это как медицинская, так и этическая проблема, которая требует своего разрешения до того, как врачи обратятся к таким «радикальным» методам, как легализация эвтаназии. В Нидерландах, где был принят закон об эвтаназии, выявлено, что 0,8% от общего количества подвергшихся ей составляют пациенты, которые не давали на эвтаназию своего согласия. Таким образом, в условиях, когда возрастает проблема распределения медицинских ресурсов, угроза принудительной эвтаназии становится реальной.

Л.Н. Толстой рассматривал в своих произведениях вопрос о смерти. Предсмертные мучения Николая Левина в «Анне Карениной» по существу ставят проблему эвтаназии. «Не было положения, в котором бы он не страдал, не было минуты, в которой бы он забылся, не было места, члена его тела, которые бы не болели, не мучали его... Вся жизнь его сливалась в одно чувство страдания и желания избавиться от него» (цит. по: 2, с. 55). Однако герой Толстого, несмотря на невыносимые страдания, не желает смерти.

Представители Русской православной церкви отвергают возможность легализации эвтаназии и самоубийства с помощью врача. В документе об «Основах социальной концепции Русской православной церкви» выражена ясная позиция о недопустимости намеренного умерщвления безнадежно больных, в том числе по их желанию (4, с. 51).

Сторонники эвтаназии отстаивают принцип уважения свободы выбора. Однако в случае эвтаназии выбор субъекта не всегда является свободным и осознанным. Даже если субъект и обладает правом распоряжаться своей жизнью, это право должно быть соотнесено с правами других людей, общества в целом. Легализация возможности убийства врачом пациента способна разрушить доверие в отношениях между ними. При этом следует учитывать и то обстоятельство, что не каждый врач способен взять на себя моральную ответственность убийства своего пациента даже в том случае, если пациент дает на это свое согласие.

С. Херст и А. Морон отмечают, что сторонников паллиативной медицинской помощи и защитников эвтаназии и самоубийства с помощью врача обычно относят к противоположным позициям на основании следующих причин. Во-первых, сторонники паллиативной медицины стремятся к сокращению числа пациентов, требующих от врача помощи в эвтаназии или самоубийстве. Во-вторых, в соответствии с определением ВОЗ, паллиативная медицинская помощь не должна ускорять смерть пациента. Вместе с тем выделяются следующие ценности, общие как для сторонников паллиативной медицинской помощи, так и защитников эвтаназии и самоубийства с помощью врача (см. 5).

Во-первых, и те, и другие стремятся свести к минимуму страдания человека. Различают такие формы страдания, как физическое, эмоциональное и экзистенциальное. Как свидетельствуют конкретно-статистические исследования, в некоторых случаях врачи в большей степени готовы откликнуться на просьбу пациента о самоубийстве, если пациенты испытывают экзистенциальное страдание. В Нидерландах, где принят закон об эвтаназии, пациенты иногда обращаются к врачам с просьбой помочь им умереть, поскольку они «устали от жизни». К экзистенциальным страданиям относят также такие формы, как депрессия, потеря связи с окружающими, утрата свободы и т.п. И сторонники паллиативной медицинской помощи, и защитники эвтаназии разделяют убеждение в том, что страдание можно облегчить. Однако если одни считают, что любое страдание можно облегчить и тем самым избежать эвтаназии, то другие уверены, что в определенных ситуациях паллиативная медицинская помощь лишь усугубляет страдания пациента. Последователи оказания паллиативной медицинской помощи считают, что жалобы пациентов на то, что «жить не стоит», нельзя воспринимать всерьез, поскольку адекватная медицинская помощь способна повысить качество жизни пациентов и они могут изменить свое мнение. Они также выражают опасение, что легализация эвтаназии может привести к убеждению, что жизнь некоторых пациентов «не имеет смысла», даже если эти пациенты не готовы к смерти.

И сторонники паллиативной медицинской помощи, и защитники эвтаназии полагают, что медицинская технология способна «редуцировать» тяжелобольного пациента к биологическому уровню существования. Однако если защитники эвтаназии указывают на то обстоятельство, что пациент, находясь в подобном состоянии, не в силах осуществить свободный выбор уйти из жизни с помощью врача, то сторонники паллиативной помощи выражают опасение, что тяжелобольного трудно рассматривать в качестве полностью ответственного субъекта. В состоянии депрессии желание пациентов умереть может отражать скорее их реакцию на кризис, чем результат сознательного выбора. В подобном состоянии желания пациентов подвержены колебаниям. Кроме того, подобный выбор пациентов может быть обусловлен экономическими обстоя-

тельствами: таким образом пациенты нередко стремятся освободить близких от чрезмерных материальных затрат. И те, и другие сходятся в том, что выбор пациента должен быть свободен от какого бы то ни было принуждения или манипуляции.

И те, и другие подчеркивают, что пациент должен сам выбрать обстоятельства, предшествующие смерти. Однако их взгляды расходятся по вопросу о том, включает ли принцип уважения свободы право на выбор эвтаназии и самоубийства с помощью врача. Если защитники эвтаназии считают, что принцип уважения свободы включает это право, то сторонники паллиативной медицины отвечают на этот вопрос отрицательно, поскольку смерть означает конец любой свободы. Согласно позиции последних, выбор смерти не входит в компетенцию пациента.

Стороны расходятся в вопросе о последствиях легализации эвтаназии. Защитники паллиативной медицинской помощи выражают опасения в том, что подобная легализация способна оказать внешнее давление на тяжело больного. В этих условиях врач может испытывать искушение прибегнуть к эвтаназии даже при отсутствии согласия больного. Сторонники эвтаназии считают, что четкий закон об условиях проведения эвтаназии способен предотвратить подобные злоупотребления. Как та, так и другая сторона подчеркивают возможность «легкой смерти». Однако, если одни настаивают на самопроизвольном процессе умирания и «естественной» продолжительности жизни, то другие допускают возможность приближения смерти с помощью смертельной дозы медикаментов. И те, и другие считают, что наибольшее зло – это низкое качество жизни. Вместе с тем остается открытым вопрос о том, является ли смерть злом в любых обстоятельствах.

В 2003 г. Европейская ассоциация паллиативной медицинской помощи призвала своих членов к открытому диалогу с защитниками эвтаназии и самоубийства с помощью врача. В основе подобного обращения лежат следующие причины. Во-первых, игнорирование позиций оппонентов препятствует обмену опытом, накопленным обеими сторонами. Во-вторых, отсутствие дискуссий приводит к уходу от острых вопросов, поставленных оппонентами. Изучение положений, которые разделяют и те, и другие, позволяет более полно осознать исходные принципы каждой из сторон. В-третьих, рассмотрение вопросов, которые остаются открытыми, создает возможность соглашения между противоположными сторонами. И наконец, и та, и другая сторона должны быть готовы к широкой и открытой дискуссии (см. 5).

Если большинство исследований по проблеме эвтаназии посвящено взглядам медицинских работников, то авторы одной из коллективных работ (см. 6) предлагают рассмотреть позиции и пожелания пациентов по отношению к этой проблеме. В качестве объекта исследования были выбраны 18 больных в возрасте от 38 до 83 лет онкологического отделения Тронхеймского универси-

тета в Норвегии. Каждый из них знал о своей болезни и прогнозах ее течения. Наиболее характерными аргументами пациентов, высказавшихся в пользу эвтаназии, были испытание болевых ощущений в прошлом и страх перед будущей болью, низкое качество жизни. Пациенты, высказавшиеся против эвтаназии, руководствовались аргументами религиозного и этического характера.

Следует отметить, что пожелания пациентов, высказавшихся в пользу эвтаназии, были обращены скорее к будущему, чем к настоящему времени. Они рассматривали эвтаназию в качестве гипотетической возможности. Ни один из респондентов не был готов к эвтаназии к моменту опроса. Характерны следующие ответы пациентов в отношении эвтаназии. «Подобная процедура пока преждевременна. Я все еще нахожусь в полном сознании и не испытываю сильной боли» (6, с. 456). «Я думаю, прекрасно, когда просто не испытываешь боли. Только тогда стоит жить» (6, с. 457). Несмотря на свое тяжелое состояние, большинство пациентов сохраняли надежду на будущее. Именно надежда оказывалась решающим фактором в пользу желания жить и отказа от смерти.

Здоровые люди избегают парализующего страха смерти отчасти потому, что мысль о смерти у них чаще всего неопределенна, а неопределенность порождает надежду. Надежда связана с неопределенностью вопроса о времени человеческой смерти. Чем определенной мысли о смерти, тем больше больного охватывает ужас. «Иван Ильич видел, – пишет Л.Н. Толстой в “Смерти Ивана Ильича”, – что он умирает, и был в постоянном отчаянии» (цит. по: 2, с. 57). Если отчаяние – это сознание практической безысходности, то ужас – это паралич внимания к окружающему и всякой способности к действию. В этой ситуации толстовскому Ивану Ильичу больше всего хотелось человеческого сострадания – чтобы его кто-нибудь пожалел (см. 2).

В процессе конкретных клинических исследований выяснилось, что в отношении эвтаназии тяжелобольные пациенты могут испытывать противоположные эмоции: как страх перед будущей болью и желание освободиться от физических и духовных страданий, так и желание жить и надеяться на благоприятное будущее. Позиция пациента по отношению к эвтаназии может измениться, если он почувствует, что боль может быть существенно ослаблена с помощью современных медицинских технологий. Иными словами, страх перед неконтролируемой болью и, соответственно, готовность к эвтаназии может быть обусловлена недостаточной информированностью пациента в отношении возможностей медицины.

Эмпирические исследования подчеркивают важность коммуникации между врачом и пациентом. Необходимо, чтобы врач с сочувствием относился к пациенту, пытался постичь, что в действительности испытывает и думает пациент, на чем основываются его высказывания. Представляет опасность ситуация, когда пациент, находясь в состоянии депрессии, высказывает пожелание обратиться к эвтаназии, а врач рассматривает это пожелание как осознанное

требование. Учитывая необратимый характер эвтаназии, исполнение подобных пожеланий следует рассматривать не как соблюдение, а, скорее, как нарушение принципа уважения свободы пациента. Иными словами, следует проводить четкое различие между желанием, с одной стороны, и осознанным требованием – с другой (см. 6).

В США около двух третей граждан и более половины врачей допускают возможность той или иной формы эвтаназии (см. 7). По данным опроса выпускников ММА им. И.М. Сеченова, проведенного в России в 2000 г., 72,3% респондентов допускают эвтаназию. На вопрос: «Почему Вы считаете эвтаназию допустимой?», – ответы распределились следующим образом: «это гуманно, избавляет от мучений и страданий» – 31,4%; «это право человека, каждый должен иметь свой выбор» – 27,5; «в исключительных случаях при условии смерти мозга и только пассивную» – 7,7; «просьба больного закон, а врач лишь орудие» – 2; «можно, но не в нашей стране, где много материальных проблем» 1% (см. 3). На вопрос: «Почему Вы считаете эвтаназию недопустимой?», – респонденты отвечали следующим образом: «так как это убийство или самоубийство» – 23,4%; «только Бог вправе решать, жить человеку или нет» – 23,3; «это противоречит долгу врача» – 14,9; «никто не имеет права лишать жизни другого человека» – 10,6; «общество не готово, нельзя все контролировать» – 8,5%.

Согласно социологическим исследованиям, проведенным в 1991–1992 гг. в России финским Институтом гигиены и Институтом социологии РАН, более 35% опрошенных врачей считают, что, вопреки официально провозглашенным юридическим и этическим нормам, эвтаназия в каких-то ситуациях допустима. На основе этих исследований С.В. Быкова, Б.Г. Юдин и Л.В. Ясная выделяют следующие тенденции в области медицины. Во-первых, чем моложе врачи, тем больше интереса они проявляют к проблеме эвтаназии и тем чаще склонны допускать такую возможность. Во-вторых, чем ближе врачи к «изголовью постели» пациента и чем чаще им приходится иметь дело с больными, чье состояние критическое, тем более терпимы они в отношении эвтаназии. В-третьих, научно-технический прогресс в области медицины обнаруживает объективное противоречие: вооруженные современными технологиями врачи делают возможным поддержание жизни в ситуациях, в которых ранее это было немислимо, но тем самым нередко продлевают страдания терминальных пациентов. И наконец, хотя то обстоятельство, что 35% опрошенных врачей считают эвтаназию допустимой, впечатляет даже если бы этот показатель достиг 95%, это не могло бы служить достаточным основанием для ее законодательного признания. Принятие решения о легализации эвтаназии допустимо лишь после широкого общественного обсуждения (см. 1).

На наш взгляд, возможность существования права на активную эвтаназию обуславливается социокультурными условиями того или иного общества. Если

в такой стране, как Нидерланды, легализация активной эвтаназии не привела к злоупотреблениям, которые бы вызвали широкий общественный резонанс, то в нашей стране принятие подобного закона могло бы привести к серьезным правонарушениям. В случае утверждения подобного закона, его нормы должны быть четкими и недвусмысленными.

Литература

1. Быкова С.В., Юдин Б.Г. и Ясная Л.В. Эвтаназия: Мнение врачей Биоэтика: Принципы, правила, проблемы. М., 1998. – С. 366–371.
2. Иванюшкин А.Я. Проблема смерти в творчестве Л.Н. Толстого // Медицинское право и этика. – М., 2002. – № 2. – С. 47–60.
3. Ляуш Л.Б., Сабурова В.И., Силуянова И.В., Сушко Н.А., Тарабрин Р.Е. Мировоззрение и биоэтические представления российских студентов-медиков // Там же. – С. 82–94.
4. Определение Освященного Юбилейного Архиерейского Собора Русской православной церкви об «Основах социальной концепции Русской православной церкви» // Журн. Моск. Патриархии. – М., 2000. – № 10.
5. Hurst A.S., Mauron A. The ethics of palliative care and euthanasia: Exploring common values // Palliative medicine. – N.-Y., 2006. – Vol. 20. – P. 107–112.
6. Johansen S., Holen J.C., Kaasa S., Loge J.H., Matersvedt L.J. Attitudes towards, and wishes for, euthanasia in advanced cancer patients at a palliative medicine unit // Там же. – N.-Y., 2005. – Vol. 19. – P. 454–460.
7. Volkenandt M. Supportive care and euthanasia – an ethical dilemma? // Support care cancer. Springer, 1998. – Vol. 6, № 2. – P. 114–119.

Е.И. Силаева

**АВТОБИОГРАФИЗМ ЛИТЕРАТУРЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
(о воспоминаниях М.Н. Осоргина)**

Силаева Елена Ивановна –
аспирантка ИНИОН РАН.

В русском зарубежье к автобиографическому повествованию обращались все – и писатели, «выброшенные» в Европу уже вполне сложившимися художниками, и молодые, начинающие писатели, и люди, не имеющие к профессиональной литературе никакого отношения. Все они желали запечатлеть на бумаге те исключительные события, свидетелями которых они стали, или же просто сохранить для своих детей память о той России, которой уже не было, но о возрождении которой грезил каждый из них. Правомерно мнение М. Арцыбашева, который утверждал в «Записках писателя»: «Русская эмигрантская литература есть по преимуществу литература мемуаров и документов»¹. Русских воспоминаний за рубежом выходило много, и, конечно, они не равноценны по своему значению.

Обостренный интерес к мемуарам, автобиографиям, запискам, очеркам обусловлен необходимостью подвести итоги пережитому, попытаться обнажить сложные процессы внутренней жизни человека, естественно, обращаясь к собственному опыту. Потребность в автобиографическом повествовании, фактически как в некоем внутреннем психологическом монологе, возникает в момент конфликтов, момент глубокого разочарования в окружающем мире, актуализирующий состояние одинокого сознания. В данном случае сама ситуация изгнания, пребывания на чужбине, непокидающее ощущение оторванности от родной земли, ее языка и культуры, духа, традиций вызвали необычайную активизацию мемуарного и автобиографического жанров, для которых характерны были настроения эсхатологические. Отчасти этим объясняется такое большое количество попыток разобраться в том, что случилось с миром, человеком, обществом в последние десятилетия и почему это произошло. Писателей-эмигрантов, по сути, мучил вопрос, над которым бились деятели XIX в.

почему судьба столь великой страны – России так трагична. Именно на расстоянии с наибольшей силой эмигранты ощутили то, что потаенно и глубоко жило в них: Россию, которая настигала их повсюду.

Многое в мировоззрении писателей-эмигрантов помогает понять философия одного из них Н.А. Бердяева, который писал: «Человек – малая вселенная, микрокосм – вот основная истина познания человека и основная истина, предполагаемая самой возможностью познания. Вселенная может входить в человека, им ассимилироваться. Им познаваться и постигаться потому только, что в человеке есть весь состав вселенной, все ее силы и качества, что человек – не дробная часть вселенной, а цельная малая вселенная»². Естественно, что многие эмигранты посредством мемуаров, воспоминаний, всевозможных творческих способов выражения собственного «Я» (одновременно познавая себя), тем самым осмысливали происходящее в мире, окружающем их, отсюда частое обращение к автобиографическому повествованию. Историю русского культурного сообщества в эмиграции вряд ли кто-то назовет благополучной, тем более – счастливой. Жестокая повседневность была под силу не каждому, и, очевидно, что в столь исключительной ситуации обращение к воспоминаниям многим помогло держаться на плаву, сохранить себя. Михаил Осоргин также не оставил это явление без внимания: «Мемуары, дневники, опять воспоминания, опять дневники... вот что такое, главным образом, представляет из себя эмигрантская книга за последние годы»³, – писал он в одной из рецензий. «Далекое прошлое всегда – сказочная страна»⁴, – верно подметил писатель.

«Одиночество и свобода» – словосочетание, использованное Г.В. Адамовичем в качестве названия одной из его книг, точно обозначило ту психологическую почву, на которой произрастало постоянное желание изгнанников соотносить себя и свою судьбу с трагической участью покинутой родины. Дело касалось в основном проблем самоощущения личности в ее отношении к своим историческим корням, мыслям о прошлом своей страны, к заботам о ее будущем. Быть открытым художественному процессу, достойно представлять отечественную культуру за рубежом и тем самым готовить духовное возрождение России – вот что стало той трудной ответственной целью, которую русская эмиграция сама перед собой поставила. Современный историк русского зарубежья М.В. Назаров так начинает свою книгу «Миссия русской эмиграции»: «Столь уникальное явление, как русская эмиграция – плод не только российских, но и мировых катаклизмов XX в., которые имеют свой внутренний смысл. Лежащие в их основе духовные причины определили и сущность русского зарубежья – как духовной реакции на эти катаклизмы. Осознанный эмиграцией смысл собственного существования и превращается для нее в миссию. Таким образом, миссия русской эмиграции возникла не потому, что эмигранты захотели ее себе иметь. А потому, что от нее невозможно было уклониться – разве что перестав быть самим собой»⁵.

Сходные мысли высказывает критик с дореволюционным стажем Д.В. Философов: «На русской эмиграции лежит как бы специальное обязательство добросовестно и честно пересмотреть весь духовный арсенал русской культуры, сняв с себя очки, как розовые, так и дымчатые»⁶. Осуществить поставленную цель – «на чужой почве сохранить для русского будущего живые ростки русской культуры»⁷ можно было, только сохранив самого себя как носителя этой самой русской культуры. Эмигранты, «обреченные» жить воспоминаниями, стремились запечатлеть «священные корни» (И.А. Ильин), свое прошлое, «не возвеличивая его без разбора, но и не клевета на него», оберегая «из его достояния то, что сохранения достойно»⁸.

Подобные рассуждения – общее место в эмигрантской публицистике 20–30-х годов. Да и гораздо позже, уже после войны, оставшиеся в живых представители «первой волны» русской эмиграции продолжали считать это своей основной задачей. Георгий Адамович, неоднократно писавший на эту тему до войны, вновь вернулся к ней в докладе «Надежды и сомнения эмиграции», прочитанном 20 апреля 1961 г.: «Последний, важнейший долг нашей жизни – передать в Россию или даже хотя бы только сохранить для России все то, что после самых строгих внутренних проверок представляется нам великим духовным сокровищем, то, ради чего мы изгнанниками и оказались»⁹.

Необходимость писателя постичь свою личную трагедию как ранее в художественном творчестве он стремился осмыслить и донести до мира «чужую» – вот что, думается, стало определяющим фактором обращения творческой личности к жанру автобиографического повествования; Бунин назвал это явление «страшным чувством» России. В. Келдыш отмечал: «лучшие люди русского зарубежья, интеллектуальная элита в изгнании утверждали, что именно национальная идея, выстроенная по образцу знаменитой уваровской триады, сможет воскресить Россию. Многими культивировался национализм как форма самосохранения, как попытка определиться в мире, потрясенном «десятью днями»¹⁰. А приписываемое Зинаиде Гиппиус выражение Н. Берберовой «Мы не в изгнании, мы в послании»¹¹ стало неким общеэмигрантским лозунгом. Обобщая все сказанное выше, можно сделать вывод, что причина появления такого количества автобиографических повествований видится не столько в ностальгии, но в надежде на воскрешение России, в мечтах о том, что Русская земля после катастроф все же реализует свое великое предназначение.

Неоднократно обращаясь к жанру воспоминаний, Осоргин много размышлял о роли воспоминаний, об очаровании прошлого и его власти над настоящим и даже будущим. «Солнечный луч воспоминаний» был для Осоргина «поклоном далекой стороне», попыткой возвращения на родину, невозможного физически, но «для мысли границ пока еще нет»¹². Он раскрывает источник своего вдохновения: «Сейчас на склоне дней, когда свершилось все, что долж-

но было случиться, а над мечтами о несбыточном и недоступном поставлен надгробный крест, – сейчас, не скрою, страстно хочется вернуть ту пору хотя бы легким путем воспоминаний»¹³.

Писатель сравнивал воспоминания с прочитанной книгой, страницы которой можно перелистывать снова и снова, каждый раз открывая для себя что-то новое, ранее не замеченное или требующее постоянного переосмысления. Он полагал, что со временем образы прошлого раскрываются по-новому, с каждым разом все ярче, «жалость по упущенному» усиливается, поэтому мемуарист всегда отдает картинам былого «ласковое предпочтение» перед настоящим¹⁴.

Возникает вопрос об исторической достоверности автобиографической литературы. Зачастую для читателей «документальность» свидетельства, реальность переживаний и поступков участников становятся наиболее важными. Так, читатели мемуаров Деникина или Краснова, воспоминаний Волконского или Маковского, даже художественных автобиографий Бунина, Шмелева, Ремизова видят ценность этих произведений не только в колоритности фигур авторов, но и в тех событиях, которые теперь, более чем когда-либо, вызывают неподдельный интерес. Однако что касается Осоргина, то необычность его мемуаров состоит в некой неприкрытой, скорее принципиальной их немемуарности, отмечает исследовательница творчества Осоргина Т.В. Марченко¹⁵. Откровенным признанием стирания граней между автобиографическим фактом и тем чувственным эхом, которое факт вызывает много лет спустя, Осоргин отстаивает право мемуариста отличаться от хроникера.

Воспоминания субъективны, считал Осоргин, в них «малое число кажется огромным и великое малым», поэтому «частые жития» исключаются «из общей истории человеческих жизней». Отсюда ведущая особенность его творчества – «нежный лиризм». Автор откровенно признавался, что не боится излишней чувствительности повествования, поскольку без «чувствительности» он был бы просто «неплохим рассказчиком»¹⁶.

При всей кажущейся незамысловатости содержания его автобиографических произведений («Повесть о сестре», цикл «Встречи», автобиографическое повествование «Времена», множество рассказов и очерков) все они обладают глубоким философско-эстетическим подтекстом. Наиболее ярко эта особенность проявляется в итоговой мемуарной книге Осоргина «Времена». В центре повествования Осоргина – не судьбы, не портреты, даже не собственная жизнь мемуариста, а именно «времена», их образы и приметы. Он писал: «С изумительной ясностью возникают образы давних встреч, от молодости к юности, от юности к раннему детству»; «вообще не буду рассказывать – мне хочется рождать образы прошлого, дав им полную свободу»¹⁷.

Осоргин писал, что в его жизни уже почти не осталось моментов, память о которых он не занес бы «на белые листы бумаги». Многие отрывки собст-

венной жизни он превратил в литературный материал, «использовав вразброс по книгам и очеркам». Биографическая канва жизни писателя, безусловно, становится основой построения сюжетов его автобиографических произведений, однако он не претендует на строгую хронологическую последовательность и абсолютную достоверность повествования. Например, в повести «Времена» он пишет: «Я завидую – хотя и не верю – тем, кто рассказывает о своей жизни в стройном порядке, год за годом, как будто справляясь по календарю и регистратору, – от мягких шелковых волосиков до щетины на щеках, от детской курточки до теплого халата и от коротких штанишек до той поры, когда они постепенно доходят до пят заглаженными макаронами и человек, теряя приятные иллюзии, вырастает в стоеросовый кантовский императив. Моя жизнь не росла ни тополем, ни подсолнухом, а ветвилась кустом спиреи, начисто отмирая в старом побеге и заново вырастая от подземного корня. И потому ее картины не собраны в аккуратный альбом, а перепутаны во множестве папок, старых, новых, пыльных и обтертых тряпочкой. Не всегда разберусь, что пережито и что вычитано, что думал и видел мальчик – и что ему подбросил растратчик жизненного капитала»¹⁸.

Тема детства неотвратимо появляется в произведениях подобного рода, а зачастую выходит на первый план. Толстовские идеи о значимости и ценности мира ребенка, детстве как проявлении истинности и естественности бытия находят прямое воплощение в творчестве Осоргина. «Если бы можно было... возвращаться к возрасту, в прошлом лучшему, как возвращаются к родному берегу из напрасного дальнего странствия, – я бы из многих пережитых счастливых выбрал счастье быть ребенком и смотреть на мир еще безбровыми глазами, ... иметь впереди все, ничего не достигая, и строить испанский замок мечтаний из обгорелых спичек и пустых аптекарских коробочек. Если бы это было можно, я отказался бы даже от лучшего, что сейчас имею – от моих воспоминаний», – с уверенностью утверждает М. Осоргин. Тема детства, воспоминание о нем неразрывно связаны с ощущением связи с родной стороной. Писатель с болью вынужден признать, что «в жизни взрослой и сознательной вкусил больше от Запада, чем от родины...»¹⁹.

Автобиографическая основа в повести Осоргина словно рождает импульс для всепоглощающего авторского лиризма. Писатель, воплощаясь в лирическом герое, пытается постичь главные вопросы существования: в чем смысл прихода человека в мир – смысл жизни и смерти, что определяет судьбу человека, какова роль человека в самопознании, в открытии тайн окружающего мира, что есть такие извечные категории, как память, любовь, творчество, свобода, придавая размышлениям образ философских. Посредством лирического монолога писатель пытается раскрыть «историю души». И здесь он до конца остается верен своему извечному стремлению к простоте, но в этой простоте есть что-то высокое и утешительное, есть гармония. «Я читал русских и ино-

странных классиков – ни один из них не дал мне этой простой формулы, хотя мог незаметно к ней подвести. С полнотой переживались драмы, помнились прекрасные ответы и умные слова, но детство, еще вчерашнее, не ставило ясного вопроса о цели и смысле человеческой жизни. Его выдвинуло утро и очаровало самостоятельностью моего открытия: цель жизни в самом ходе жизни, в движении, а не в какой-то последней точке»²⁰.

Неоднократно в своем творчестве писатель возвращается к мысли об отнесенности «великого и малого», о непрочности и зыбкости человеческих представлений: «Мудр только тот, кто не считает себя и свое – центром вселенной, кто изучает прошлое и работает для будущего»²¹. При этом очевидно, что писатель ни о чем содеянном не сожалеет: «Если бы можно было построить путь, пройденный, я повторил бы его без колебаний, не потому, что он хорош, а потому, что иного перед нами не было и неизбежностью своей он до конца оправдан»²². Однако в повести «Времена» звучат и нотки сожаления о бессилии понять ход событий и человеческих поступков, о невозможности заглянуть в глубины души и постичь те чувства, которые побуждают человека совершать действия, приводящие к разрушению и саморазрушению. В одной из рецензий Осоргин пишет: «Житейские отношения не слишком сложны, но каждый отдельный человек – путаница добра и зла, сокровищница противоречий»²³.

Возможность постичь самого себя Осоргин видит в слиянии с миром природы, он утверждает, что человек должен научиться ощущать себя неотъемлемой частью природы, таким образом настроив себя на мировую гармонию. О неизбежном чувстве родства с природой он с особой силой говорил во «Временах», несколько раз повторяя мысль о своей сыновней привязанности: «... Я был и остался сыном матери-реки и отца-леса», «... сыном земли и братом любого двуногого», «... сыном северных лесов, полжизни прожившим в кислоте средневропейской и южной природы, но не изменившим очарованиям детства»²⁴.

Творчество Осоргина-пантеиста стоит обособленно от глубоко православных произведений признанных классиков русского зарубежья: Бунина, Куприна, Шмелева, Ремизова. Осоргин пытался найти художественное воплощение идеи о «посвященном познании природы», которую развивал и в масонской ложе, и вне ее – в десятках статей, в повести «Вольный каменщик», в последних своих книгах. Наиболее ярко пантеистические воззрения звучат в последней прижизненной книге писателя «Происшествия зеленого мира» (1938), а также итоговой книге писателя автобиографической повести «Времена». Природа, по его мнению, «сильнейший враг деспотизма... Она не признает ни границ, ни догм, ни учреждений; она не различает добра и зла, не создает кумиров, не пишет истории». Природа полна любви, каждый цветок – «участник великой мистерии любви»²⁵, не даром в мире растений и животных нет ни

войн, ни революций. Но это еще и основательно познанная и тогда же глубоко на всю жизнь полюбившаяся безвозвратно потерянная частичка родины, Урала, России, где весенние разливы рек шире иного европейского государства. Именно животворящая энергия «малой родины» стала источником таланта одного из самых европейских по жизненному опыту, но в то же время необыкновенно русского, вернее даже «русейшего» по духу художника слова.

Список литературы

1. Арцыбашев М. Записки писателя // Литература русского зарубежья: Антология: В 6 т. / Сост. В.В. Лаврова; авт. вступ. статьи и научн. ред. А.Л. Афанасьев. – М.: Книга, 1990. – Т. 2.
2. Бердяев Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека // Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. – М., 1989. – С. 267
3. Осоргин М. Тем же морем // Современные записки. Париж. 1922. – № 13.
4. Осоргин М.А. Времена: Автобиографическое повествование. Романы / Сост. Н.М. Пирумова; авт. вступ. статьи А.Л. Афанасьев. – М.: Современник, 1989.
5. Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. М., 1994. – С. 3.
6. Филосовов Д.В. Как надо писать биографии // Критика русского зарубежья: В 2 ч. Ч. 1. М., 2002. – С. 115–116.
7. Передовая «День русской культуры» // Россия и славянство. 1931. – № 132. – 6 июня. – С. 1.
8. Адамович Г.В. Вклад русской эмиграции в мировую культуру // Адамович Г.В. Одиночество и свобода / Сост., авт. предисл. и примеч. В. Крейд. М.: Республика, 1996. – С. 144.
9. Адамович Г. Надежды и сомнения эмиграции // Вестник ОРЛ. 1961. – № 7 – С. 4.
10. Келдыш В. К проблеме литературных взаимоотношений в начале XX века // Русская литература. 1979. – № 2. – С. 3.
11. Берберова Н. Лирическая поэма // Современные записки. 1927. – № 30. – С. 222.
12. Осоргин М. Без событий // Последние новости. 1938. – 5 окт. № 6371.
13. Осоргин М.А. Собрание сочинений. Т. 1. Сивцев Вражек: Роман. Повесть о сестре. Рассказы / Составление, предисловие, комментарии О.Ю. Авдеевой. – М.: Моск. рабочий; НИП «Интелвак», 1999.
14. Осоргин М. Образы жизни.
15. Марченко Т.В. Осоргин // Литература русского зарубежья: 1920–1940. М.: Наследие, 1993.
16. Осоргин М. Образы жизни.
17. Осоргин М.А. Времена.
18. Там же.
19. Там же.
20. Там же.
21. Осоргин Мих. Великое и малое // Восход. Париж, 1933. – № 6.

22. Осоргин М.А. Времена.

23. Осоргин Мих. В. Корсак. У красных. Рец. // Современные записки. 1930. – № 44.

24. Осоргин М.А. Времена.

25. Осоргин М. Исповедь мастера / Осоргин М. Доклады и речи. Северная Звезда. Париж, 1949.

Е.В.Левченко

**РОССИЯ КАК ЛИРИЧЕСКАЯ МИФОЛОГЕМА
В ТВОРЧЕСТВЕ И.А. БУНИНА**

Левченко Елена Викторовна –
кандидат философских наук,
докторант ИНИОН РАН.

Двойственное восприятие России писателями-философами, чье творчество «располагается» в духовном «интерьере» рубежа XIX–XX вв., инспирировало ее антиномичный «облик», соединяющий две ипостаси: реалистическую и лирическую. Данный дуалистический образ органично согласуется с традиционным философско-художественным восприятием России как олицетворенной Софии – формы субъективированной духовности; пресуществленного Логоса, пророчествующего миру о божественных истинах; наконец, смятенной и хаотичной Родины – грешной и непокаявшейся. Генезис и поэтика «лика» и «сущности» Руси – в феноменологическом движении поэтико-философской мысли XVIII–XIX вв., породившей оксюморонность статуса «русскости»: геополитического образования, государственности, менталитета. Философская публицистика Н.М. Карамзина, полифоничное по жанровому многообразию и идейно-тематической направленности творчество А.С. Пушкина, лирико-фантазмагорическая проза и «стихия» эпистолярная Н.В. Гоголя, претворенный реализм религиозности художественного мира Ф.М. Достоевского, «чудотворная» эссеистика Н.С. Лескова, философско-натуралистические произведения А.П. Чехова¹ – таков неполный мыслетворческий «интерьер» противоречивой бытийности России, сочетающей черты данности и традиционализма.

1. См. следующие произведения: историко-философский трактат «Филалет к Мелодору» и «Мелодор к Филалету» (1793), философско-художественную хронику «История государства российского» (1818–1824) Н.М. Карамзина; ироническое стихотворение «Моя родословная» (1830), историческую повесть «Капитанская дочка» (1833), историографическое сочинение «История Петра» (1835–1836) А.С. Пушкина; фантазмагорическую прозу – «Ганц Кюхельгар» →

В этом духовном контексте формировалось и творчество И.А. Бунина, для которого, по нашему мнению, характерны колоритно выраженная диахроническая семантика стилистики и полисмысловая концептуализация диалогического образа России, создаваемого посредством опоэтизации и экспрессивной публицистичности. Два вектора изображения гармонично соплагаются, осененные духом былинной историографии «великого и милого нашего больного» (Достоевский), где исторический реализм «растворяется» в мифологических реминисценциях. Прошлое, фокусируясь в художественном сознании в ипостаси «фантома», заставляет усомниться в его исторической эмпирике – настолько оно противоположно реалиям бытия. Разумеющееся свойство человеческой памяти – идеализация былого – обволакивается мифическим флером грезы об ушедшем. Тогда и личность, обретающаяся в безвозвратно ином времени, поглощается пространством легенды. Назойливым рефреном-вопрошанием звучат воспоминания о бывшем себе, как о «двойнике»: «Какие далекие дни! Я теперь уже с усилием чувствую их своими собственными при всей той близости их мне, с которой я все думаю о них за этими записями и все зачем-то пытаюсь воскресить чей-то далекий юный образ. Чей это образ? Он как бы некое подобие моего вымышленного младшего брата, уже давно исчезнувшего из мира вместе со всем своим бесконечно далеким временем... Сказка, легенда все эти лица, их жизни и эпохи! Точно те же чувства испытываю я и теперь, воскрешая образ того, чем я был когда-то. Был ли в самом деле? Был молодой Вильгельм Второй, был какой-то генерал Буланже, был Александр Третий, грузный хозяин необъятной России... И была в эти легендарные времена, в этой навсегда погибшей России весна, и был кто-то, с темным румянцем на щеках, с синими яркими глазами, зачем-то мучивший себя английским языком, день и ночь таивший в себе тоску о своем будущем, где, казалось, ожидала его вся прелесть и радость мира» (курсив мой. – Е.Л.).²

Трансформация очевидности былого в эфемерность «припоминания» мотивирует и включение исторических фигур в героев легенды в сонм персона-

тен» (1829), «Нос» (1836), письма и дневниковые записи (1840–1850), («Светлое Воскресенье», «Рим», «Выбранные места из переписки с друзьями», философскую публицистику – мистически-религиозную поэму «Мертвые души» (1842–1852) Н.В. Гоголя; романы Ф.М. Достоевского «Бесы» (1871–1872), «Братья Карамазовы» (1879–1880), «Записки из Мертвого дома» (1861–1862), философскую повесть «Черный монах» (1894); «трагедийную прозу» – «Мужики» (1897), «В овраге» (1900) А.П. Чехова; романтико-реалистические произведения Н.С. Лескова «Соборяне» (1872), «Очарованный странник» (1873), «Левша» (1881).

2. Бунин И.А. Жизнь Арсеньева // И.А. Бунин. Повести. Рассказы. – Л.: Лениздат, 1980. – С. 531–532 (далее ссылки на данное и другие произведения Бунина фигурируют в тексте с указанием страниц и года написания).

жей памяти, исчезнувших в бесконечности эпох и времен. Принцип «порожденного видения» художественного сознания, на наш взгляд, соприроден философскому дискурсу «Тожественного» и «Иного» в лингво-философской системе французского философа XX в. Э. Левинаса. «Метафизически желаемое Иное», «не могущая быть предчувствуемой инаковость», «инаковость Иного», «метафизическое Желание», «трансцендентность метафизического движения», – комплекс дефиниций, раскрывающий тайны природы художественного сознания, над которым довлеет чувство тоски по ушедшему, возведенному «числящей» памятью в ранг анахронизма³. Для Бунина степень идентичности «Тожественного» и «Иного» неуловима в силу иллюзорности самоопределения «я», и еще потому, что прежняя Россия как «Абсолютно Иное» сохраняет свою трансцендентность внутри истории, обретая бытие в воображении. Статус мифологемы и ее бесплотная сущность выражаются метафизическим символом «небесного Града»: «В стране, заменившей мне родину, много есть городов, подобных тому, что дал мне приют, некогда славных, а теперь загложивших, бедных, в повседневности живущих мелкой жизнью. *Все же над этой жизнью всегда – и недаром – царит какая-нибудь серая башня времен крестоносцев, громада собора с бесценным порталом, от века охраняемым стражей святых изваяний, и петух на кресте, в небесах, высокий господний глашатай, зовущий к небесному Граду*» (курсив мой. – Е.Л.) (ЖА, с. 412). Условный язык теософии концептуализирует систему метафор, воплощая всю гамму «колебаний» памяти в поэтике летописного сказания: «Для нас Суходол был только поэтическим памятником былого... А теперь уже и совсем пуста суходольская усадьба. Умерли все помянутые в этой летописи, все соседи, все сверстники их. И порою думаешь: да полно, жили ли и на свете-то они?... И то бесконечно далеким, то таким близким начинает казаться их время. Тогда говоришь себе: “Это не трудно, не трудно вообразить. Только надо помнить, что вот этот покосившийся золоченый крест в синем летнем небе и при них был тот же..., что так же желтела, зрела рожь в полях, пустых и знойных, а здесь была тень, прохлада, кусты... и в кустах этих так же бродила, паслась вот такая же, как эта, старая белая кляча с облезлой зеленоватой холкой и розовыми разбитыми копытами”» («Суходол», 1911; 159, 205).

Эйдетика ностальгии включает также овеществленный звук, дополняющий гамму чувственных образов (запахов, красок, тактильных ощущений), которые определяют стилистику поэтического и прозаического слога Бунина.

3. См. раздел: «Тожественное и Иное» фундаментального труда Э. Левинаса «Тотальность и бесконечное: эссе о внешности» (1961), символизирующего, одновременно, доминанту философствования XX в. и философскую парадигму художественных традиций: русской классической литературы XIX в., что в контексте проблематики настоящей статьи инспирирует генерирующий концептуальный ракурс.

Эффект растворяющихся звуков артикулирует оттенки движения воспоминания: «Раз в незабвенную жизни минуту, // Раз я увидел создание одно, // В коем все сердце мое вмещено... // В коем все сердце мое вмещено...». Все прошло, пролетело... Грустные думы клонят голову... Но печальной удалью звучит песня... Ветер подхватывает звуки и несет в непроглядную степь, в темноту бурной ночи» («В поле», 1895; 34–35). «Там, в этом маленьком флигеле, плавают клубы дыма, тускло горят сальные свечи, настраивается гитара... “На сумерки буен ветер загулял, // Широки мои ворота растворял”, – начинает кто-нибудь грудным тенором. И прочие нескладно, прикидываясь, что они шутят, подхватывают с грустной, безнадежной удалью: “Широки мои ворота растворял, // Белым снегом путь-дорогу заметал...”» («Антоновские яблоки», 1900; 50). Колоритное воплощение указанного художественного средства – в «интерьере» повествования «Антоновских яблок»: «Запах антоновских яблок исчезает из помещичьих усадеб. Эти дни были так недавно, а меж тем мне кажется, что с тех пор прошло чуть не целое столетие...» (там же; 48). Так, постепенно проступают неявные черты трансцендентного облика Родины, сотканного из соцветий, ароматов, звуков, видимых «бликов солнца» и невидимой, но предугадываемой «игры луны» – облика, воплощающего полифонизм воображаемого, мечты и действительно существовавшего.

Образ поэзии Е.А. Баратынского был одним из многократных бунинских выражений «любимого моего»⁴. Одной из форм реминисцентной репрезентации структуры древнегреческого мифа и строф Баратынского является «философская медитация на тему патриотизма и греховности отчизны» одного из персонажей «Жизни Арсеньева». «Есть бытие; но именем каким // Его назвать? Ни сон оно, ни бденье; // Меж них оно – летийско сновиденье...». «Ведь такова и Россия наша – ни сон, ни явь... Химера», – грустно произнес и потянулся за трубкой» (ЖА, с. 547). Пожалуй, именно эти слова наиболее полно выражают колорит «лика» бунинской России – обретение исторических реалий, пейзажа в сфере поэтического вымысла и фантазии. Опоэтизированная Русь – воплощенная мечта, химера – мифологизируется в элегическом образе забвения. Ореол забвения как парафраз небытия олицетворяет и призрачность ушедшего, и «романтическое» естество духа России, и невыраженную сокровенность ее духовной природы. Еще одна художественная антиномия творчества Бунина, исполненная философской и поэтической рефлексией? Или все же выражение экзистенциального смысла образа России как «небесного града»?

Россия, канувшая в Лету, поглощенная временем, обретает реальность мифического бытия, онтологизируясь в литературном мифе. Оттого столь ор-

4. Поэтическая констатация излюбленных метафор: «За окном, синяя уми-
рали сумерки, – любимое моё...» (ЖА, 495).

ганично в контексте бунинских произведений понятие мифологизации истории, преломляющейся через внутреннее «я» героя: «Душа-то и в нем была суходольская, – душа, над которой так безмерно велика власть воспоминаний, власть степи, косного ее быта, той древней семейственности, что воедино сливала и деревню, и дворню, и дом в Суходоле... Жизнь семьи, рода, клана глубока, узловата, таинственна... Но темной глубиной своей да вот еще преданиями, прошлым и сильна-то она. Письменными и прочими памятниками Суходол не богаче любого улуса в башкирской степи. Их на Руси заменяет предание. А предание да песня – отравка для славянской души!» («Суходол», с. 160–161).

Соединение родового и личностного – диалог поэтической культуры устного творчества и всеведущей истории – олицетворяется писателем подчас в достаточно тривиальном образе патриархальной Руси: «На ней (“старой ветле”. – Е.Л.) сидел, черной головней чернел большой ворон, и отец сказал, очень поразив этим мое воображение, что вороны живут по несколько сот лет и что, может быть, этот ворон жил еще при татарах... В чем заключалось очарование того, что он сказал и что я почувствовал тогда? В ощущение России и того, что она моя родина? В ощущение связи с былым, далеким, общим, всегда расширяющим нашу душу, наше личное существование, напоминающим нашу причастность к этому общему?» («Жизнь Арсеньева», 452–453). И далее: «Татары, Мамай, Митька... Несомненно, что именно в этот вечер впервые коснулось меня сознание, что я русский и живу в России, а не просто в Каменке, в таком-то уезде, в такой-то волости, и я вдруг почувствовал эту Россию, почувствовал ее прошлое и настоящее, ее дикие, страшные и все же чем-то пленяющие особенности и свое кровное родство с ней...» (там же, с. 453); «Полный месяц нырял в облаках над Кремлем. “Какой-то светящийся череп”, – сказала она. На Спасской башне часы били три, – еще сказала: “Какой древний звук, – что-то жестяное и чугунное. И вот так же, тем же звуком било три часа ночи и в пятнадцатом веке. И во Флоренции совсем такой же бой, он там напоминал мне Москву...”» («Чистый понедельник», 1944; с. 733). Эмпирика аффектированных представлений отражает чувственную экзальтированность души: «...и я еще чист, невинен, радостен – радостью первых дней юности, первыми поэтическими упоениями в мире этих старинных томиков, привозимых из Васильевского, их стансов, посланий, элегий, баллад. “Скачут. Пусто все вокруг. // Степь в очах Светланы...” “Где все это теперь!” – думаю я, не теряя, однако, ни на минуту своего главного состояния, – оцепенелого, ждущего. “Скачут, пусто все вокруг”, – говорю я себе в лад этой скачке (в ритм движения, всегда имевшего такую ворожащую силу надо мной) и чувствую в себе кого-то лихого, старинного, куда-то скачущего в кивере и медвежьей шубе...» («Жизнь Арсеньева», с. 582–583).

Колорит мифотворчества в образ бунинской России привносит еще один элемент, дополняющий «аналитический пейзаж» архетипической структуры легендарного фантома – понятие историчности природы: «Помню, как иногда по целым неделям несло непроглядными, *азиатскими метелями*, в которых чуть маячили городские колокольни. Помню *крещенские морозы, наводившие мысль на глубокую древнюю Русь, на те стужи, от которых “земля на сажень трескалась”*...» (курсив мой. – Е.Л.) («Жизнь Арсеньева», с. 470); «Если верить преданиям, прадед наш, человек богатый, только под старость переселился из-под Курска в Суходол: не любил наших мест, их глуши, лесов. Да ведь это вошло в пословицу: “В старину везде леса были...” Люди, пробиравшиеся лет двести тому назад по нашим дорогам, пробирались сквозь густые леса» («Суходол», с. 169). Гармоничное вплетение в текстуальный «интерьер» изустных и летописных «словес» образует синтез историзма повествования и жанровых признаков былинного «свода» и волшебной сказки. «Неизъяснимо чудесное» проникает в ткань исторических событий, мифологизируя былое и современность, даруя великолепную возможность очарования историко-поэтическим пейзажем.

Бунинский синкретичный пейзаж предопределен соединенностью истории рода и истории России; личным бытием, растворенным в бытии общественной хроники: «Видение [отцовской] молодости жило во мне с младенчества. Это был какой-то бесконечно-давний светлый осенний день. ... Было что-то, что связывалось с моим смутным представлением дней Крымской войны: какие-то редуты, какие-то штурмы, какие-то солдаты того особенного времени, что называлось “крепостным” временем, и смерть на Малаховом кургане дяди Николая Сергеевича, великана и красавца полковника, человека богатого и блестящего, память которого была в нашей семье всегда окружена легендой. А главное – был в этом дне какой-то пустынный и светлый приморский холм, а на этом холме, среди камней, какие-то белые цветы вроде подснежников, что росли на нем только потому, разумеется, что еще в младенчестве слышал я как-то зимой слова отца: “А мы, бывало, в Крыму, в это время цветочки рвали в одних мундирчиках!”» («Жизнь Арсеньева», с. 553). Историческая память и сентиментальность воспоминаний порождают «пиетет» к воображаемому пейзажу, в котором личностно-родовое снова предстает в литературном ореоле: «Страна же эта грезилась мне необозримыми весенними просторами всей той южной Руси, которая все больше и больше пленяла мое воображение и древностью своей и современностью. ...А там, в древности, была колыбель его, были Святополки и Игори, печенеги и половцы, – меня даже одни эти слова очаровывали, – потом века казацких битв с турками и ляхами”. Пороги и Хортица, плавни и гирла Херсонские... “Слово о Полку Игореве” сводило меня с ума...» (ЖА, с. 558).

Поэтическое бытие чуткой к «впечатлениям ума и сердца» (Пушкин) души нивелирует реальность поглощенной фантазией действительности, возводя ее в ранг химеры. Поэтому исторический колорит мифического пейзажа реалистичнее земной природы: «И вскоре я опять пустился в странствия. Был на тех самых берегах Донца, где когда-то кинулся из плена Князь “горностаем в тростник, белым гоголем на воду”; потом был на Днепре, как раз там, где “пробил он каменные горы сквозь землю Половецкую”, плыл мимо белых весенних сел, среди необозримо синеющих приднепровских низин, вверх, к Киеву – и как рассказать, что пело тогда во мне вместе с этой весной и песней об Игоре? “Солнце светится на небеси, Игорь Князь Русьской земли! Девичи поют на Дунаи. Вьются голоса через море до Киева...” А от Киева ехал я на Курск, на Путивль. “Сделай, брате, свои борзьи комони, а мои ти готови, оседлани у Курьска наперед...” Только много лет спустя проснулось во мне чувство Костромы, Суздаля, Углича, Ростова Великого: в те дни я жил в ином очаровании. И что нужды, что был «Курськ» только скучнейшим губернским городом, а пыльный Путивль был, верно, и того скучней! Разве не та же глушь, пыль была и тогда, когда на ранней степной заре, на земляной стене, убитой колями, слышен был “Ярославнин глас”?» (ЖА, с. 559).

Итак, репрезентация образов чувственной памяти порождает одушевленный облик России, которая кажется более правдоподобной и близкой, нежели ее исторически явленный двойник. Однако не сумятицей двойственности был движим Бунин, когда писал, что «сны порой сильнее всякой яви», а упоительной мечтой о «вожделенном отечестве»⁵, которое и есть тот «небесный Град», отраженный духовной жизнью.

5. Мифическая Русь интерпретируется Буниным также в двойственном контексте религиозности: религиозного духа России и семантического поля евангельских текстов – духовный лик России соприроден молитвенному образу «вожделенного отечества». «Образ есмь неизреченные твоя славы – ущебри создание твое, владыко, и вожделенное отечество подаждь ми...» («Жизнь Арсеньева», с. 567).

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

И. Покровский

**ЭТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СВОБОДНОГО СТРОЯ
(Лекция, читанная на курсах для подготовки народных
лекторов в Московском коммерческом институте)***

[Предисловие к публикации]

Иосиф Алексеевич Покровский (5.(17).9.1868, Глуховский у. Черниговской губ. – 14.4.1920, Москва) – выдающийся русский правовед, историк римского и теоретик гражданского права¹. После окончания в 1890 г. юридического факультета Киевского (Св. Владимира) университета был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре римского права. В 1891–1892 гг. продолжил образование в этой области в Берлинском университете. Римскому праву посвящены его магистерская (1898) и докторская (1902) диссертации. В 1894–1920 гг. Покровский преподавал в Юрьевском (Дерптском), Киевском, Санкт-Петербургском (Петроградском), Московском университетах; Москов-

* М., 1917.

1. О нем см.: Пергамент М. Покровский И.А. // Рус. ист. журн. – Пг., 1921. – Кн. 7. – С. 244–246; Полянский Н.Н. Иосиф Алексеевич Покровский (личность покойного и его ученые труды) // Право и жизнь. – М., 1922. – Кн. 1. – С. 43–51 (статья републикована в кн.: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – М., 2001. – С. 329–342. Здесь же помещены: «Речь памяти Иосифа Алексеевича Покровского» его ученицы М.В. Зимелевой, прочитанная в мае 1902 г. на собрании Общества оставленных при факультете общественных наук МГУ. – С. 322–328; биографический очерк А.Л. Маковского «Выпавшее звено». – С. 3–32). Переиздан и другой классический труд И.А. Покровского «История римского права» (Вступ. ст., пер. с лат., науч. ред. и коммент. Рудокваса А.М. – СПб., 1999. – 532 с.). См. также: Профессора Московского университета. 1755–2004. Биограф. словарь. – М., 2005. – II. – С. 254; Волков В.А., Куликова М.В., Логинов В.С. Московские профессора XVIII – начала XX веков. Гуманитарные и общественные науки. – М., 2006. – С. 192; Якушев А.Н. Магистерские и докторские диссертации по римскому праву университетов российской империи. – Ставрополь, 2007. – С. 73–76.

ском коммерческом институте (Институте народного хозяйства им. К. Маркса).

Основу философско-правовых воззрений Покровского составляли представления о самоценности человеческой личности и сложности ее взаимоотношений с институтами и нормами права во всей диалектике иррациональных и рациональных начал правосознания. Традиционную для русской правовой мысли проблему соотношения этики и права он разрешал с позиций «этического персонализма». В «Основных проблемах гражданского общества» (первое изд.: 1916 г.) он писал: «Гражданское право исконно и по самой своей структуре было правом отдельной человеческой личности, сферой ее свободы и самоопределения»². Эволюцию гражданского права в будущем он видел в согласовании духовной свободы человека с «солидаризированием и сплочением в экономической области»³. К этико-правовой проблематике Покровский обращался в ряде своих публицистических работ второй половины 1900–1910-х годов, в том числе в статье «Перуново заветы» 1918 г., характеризующей последствия внутреннего неприятия самой идеи права некоторыми слоями русской интеллигенции⁴. Среди наиболее значительных – републикуемая в этом номере нашего журнала его брошюра «Этические предпосылки свободного строя», написанная в период между двумя революциями 1917 г. В ней он подчеркивал, что создание в России нового свободного строя окажется возможным, если разрушающим, деструктивным идеям, вносимым в общественное сознание («учение о том, что... право есть вообще “политика силы”, ведущее к деспотизму, к диктатуре; “теория классовых интересов”; принцип “блага большинства” как аксиома политики») будут противопоставлены этические предпосылки “здоровой политики”: осознание самоценности человеческой личности, “неотъемлемых прав человека” и «прав меньшинства», открывающее путь к “самой широкой социальной солидарности”.

Эти суждения Покровского можно было бы считать в определенной степени принадлежащими к миру социальной утопии, если бы они не были и повторены, и развиты в его брошюре 1919 г. «Государство и человечество», окончательно обретя, тем самым, глубоко личностный, экзистенциальный смысл.

В речи М.В. Зимелевой сказано очень точно: «В момент торжества силы ушел служитель права»⁵.

И.Л. Беленький

2. М., 2001. – С. 309.

3. Там же. – С. 86.

4. Вошла в сборник «Из глубины» (М., 1918).

5. Зимелева М.В. Речь памяти Иосифа Алексеевича Покровского... – С. 322.

I

Переживаемый нами критический момент нашей истории характеризуется следующими основными чертами.

Прежде всего, **размеры** этого кризиса явились для огромного большинства русского населения неожиданными. Конечно, падение старого авторитарного строя желалось и ожидалось давно, но едва ли широкие круги русского народа думали, что это падение будет **полным падением** всего **государственного механизма**. В то время как народное представительство и разнообразные общественные организации требовали лишь правительства (министерства), облеченного общественным доверием, требовали парламентарного строя, старый режим оказался уже настолько прогнившим, что не мог выдержать этой починки и рухнул весь до основания. Мы внезапно очутились, таким образом, пред полным отсутствием всякого режима, пред необходимостью строить все сверху донизу, от крупного до мелкого, заново. История, скупая дававшая нам до сих пор крупинцы свободы, вдруг, в один момент, выбросила нам все, предоставляя нам, но вместе с тем и принуждая нас, быстро возводить новое государственное здание целиком от самого основания. Нить исторической эволюции для нас как будто прервалась; история как будто совершила внезапный прыжок, и вот этот прыжок застал нас в высокой степени неподготовленными.

С другой стороны, этот огромный переворот совершился в такое время, когда нам извне грозит могущественнейший и сильнейший враг, готовящийся набросить на нашу шею петлю политической зависимости и экономического рабства. Страшные удары его бронированного кулака потрясают сузившиеся границы нашего государства и смертельной тревогой отзываются в самом сердце отечества. При таких условиях до крайности трудно сохранить то душевное равновесие, которое так необходимо для разумного устройства нашего нового государственного порядка.

Наконец, третью существенную черту нашего нынешнего положения составляет то, что нам приходится решать не только вопросы политического характера, но одновременно и труднейшие **вопросы социальные** – вопрос аграрный, рабочий и т.д. Революция политическая теснейшим образом переплетается с революцией социальной, а это неизбежно и до крайности осложняет и то, и другое, создавая повышенную возбудимость внутренних настроений, междуобщественную подозрительность и недоверие.

В буре и грозе, среди порывов общественной возбужденности, и притом – чтобы не погибнуть в анархии – с чрезвычайной поспешностью, приходится русскому народу строить новый дом свой. Наспех приходится набрасывать план, собирать материал и производить работы. История как будто нарочно поставила нас в такую обстановку, чтобы мы наделали как можно больше непоправимых ошибок, и вся надежда наша может покоиться только на здоровом

смысле и внутреннем самообладании русского народа. Как это ни трудно, надо сохранить возможно больше спокойствия и рассудительности.

II

Каждый из тех вопросов – политических и социальных, – которые стоят перед нами, представляет огромную самостоятельную проблему; каждый из них имеет свои, в значительной мере до сих пор непревзойденные, трудности. Но ко всем этим трудностям присоединяется еще одна, которая является общою для всех и на которую нам хотелось бы обратить здесь особое внимание.

Дело в том, что, разрешая все эти вопросы, мы не должны забывать о той глубокой **подпочве**, на которой необходимо покоится всякий общественный порядок, в которой мы будем закладывать фундамент нашего будущего нового здания. Нередко, ведь, случается, что здание, построенное по безупречному архитектурному плану и из наилучшего материала, разрушается все-таки потому, что оно было построено на неподготовленной, неукрепленной почве: подпочвенные течения или геологические сдвиги свели на нет все старания строителя.

История свидетельствует, что то же самое часто случается и с самыми лучшими государственными организациями. Не гибли ли иногда позорным образом самые свободные республики, и не кричал ли часто тот самый народ, в руках которого находилась вся полнота свободы и власти, не кричал ли он «да здравствует император!» и не водворял ли он сам, своими руками, над собой нового властелина? Очевидно, даже самый лучший политический строй какими-то невидимыми подпочвенными течениями может оказаться расшатанным до основания.

С другой стороны, на весьма серьезные размышления в том же направлении наводит состояние общественной мысли в современных демократических государствах Западной Европы. Весьма любопытные данные на этот счет содержатся в поучительной для настоящего момента книге профессора *П.И. Новгородцева* – «Кризис современного правосознания». Вот что, между прочим, мы там находим:

«Достаточно прочесть хотя бы известные очерки Клемансо: “La mkleй sociale”⁶, чтобы видеть, как глубоко и сильно руководящие умы современной Франции чувствуют несовершенства ее социального строя, лишь более резко выступающие под внешним парадом республиканских форм. У практиков и у теоретиков одинаково ярко сказывается убеждение, что лишь путем укрепления нравственных основ общества возможно предотвратить осложнения общественной жизни, которые могут оказаться тем более опасными, чем более они

6. Клемансо Ж. *Социальная схватка* (1895).

будут неожиданными. «Режим деспотический и разлагающийся или режим анархический и обреченный на революцию – вот что предрекает впереди представитель науки государственного права и трезвый теоретик Деландр, – если общество не будет спаяно более крепкими узами нравственного общения. Отсюда проповедь солидарности и требование общественного воспитания граждан»⁷.

«Никогда, может быть, так, как теперь, – когда пред европейским обществом развертывается практический план социальных преобразований, – не чувствовалась недостаточность чисто правовых начал и необходимость подкрепить их воздействием нравственных факторов. В ту эпоху, когда выдвигались на первый план отрицательные задачи политики, задачи внешнего ограждения государства и граждан, казалось, что общество может отлично устроить свои внешние отношения на одном правовом начале. Тогда легко могла создаться утопия Фихте, считавшего возможным установить столь твердый правовой строй, что он мог бы сохраняться непоколебимым, даже если бы в обществе “вовсе не было доброй воли”. Можно сказать, что наше время выдвигает взгляд диаметрально противоположный этому: без более прочных нравственных скреп общество обречено на потрясения, может быть на гибель»⁸. «Мы как будто опять возвратились к старой дилемме, выражавшейся в вопросе: что важнее, люди или учреждения? Было бы, однако, ошибочно видеть в современном указании на значение общественного воспитания простое повторение банальной истины, известной еще предкам наших предков. Здесь сказывается не простой результат обычных наблюдений, ежедневно убеждающих в зависимости учреждений от людей. В новом повторении известной ранее аксиомы чувствуется опыт небывалого по сложности века, – признание, что лучшие учреждения и лучшие люди не приведут к ожидаемому совершенству, если основной фактор истории, составляющий душу и тело социального организма, – народ в его совокупности – не возвысится к новым нравственным навыкам и чувствам»⁹.

Как видим, не только опыт истории, но и непосредственное живое чувство современных свободных народов Западной Европы говорят об одном и том же: установлением новых учреждений далеко не исчерпывается все; эти учреждения сами по себе еще не гарантируют ни подлинной свободы, ни истинного общественного процветания. Тем более этот опыт нужно иметь в виду нам. Если мы хотим, чтобы возводимое нами здание русского свободного строя стояло прочно, чтобы оно было обеспечено от искажения и извращения, нам

7. Новгородцев П.Н. Кризис современного правосознания. – М., 1909. – С. 383.

8. Там же. – С. 382.

9. Там же. – С. 387.

необходимо тщательно осмотреть ту почву, на которой мы хотим его строить, и если в ней будут найдены какие-нибудь пороки, принять все меры для их устранения.

III

В чем же, однако, заключается та почва, о которой идет речь? Таковую является, говоря вообще, общественная, **коллективная психология**.

Мыслители уже давно подметили, что в конечном счете всякое общество есть ни что иное, как совокупность психических связей, психических взаимодействий, спаивающих отдельных индивидов в некоторое коллективное единство. С другой стороны, также уже было давно указано, что всякое право в конце концов держится не внешней силой принуждения, а внутренним убеждением граждан. Самый факт государственного и всякого иного властвования мыслим только при наличности внутреннего подчинения подвластных. Всякий правовой строй является, таким образом, не столько извне навязанным учреждением, сколько изнутри создаваемым «самопостроением» или «самоупорядочением» общества, продуктом народной духовной деятельности.

Но как индивидуальная психика, так и психика социальная складываются из самых разнообразных и самых сложных **явлений сознания, воли и чувства** и в каждом из этих элементов могут оказаться свои дефекты, вследствие чего исследуя социальную подпочву, мы должны твердо помнить о возможных **пороках** в каждом из этих основных элементов народной психологии.

Пороком социального сознания является неверное или недостаточное знание всего того, что имеет значение для жизни общества вообще и в данных конкретных исторических условиях, в частности. Народное невежество и предрассудки составляют главную народную беду в этой области, и на борьбу с этой бедой должна быть направлена вся сила знания и просвещения. Но это ясно само собой, и на этом более останавливаться нечего.

Гораздо менее привлекали к себе внимание **пороки общественной воли**, а между тем они часто играют решающую роль. Как часто бывает, что тот или другой порядок уже давно осужден в народном сознании, потерял кредит в общественном мнении, и тем не менее продолжает держаться. Почему? По силе инерции, потому, что социальному сознанию недостает соответствующего волевого настроения, недостает силы воли, чтобы превратить общественное мнение в общественное решение. **Воля отстает от сознания**. Часто это бывает результатом временного упадка народной энергии, но иногда оно является хронической дряблостью народного характера.

Бывает, однако, наоборот: при известных условиях **воля опережает сознание**. Под влиянием некоторых причин, например невыносимого угнетения, общество судорожно бросается вперед, сламывает всякие преграды, не имея

еще ясного сознания о том, что ему нужно и как следует устроить новую жизнь. В таких случаях грозит опасность, что народная энергия быстро израсходуется в противоречивых или неосуществимых опытах и снова быстро потухнет в безнадежности и унынии. На этом всегда выезжает реакция.

Наконец, возможны и **пороки общественного чувства**. Чувство часто диктует самые мысли нашему сознанию, подсказывает наши решения. Чувство двигает нас к добру, но точно так же и ко злу. При этом сила чувств достигает иногда в общественной атмосфере чрезвычайного напряжения, вызывая паразитические явления массового героизма или массового преступления. Чувства труднее всего поддаются контролю и рационализированию; они по преимуществу сфера иррационального, и потому борьба с пороками чувства особенно трудна. Нормы права здесь часто совершенно бессильны, а иногда даже могут вызывать совершенно обратный эффект. Признание равноправия черных в Северной Америке не уничтожило общественного отчуждения от них. Признание равноправия евреев не уничтожило антисемитизма в Европе; иногда даже наоборот – оно как будто узаконило последний: мы дали евреям равноправие, тем более мы теперь вправе высказывать свою симпатию или антипатию...

При этом чувство масс часто нелогично и подвержено капризным переменам. История всевозможных реставраций свидетельствует о том, как иногда легко и без достаточных оснований симпатия сменяется антипатией и наоборот. В момент переворота, например, народ дышит непримиримой антипатией к монархии и самой горячей верой в народоправство республики. Но достаточно нескольких серьезных неудач нового строя, особенно если эти неудачи соединяются с потрясением элементарных житейских интересов, как те же массы быстро меняют свое настроение и легко идут за тем, кто обещает удовлетворение этих интересов, хотя бы уже под флагом монархии. Память о более старом зле легко вытесняется впечатлениями нынешних бед...

Достаточно уже этих беглых наблюдений для того, чтобы перед нами вскрылась вся бесконечная и подвижная сложность той социально-психологической почвы, на которой держится всякий общественный строй. Чем глубже проникает наше познание в реальную жизнь права и его учреждений, тем более делается ясным, что право далеко не все, что самые лучшие учреждения бессильны, если они не питаются живыми соками личного человеческого настроения и содействия из самой глубины народных недр. В виду этого, заботясь об учреждениях, мы в то же время не должны забывать об этих последних; созидая новый правовой строй, мы в то же время должны все меры принимать к тому, чтобы в народную психологию проникали оздоравливающие струи мыслей и чувств, чтобы она возможно сильнее очищалась от пороков невежества, дефектов воли и извращений чувства. Самым тщательным образом должны мы взвешивать каждое наше слово, учитывая не только

его ближайший эффект, но и тот дальнейший резонанс, который оно может вызвать в сложной системе коллективной психологии...

IV

Между тем, в настоящий момент на это далеко не обращают надлежащего внимания. С поразительной нравственной легкостью в народную душу бросаются часто лозунги, могущие вызвать такой эффект, который приведет в ужас самих тех, кто эти лозунги бросает.

В самом деле, что, например, несет с собою в народную психику учение о том, что **право идет вслед за силой**, что оно только санкционирует то, что установлено силой, что право есть вообще «политика силы». Нам незачем говорить здесь о том, насколько это учение неверно, как объяснение прошлого и настоящего, как объяснение «сущего»; неверность этого учения доказывалась уже много раз, неверность его доказана и самой русской революцией: не вся ли внешняя сила была в руках старого режима и что случилось с нею в решительный момент? Нас интересует здесь другая сторона вопроса: к чему может побуждать это учение, если оно будет принято всерьез? Очевидно, только к одному – к крайнему развитию каждым своей личной силы в деле всяческого захвата, т.е. или к анархии, или к деспотизму. Поэтому никакие **диктатуры** не соответствуют представлению о должном правопорядке, ибо всякая диктатура, по самому своему понятию, опирается только на силу, является насилием, деспотизмом, и притом безразлично будет ли это диктатура одного лица или целого класса. Опираясь только на силу, всякая диктатура тем самым узаконяет насилие и над собой и таким образом водворяет в общественном сознании только один режим – режим кулачного права...

Способствует ли, далее, оздоровлению народной психологии проповедь **теории классовых интересов**? Снова оставим в стороне вопрос о том, насколько эта теория может быть признана правильным объяснением истории социальных отношений; снова посмотрим лишь на то, какой психологический рефлекс она должна давать в народной душе, как правило поведения. Тот, кто является проповедником этой теории, должен знать, что, призывая эту теорию в обоснование требований какого-нибудь одного класса, он этим самым узаконяет защиту интересов другого класса, прямо противоположного. Ибо, если вы защищаете интерес одного класса только потому, что он есть интерес этого класса, то я в равной мере вправе защищать мой противоположный интерес на том же простом основании. С точки зрения теории классовых интересов, один интерес так же законен, как и другой, и защита первого так же правомерна, как защита второго. Что же решить между ними? «Реальное соотношение сил?» Но ведь это есть проповедь гражданской войны: всякое обострение приемов борьбы, с одной стороны, узаконяет подобное же обострение – с дру-

гой; всякое «захватное право» отсюда оправдывает «кулачное право» оттуда, оправдывает вперед и назад, и нет такой этической инстанции, которая могла бы внести примирение. Мало того: проповедь самозаконности интереса, как интереса, может дать дальнейший психологический рефлекс: если законно отстаивание классового интереса потому просто, что он есть интерес, то почему не в праве отстаивать своего интерес каждый отдельный человек? Что можно сказать тому, кто заявит: я сам для себя класс, а там попробуем, в чью пользу склонится «реальное соотношение сил» – быть может, вы меня, а может быть, я вас? Поистине, в теории классовых интересов, как таковой, нельзя найти основания, в силу которого можно было бы отвергнуть подобные анархические притязания отдельных лиц. Всякий проповедник этой теории должен, таким образом, или принять все эти логические последствия, или же отказаться от нее, признав ее недостаточной, и действительно в большинстве случаев защитники, например интересов рабочего класса, в конце концов прибегают к добавочному аргументу, к ссылке на то, что эти интересы справедливы, что они соответствуют интересам большинства и т.д. Но тогда они этим самым покидают эту теорию, переходят к некоторой другой, неосознанной ими, теории политики, но брошенные ими в их прежнем учении семена гражданского раздора еще долго могут приносить свои тяжелые плоды...

Наконец, остановимся еще на одном положении, которое кажется многим совершенно бесспорной аксиомой политики, – на том, что верховным критерием этой последней является интерес или **благо большинства**. Точно ли этот принцип большинства может быть признан непогрешимым?

Думается, что достаточно небольшой вдумчивости, чтобы убедиться в противном. Согласимся ли мы на то, чтобы во имя блага большинства меньшинство было превращено в рабов? Уверены, что в настоящее время не найдется ни одного человека, который обладал бы неизвращенным нравственным чувством и который решился бы все-таки довести принцип большинства до такого крайнего вывода. Ни при каких условиях, ни для каких интересов, с точки зрения нашего нынешнего правосознания, рабство не может быть оправдано; никакое даже самое подавляющее, большинство не вправе его требовать...

А если так, то очевидно, что и над принципом большинства есть свой контроль, что выше его есть какой-то иной принцип, какая-то иная, этически более могущественная, инстанция. Интерес большинства не сам по себе может иметь значение, а лишь тогда, когда он может быть этически оправдан; вместе с тем очевидно, что и меньшинство может иметь свои права, и притом права более сильные, чем права большинства.

Между тем об этом часто забывают, вследствие чего принцип большинства в его обычном вульгарном понимании превращается в проповедь безграничного господства большинства над меньшинством. Власть большинства не

желает тогда знать над собой никаких границ: все для нее дозволено, все законно... И вот мы имеем тогда перед собой новый абсолютизм, новую тиранию – быть может, самую тираническую из всех тираний вообще, потому, что для нее не существует тех физических опасений, которые сдерживают еще тиранов-одиночек. Опасность такого рода тираний особенно велика в революционные эпохи: народ, только что свергнувший иго абсолютизма, легко поддается искушению самому занять место низвергнутого абсолютного владыки и усвоить себе приемы его властвования. Давно подмечено, что абсолютизм, даже низвергнутый, еще надолго сохраняет свою отраву в народных воззрениях и навыках...

Достаточно уже этих немногих примеров, чтобы убедиться в том, насколько осторожно и вдумчиво надо относиться к тем принципиальным лозунгам, с которыми мы идем в общественную среду. В противном случае мы легко, вместо желаемого оздоровления народной психологии, можем внести в нее элементы извращения и разложения. Достаточно уже приведенных примеров для того, чтобы мы увидели, насколько необходимо нам самим тщательно продумать все эти вопросы, насколько необходимо усвоить себе ясное сознание тех этических предпосылок, без которых немыслима никакая здоровая политика.

V

В чем же эти этические предпосылки могут быть найдены? Мы думаем, что мы уже подошли к ним вплотную.

Мы только что говорили о том, что с точки зрения нашего нынешнего правосознания недопустимо даже в интересах большинства превращение меньшинства в рабов. Имеет ли при таком нашем решении значение численное соотношение между большинством и меньшинством? Изменили ли бы мы наше решение, если бы дело шло о каком-нибудь совершенно незначительном меньшинстве, например о превращении в рабов для блага большинства из 990 человек меньшинства из 10 человек? Конечно, нет: арифметика не имеет никакого голоса в этике. А если так, то пойдем дальше: захотели бы мы, сочли бы мы себя вправе во имя блага большинства всех, кроме одного, превратить в раба этого одного единственного человека? Конечно также нет: и на рабстве одного единственного человека мы не пожелали бы строить своего всеобщего благополучия; такое благополучие все равно жгло бы огнем наше этическое чувство, отравляло бы нас сознанием допускаемого нами преступления.

Если же это так, что мы можем сделать отсюда важнейший принципиальный вывод. Что такое рабство? Это есть лишь наиболее яркое выражение того, что в данном человеке, рабе, мы отрицаем его правовую личность, отрицаем в нем самоценного субъекта и превращаем его, наоборот, в простое средство для

наших целей, в простого объекта. Если же мы не допускаем подобного превращения человека в простое средство для целей других, даже для целей огромного большинства, то, очевидно, верховной истиной для нашего нравственного сознания является идея **самоценности человеческой личности**. Только такой правовой порядок мы можем считать этически безупречным, в котором каждый отдельный человек будет в равной мере с другими рассматриваться, как **самоцель**, будет признаваться одинаковой **самоценностью**.

Указанный принцип, как известно, был провозглашен уже Кантом, но Кант выставил его, как верховный критерий **нравственности**. Сказалось ли здесь невольное «ориентирование этики на праве», но, как бы то ни было, **с точки зрения нравственности**, учение Канта подвергалось разнообразным упрекам в формальности и сухости, и нельзя отрицать значительной справедливости этих упреков. Мы, со своей стороны, полагаем, что кантовский принцип неверен для этики, но верен для права и именно на нашем примере мы можем наглядно убедиться в различии требований одной и другого. Если бы тот один, который фигурировал в нашем примере, по собственному доброму почину, движимый любовью к своим ближним, и притом так, чтобы они об этом не знали, отдал себя на исключительное служение их благу и таким образом добровольно превратил себя в их раба, то мы имели бы то, что с нравственной точки зрения является высшим подвигом, расточением души своей за ближних своих. Напротив, то же самое положение, которое в области нравственности служит примером наивысшего подвига, будучи возведено в требование права, превращается в недопустимое отрицание человеческой личности, в недопустимую **эксплуатацию**.

Принцип самоценности человеческой личности повелительно диктует безусловно **уважение** к себе и к другим, признание к себе, но точно так же и в других, человеческого достоинства. На этом именно принципе покоится не только уничтожение рабства и разных других видов юридической личной зависимости, но и постепенное признание в истории **прав меньшинства и неотъемлемых прав человека**. Нам незачем повторять здесь поучительную историю возникновения идеи этих неотъемлемых прав и борьбу за ее осуществление. Известно, что эта идея зародилась впервые в борьбе за религиозную независимость, и первое право, которое было противопоставлено, как неотъемлемое право индивида, правам большинства, было право на свободу религиозного исповедания. Здесь с особенной силой и яркостью индивидом был заявлен протест против абсолютизма большинства, даже против абсолютизма государства, как такового, независимо от формы его устройства. И мы знаем, что, чем далее, тем более этот протест получает свое осуществление в жизни. Пусть еще и донныне находятся люди, относящиеся отрицательно или недоверчиво к идее неотъемлемых прав человека в теории, но нет в настоящее время ни одного государства, которое претендовало бы на звание культурного, и ко-

торое в то же время не признавало бы свободы религиозного исповедания. Пусть еще и теперь повторяется иногда, что общество вправе превращать индивида в средство для своих целей, но едва ли найдется хоть один из говорящих это, кто повторил бы учение Гоббса или Руссо о том, что государство вправе устанавливать обязательную религию и строго карать за ее неисполнение. В этой области неотъемлемое право индивида уже не метафизическое мечтание, а осуществившийся факт.

Но область религиозных верований не единственная область торжества индивида. То же самое должно быть сказано относительно области **мысли**: нечего и говорить о том, что в настоящее время недопустимо отправление человека на костер или в тюрьму за такое или иное теоретическое учение, как бы оно ни беспокоило или ни волновало несогласное большинство. Проявление той же тенденции, далее, можно подметить в целом ряде других явлений в сфере новейшего права – в признании так называемых прав личности, права на имя, права на честь, в недопустимости насильственного привода ушедшей жены в дом мужа и т.д. Сколько бы ни провозглашало современное законодательство, что брак есть институт священный и общественно важный и что поэтому супруги обязаны жить вместе, раз жена ушла из дома мужа и не желает туда возвращаться, государство беспомощно опускает весь свой могущественный аппарат принуждения и склоняется пред заявлением одной единственной, маленькой человеческой личности. Все чаще и чаще большинству, даже если оно представляет собою властвующее государство, приходится скромно признавать: **пусть мы имеем большой интерес в том или другом, но мы не имеем на это никакого права!..**

Однако, с другой стороны, начало уважения к чужой человеческой личности и признание ее прав приводит к сознанию самой широкой **социальной солидарности**. Недопустимость превращения другого исключительно в средство для своих целей включает в себе недопустимость какой бы то ни было экономической эксплуатации одного класса другим, ибо всякая эксплуатация есть не что иное, как именно превращение другого в средство. Сознание нерасторжимой сцепленности индивидуальных существований в современных обществах повелительно требует самых широких социальных реформ, требует обеспечения всех путем признания права каждого на существование, путем регулирования условий труда на справедливых основаниях и т.д. Быть может, постепенно расширяясь, эта социальная солидарность в экономических отношениях дойдет когда-нибудь до полной централизации хозяйства, т.е. до социалистического «обобществления», – против этого с принципиальной точки зрения никаких возражений не имеется. Подобная централизация всех хозяйственных операций в недрах современного огромного государства дело, конечно, технически чрезвычайно трудное, но оно все-таки только вопрос техники, а не принципа.

Вопросом принципа такая хозяйственная централизация делается лишь постольку, поскольку в ней может оказаться опасность для указанного выше начала уважения к правам меньшинства и к правам отдельной человеческой личности. Не подлежит никакому сомнению, что в случае своего осуществления социалистическая централизация всей экономической жизни страны создаст в руках государства, т.е. правящего им большинства, огромную, доселе невиданную, силу, охватывающую индивида со всех сторон, во всех, даже самых мелких, моментах его существования. При таких условиях, как это признают и некоторые из социалистов (например, Антон Менгер), не исключена возможность, что новая государственная власть будет злоупотреблять своей силой для подавления духовной свободы меньшинства. Именно в опасениях этого рода заключается основная причина, почему идея социалистического строя встречает горячую оппозицию не только со стороны либерализма различных оттенков, но и со стороны анархизма. И нужно признать, что эти опасения тем более будут основательными, чем чаще будет сказываться отмеченное выше учение о беспредельности власти большинства над меньшинством. Всякие заявления в этом смысле, всякие акты поведения со стороны представителей социализма, свидетельствующие в крупном и мелком об их абсолютистическом настроении, будут неизбежно поселять в широких кругах общества подозрительность и недоверие к тому новому строю, к которому их призывают. Всякие их попытки к насилию или к подавлению духовной свободы будут служить наглядным аргументом против того, что они на словах обещают. И наоборот: чем больше общество будет проникаться уважением к неотъемлемым правам индивида и меньшинства, чем больше об этом будет свидетельствовать даже повседневная жизнь, тем скорее будет исчезать почва для указанного недоверия и тем меньше будет оставаться препятствий для самых широких социальных реформ.

Таким образом, мы снова видим, какое важное значение имеет то или другое состояние народной, общественной психологии, преобладание в ней одних или других начал. Мы снова убеждаемся в том, насколько проповедь одних из них будет способствовать установлению и укреплению истинно свободного строя, а проповедь других будет его подрывать. Свободный и разумный строй предполагает свободную и разумную народную психологию.

Русский народ представляет в этом отношении весьма благодарную почву. Общеизвестным отличительным свойством русской народной души является глубокое стремление к правде в человеческих отношениях, стремление водворить правду Божию в делах человеческих. В этом стремлении верное ручательство за то, что русский народ, — пусть не без некоторых ложных шагов, — все же в конце концов сумеет выйти из всех искушений и построить свой новый порядок на указанных выше основах — принципе самоценности человеческой личности и вытекающих из него начал уважения к правам индивида и

начале социальной солидарности. Надо только помочь ему разобраться в разнообразных нахлынувших на него в настоящий момент лозунгах, надо провести его чрез лабиринт противоречивых течений, надо сваи нашего будущего свободного строя вбивать глубже – не в зыбкие и текучие слои временных и наносных пластов, а в незыблемую твердыню народной жажды по общечеловеческой, Божьей, правде.

Только при этом условии, только внедряя в народную душу вышеуказанные начала уважения и социальной солидарности, вы будете сеять то «разумное, доброе, вечное», за которое потом «спасибо вам скажет сердечное русский народ».

ОБЗОРЫ, РЕФЕРАТЫ

Сен-Мезар И.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ИНДИЕЙ, КИТАЕМ И США: ТРЕУГОЛЬНИК НА ПУТИ К СТАБИЛИЗАЦИИ?

Saint-Mézard I.

Les relations entre l'Inde, la Chine et les États-Unis: un triangle en voie de stabilisation? // Études de la documentation française. – P., 2006/2007. – N 5239/5240. – P. 85–104.

Геостратегический треугольник, который образуют Индия, Китай и США, начал формироваться в середине XX в. В 50-е годы произошло временное сближение двух новых государств в Азии – Индии, получившей независимость в 1947 г., и Китая, ставшего коммунистическим в 1949 г. В то же время отношения обоих государств с США были напряженными. Апогеем индо-китайской дружбы стала конференция неприсоединившихся стран в Бандунге в 1955 г. На рубеже 50–60-х годов наметилась другая конфигурация: США стали сближаться с Индией в противовес КНР, которую еще поддерживал СССР. Не случайно корабли американских ВМС развернулись в Бенгальском заливе в знак поддержки Индии после ее поражения в Гималаях в 1962 г. (с. 85).

Однако в период «холодной войны» существовал более важный треугольник: США – СССР – КНР. Если в 50-е годы сближение произошло между СССР и КНР, то в 70–80-е – между США и КНР. Эта ось (усиленная Пакистаном) оказывала все большее давление на Индию, в итоге та заключила в 1971 г. договор о дружбе с СССР.

С исчезновением советского полюса в 90-е годы в азиатской игре опять произошла перестановка сил. В 1998 г. Индия вошла в ряд ядерных держав и теперь связана с ними стратегическим партнерством.

«Треугольник Индия – Китай – Соединенные Штаты долго оставался на втором плане. До конца 90-х годов Индия фактически не имела достаточного веса, чтобы быть важным объектом внимания китайцев и американцев и детерминировать их позиции. Так как треугольник в действительности не принимался во внимание вовлеченными в него акторами... он, строго говоря... оставался латентным» (с. 87).

Первой осознала и выявила существование стратегического треугольника Индия. В 90-е годы ее амбиции перестали быть амбициями субрегиональной державы; страна стала игроком на общеазиатской шахматной доске. Благодаря демографическому весу, экономическому потенциалу, военным и техническим возможностям Индия стала рассматривать себя в качестве естественного *alter ego* своего китайского соседа. Правда, до конца 90-х годов ни Китай, ни США не принимали всерьез эти амбиции. В отношениях Индии с ними возникла асимметрия восприятий: они занимали существенное место в ее дипломатических и стратегических планах, тогда как сама Индия оставалась для них субрегиональной державой, имея значение только в контексте их отношений с Пакистаном и проблем Южной Азии. Американский стратегический подход предполагал рассмотрение геополитических регионов – Южной, Северо-Восточной, Юго-Восточной Азии – как полунезависимых друг от друга частей.

Индийская точка зрения исходила прежде всего из стратегии, основанной на «эффекте домино» ядерного устрашения. Создание Индией ядерного оружия – это реакция на аналогичную программу именно Китая. Индии долго не удавалось заставить Китай и США уважать себя как ядерную державу, а после ядерных испытаний 1998 г. в Индии и Пакистане эти две страны совместно осудили их. Тем не менее жесткая реакция Индии на их совместное коммюнике заставила американцев понять, что их подход стал контрпродуктивным.

До конца 90-х годов США не считали, что американо-китайские отношения могут не только иметь связь с американо-индийскими, но даже оказывать на них хоть какое-то воздействие (и наоборот). Аналогичную позицию занимал Китай. И США, и Китай по сути опровергали наличие стратегического треугольника. Тем не менее он существовал латентно и действовал в ущерб интересам Индии.

Все изменили ядерные испытания 1998 г. в Похране. США начали лучше понимать реальный вес и роль Индии в Азии в целом. Два последних года администрации Б. Клинтона отмечены потеплением американо-индийских отношений. При Дж. Буше этот процесс углублялся, дополнительный импульс чему дало сотрудничество в войне с терроризмом. «Это двустороннее сближение объясняется тем, что Вашингтон начал воспринимать Индию в качестве потенциального стержня своей общей стратегии в Азии. В длинной нестабильной региональной дуге от Ближнего Востока до Юго-Восточной Азии, проходящей через Центральную Азию и Индийский океан, Соединенные Штаты как никогда прежде нуждались в партнерах. Они вновь открыли для себя преимущества Индии – экономический гигант с демократическим и светским режимом, с ускоряющимися темпами экономического роста, с одними из крупнейших в мире вооруженными силами; идеально расположенный между

двух зон – Ближним Востоком и Восточной Азией, где американское присутствие являлось преобладающим» (с. 91).

Китай тоже стал предпринимать шаги к улучшению отношений с Индией. Причина заключается именно в индо-американском сближении. Китай серьезно обеспокоен, видя, как США готовят Индии роль противовеса ему и запускают программу военного сотрудничества с Дели. Между тем китайско-американские отношения далеки от гармонии. Они осложнились еще больше после столкновения в мае 2003 г. американского самолета-шпиона с китайским истребителем. Зато война с терроризмом оказалась на руку Китаю: США переключили внимание на радикальный исламизм, а для Китая появилась возможность найти общий язык с США. И все же Пекин вовсе не рад появлению американских войск в Афганистане и Пакистане – тогда как Дели приняли это скорее благожелательно (с. 93). С 2004 г. индо-американское сближение ускорилось.

Вообще отношение США к Китаю сложное. С одной стороны, частые встречи в верхах, диалоги и визиты на высоком уровне, интенсивная торговля (в 2005 г. около 300 млрд. долл.) (с. 94). С другой стороны, в американских правящих кругах сильна точка зрения, согласно которой Китай – будущий главный соперник США в политической, военной и экономической сферах. Не случайно в марте 2002 г. *Los Angeles Times* сообщила: «Вашингтон больше не исключает возможности нанесения по Китаю ядерного удара. В этом же контексте следует рассматривать и американскую стратегию окружения Китая, что вызывает у последнего обоснованные опасения».

Цель Индии в такой ситуации состоит в том, чтобы не допустить ни возрождения объединенного китайско-американского фронта против нее, ни нового биполярного мира (второе резко сузило бы свободу маневра Индии, ей пришлось бы присоединиться к одному из полюсов). Однако для развития китайско-американских отношений Индия все же остается второстепенным фактором.

Китайско-индийские отношения сейчас характеризует сближение, «сочетающее расчетливый прагматизм и безудержный энтузиазм: в Пекине, как и в Дели, опять стало хорошим тоном петь дифирамбы китайско-индийскому союзу во имя мира и процветания в Азии» (с. 96). Потепление отношений выразилось в визите индийского премьер-министра А.Б. Ваджпай в Китай в 2003 г. и китайского премьер-министра Вэн Цзябао в Индию в 2005 г. С 2005 г. развивается стратегическое партнерство двух держав. Торговый оборот между ними в этом году превысил 18 млрд. долл. (с. 96). Вместе с тем Индия настороженно относится к развитию связей Китая с Пакистаном и китайской активности в Южной Азии и зоне Индийского океана в целом. Китай же не в восторге от активизации политики Индии в Восточной Азии.

Для обеих держав приоритетом остаются отношения с США. Эти отношения сильно влияют на китайско-индийские связи. Китайцы понимают: сближение с Индией необходимо, чтобы не допустить слишком тесной индо-американской дружбы. Индийцы стремятся дружить с китайцами, чтобы не попасть в зависимость от американцев. Давление США уже дает о себе знать: хотя Индия не послала войска в Ирак, ей постепенно приходится все дальше дистанцироваться от Ирана.

В официальной риторике и индийского, и китайского руководства просматривается стремление к многополярному миру, который ограничил бы влияние американской сверхдержавы. В частности, определенный резонанс получила идея стратегического треугольника Индия – Китай – Россия. Впервые ее предложил российский премьер-министр Е. Примаков в 1998 г. Китай и Индия отнеслись к идее сначала скептически, но затем вступили в трехсторонние переговоры. Обе державы рассчитывают создать некий противовес американскому влиянию; кроме того, они весьма заинтересованы в сотрудничестве с Россией в сфере энергетики. По мартовскому (2006) соглашению Россия обязалась ежегодно поставлять Китаю 60–80 млрд. м³ газа (с. 97). Для Китая сближение с Индией и Россией – это еще и дополнительный рычаг замедления индо-американского сближения.

США внимательно следят за развитием китайско-индийских отношений, сохраняя значительное влияние в этой сфере. Поэтому сближение Индии с Китаем может продолжаться лишь до тех пор, пока оно не угрожает прямым интересам США.

США и Индия больше не стесняются называть свое партнерство «естественным», так как оно связывает две крупные демократические, полиэтнические и мультикультурные страны. Нельзя сбрасывать со счета и немалочисленную индийскую диаспору в США (представители которой занимают места на верхних ступенях социальной лестницы): она все эффективнее мобилизуется ради укрепления двухсторонних связей.

Слабым местом является торговля. В этом плане Индия остается маргинальным партнером США, особенно на фоне американо-китайской торговли. Зато в оборонной сфере индо-американское сотрудничество весьма заметно, особенно с января 2004 г. Предполагается расширение сотрудничества в гражданской ядерной сфере, мирных космических программах, обмене высокими технологиями и противоракетной обороне. В частности, партнерство в области мирного атома позволяет Индии решить свои серьезные энергетические проблемы, а США – отбить у нее соблазн контактировать на этот предмет с Китаем. В конечном счете целью американцев в стратегическом партнерстве является создание в Азии противовеса Китаю в лице Индии.

Для Китая индо-американское сближение, естественно, является источником беспокойства. Однако и в США, и в Индии немало таких наблюдателей,

которые подчеркивают, что два государства ничего не выиграют, если будут строить свои отношения на создании барьеров для третьей стороны.

«Возникновение треугольника Индия – Китай – Соединенные Штаты означает, прежде всего, что Индия стала державой регионального и международного уровней, хотя ни Китай, ни Соединенные Штаты по-настоящему не считают ее равной себе... Этот треугольник асимметричен, причем в нескольких отношениях; в первую очередь, три его вершины еще заметно неравны между собой. Американский полюс намного могущественнее двух других и способен оказывать на них сильное притягивающее воздействие. В результате Индия и Китай склонны отдавать предпочтение своим двусторонним отношениям с Соединенными Штатами перед всеми прочими. Индия, самый слабый полюс треугольника, мало влияет на эволюцию его китайско-американской части, которая зависит от множества других факторов. *A contrario*¹, китайско-американские отношения (какой бы ни была их конфигурация – соперничество или сотрудничество) может оказывать значительное воздействие на индийские интересы. Во многих отношениях развитие китайско-американских отношений – определяющий параметр треугольника» (с. 102–103).

Вместе с тем взаимозависимость в треугольнике еще довольно слаба: отношения каждой пары держав развиваются во многом по собственной логике. Треугольник отличается определенной подвижностью, каждый полюс стремится к максимальной свободе маневра, опасаясь вместе с тем коалиции против него двух других. «Наконец, китайцев и американцев прежде всего занимает возможная перспектива нового биполярного мира, и Индия – важная фигура на их шахматной доске. Она знает это и, как может, лавирует между ними, стремясь к наибольшей выгоде. С этой точки зрения треугольник функционирует также как **равновесие держав**. В остальном ни одно из трех государств пока не заинтересовано в том, чтобы вступить с другим в прочную и длительную коалицию против третьего» (с. 103).

Вопрос заключается в том, как долго Индия сможет сохранять свободу маневра, учитывая давление со стороны США. Если китайско-американские отношения серьезно ухудшатся, Индии придется выбирать, к кому примкнуть. В этом случае она сделает выбор скорее в пользу США, тем более что существует связь между гражданскими обществами двух стран, и лишь США могут обеспечить Индию тем, в чем она нуждается больше всего, – высокими технологиями. Таким образом, треугольник способен превратиться в союз двух против одного.

К.А. Фурсов

1. *Напротив (лат.). – Прим. реф.*

Бобокулов И.

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: СУЩЕСТВУЕТ ЛИ
АЛЬТЕРНАТИВА РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ?**

Bobokulov I.

**Central Asia: Is there an alternative to regional
integration? // Centr. Asian survey. – Oxford, 2006. –
Vol. 25, N 1-2. – P. 75-91.**

Автор (Центр системных исследований, Ташкент) к важным факторам необходимости региональной интеграции для Центральной Азии относит единую историю, общие традиции и ценности, регулирование использования водных ресурсов, общую транспортную сеть, проблемы экологии, обеспечение национальной безопасности, которой угрожают нетрадиционные опасности – религиозный экстремизм, терроризм, наркоторговля. «Национальная безопасность и внутренняя стабильность стран региона взаимосвязаны и взаимозависимы» (с. 76). Только выступая совместно, страны ЦА могут занять достойное место на международной арене, а также привлечь иностранные инвестиции.¹

Первый период интеграции (июнь 1990 – декабрь 1991 г.) происходил в годы распада СССР, второй – завершился созданием в 1994 г. институционального механизма интеграции – Центрально-Азиатского союза (ЦАС). На первых встречах в 1990–1991 гг. региональные лидеры говорили о координации деятельности в политической, экономической и социальной сферах. В 1992 г. заключено соглашение о водных ресурсах и создана соответствующая комиссия, в 1993 г. – Международный фонд по Аральскому морю пяти стран Аральского бассейна. Однако в те же годы Таджикистан перестал участвовать в совещаниях из-за гражданской войны, а Туркмения объявила о «позитивном нейтралитете».

После создания ЦАС был заключен таможенный союз между Казахстаном и Узбекистаном (1994), создан Центрально-Азиатский банк реконструкции и

1. Linn J. *Transition years: Reflection on economic reform and social change in Europe and Central Asia*. – N.Y., 2004. – P. 52. Описание здесь и далее по реф. источнику.

развития (1994), подписан договор о вечной дружбе между Узбекистаном и Казахстаном (1996), сформирован под эгидой ООН Центрально-Азиатский миротворческий батальон («Центразбат», 1995), поддержана инициатива Узбекистана о зоне, свободной от атомного оружия (1997), Таджикистан присоединился к ЦАС (1998).

Третий период интеграции – создание новых региональных механизмов ЦАС, который с 1998 г. переименован в Центрально-Азиатское экономическое сообщество. В него вошли Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан, а Грузия, Россия, Турция получили статус наблюдателя. Одновременно Казахстан, Киргизия и Таджикистан объединились в таможенный союз с Россией и Белоруссией. В 2000 г. создано Евразийское экономическое сообщество (ЕЭС) в том же составе. Членство стран ЦА в разных региональных организациях порождает ряд проблем (с. 80).² С конца 90-х годов приоритетными стали проблемы безопасности. Поэтому в июле 2003 г. четыре государства ЦА подписали Договор о совместной борьбе с терроризмом, экстремизмом, транснациональной организованной преступностью и другими общими угрозами безопасности.

Для перспектив региональной интеграции ЦА очень важны две проблемы: 1) альтернативные транспортные пути и 2) урегулирование границ республик.

Первая связана с тем, что ЦА – сердце Евразии, ворота в Европу для Китая и Южной Азии, путь для сообщения России с последней; ЦА – третий в мире по значимости источник нефти и газа, второй – хлопка, но у нее нет прямого доступа к морю, к мировым транспортным путям. Это препятствует полноценному участию ЦА в процессах глобализации. Помимо унаследованной от СССР транспортной сети, необходимо прямое соединение с Китаем, Ираном, Афганистаном и Пакистаном. Уже построены участки железной дороги, связывающие Туркмению с Ираном, Казахстан, Узбекистан и Киргизию с Кашгаром в КНР, завершено в декабре 2005 г. строительство нефтепровода из Западного Казахстана к границе с Китаем, что позволит экспортировать 100 млн. т нефти в год (с. 82). В 2003 г. подписано соглашение между Узбекистаном, Афганистаном и Ираном о строительстве дороги из Термеза через Афганистан к иранским портам в Персидском заливе. Предполагается строительство дорог из ЦА через Афганистан в Китай, Пакистан, Индию. Создание подобной транспортной сети позволит выйти на мировые рынки, привлечет иностранные инвестиции.

Проблема границ – существенный элемент во взаимоотношениях между странами ЦА. Многие споры – наследие советской политики, разделившей единые сообщества, основанные на языке (тюркские языки) и религии (ис-

2. Islamov B. *The Central Asian states ten years after: How to overcome traps of development transformation and globalization.* – Tokyo, 2001. – P. 176.

лам). Вначале СНГ сыграло позитивную роль в утверждении стабильности всех бывших советских административных границ, в том числе в ЦА, где по соглашениям 1997 г. (Казахстан, Киргизия, Узбекистан) и 1998 г. (Казахстан, Узбекистан) сохранялась неизменность существующих границ. Соглашение о размежевании границ (1800 км) подписано в 2000 г. между Узбекистаном и Туркменией, в конце 2002 г. завершился процесс размежевания границы (2440 км) между Узбекистаном и Казахстаном, одобренный в феврале 2003 г. совместной комиссией двух республик. Продолжается урегулирование и других участков границ. Особенно трудна эта задача в плодородной Ферганской долине с 10 млн. населения: 60% ее территории принадлежит Узбекистану, 25 – Таджикистану и 15% – Киргизии (с. 86). Необходимы тесные экономические связи в рамках этого самого большого и густонаселенного оазиса ЦА.

Какую роль играют великие державы в центральноазиатской интеграции? Общеизвестна огромная роль России в проблемах экономики и безопасности. 70% экспорта ЦА идет в Россию и через Россию, особенно важны энергетические связи и трудовая миграция (с. 87). Российское военное присутствие необходимо для защиты от исламских экстремистов, базирующихся в Афганистане. Другой геополитический игрок в регионе – Китай, для которого ключевой фактор – ситуация в Синьцзяне с его уйгурским населением.

Таким образом, региональная интеграция в ЦА обусловлена желанием экономического роста, политической стабильности и предупреждения конфликтов. Препятствие к этому – слабая традиция двусторонних и многосторонних дипломатических отношений между республиками (они были не нужны в советский период). Теперь необходимы совместные усилия и терпение. Урегулирование ситуации в Афганистане может стать «самым важным объединяющим фактором интеграции» (с. 89). Региональная безопасность и транспортные пути связаны именно с ним.

Иными словами, у интеграции нет альтернативы. Будущее зависит от осознания региональными лидерами этой своей исторической миссии.

С.И. Кузнецова

БИБЛИОГРАФИЯ

И.Л.Беленький

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ЕЕ СУДЬБЫ В РОССИИ: ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ 1993–2007 гг. (Библиографические материалы)

Беленький Иосиф Львович – старший
научный сотрудник ИНИОН РАН.

Предлагаемые библиографические материалы представляют исследования и публицистические тексты, посвященные интеллигенции как значимому социокультурному явлению в истории России Нового и Новейшего времени и ее (интеллигенции) современному состоянию.

Как и одноименный список, опубликованный в нашем журнале в 1994 г.¹, – эти материалы, включающие публикации второй половины 1993 – начала 2007 г. (а также некоторые статьи и книги конца 80-х – начала 90-х годов, не вошедшие в предшествующий список), отнюдь не претендуют на полноту библиографического учета. Они, однако, очерчивают ряд наиболее существенных тенденций, обозначившихся в исследовательской литературе и публицистике последних лет. Среди них, с одной стороны, суждения о неизбежности субъективизма любого высказывания на тему «интеллигенция в России», принципиальной неразрешимости проблемы социальной и культурной идентичности и невозможности самой верификации этого понятия во всей полноте его смыслов; с другой – стремление к институционализации исследований в этой области и, более того, формулирование «интеллигентоведения» как самостоятельной исследовательской программы, в будущем способной инициировать формирование новой историко-культурной дисциплины.

1. Интеллигенция и ее судьбы в России / Сост. Беленький И.Л. // Россия и современный мир. – М., 1994. – № 1. – С. 206–218.

Первое особенно отчетливо проявляется в работах, сопоставляющих концепты «западный интеллектуализм» и «русская интеллигенция»² в недавней книге А.С. Кустарева «Нервные люди» (2006) и в полемике, развернувшейся вокруг этой книги.

Второе – в публикациях Межвузовского центра «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории отечества», созданного в Ивановском государственном университете под руководством В.С. Меметова³.

Социально-культур-философское, культурологическое, социологическое, политологическое осмысление феномена «интеллигенция / русская интеллигенция» в 90-е годы и в начале нашего столетия все более и более концентрируется вокруг проблем ее социальной, культурной и национальной идентичности и понимания сущности того явления, которое можно было бы назвать «критикой интеллигенции» (что предполагает, в частности, аналитику личностных смыслов, содержащихся в высказываниях подобного типа).

Современный этап этой критики, неоднократно переосмысляемой в истории России, во многом опирается на веховскую традицию. «Критика интеллигенции» как рефлексивная позиция всегда, даже в самых огрубленных, упрощающих суть дела, формах, развертывалась и развертывается в пределах дискурса, рожденного самой интеллигенцией⁴; в том числе и в тех случаях, когда «критика» исходила из страт, внеположных интеллигенции.

Углубленное изучение теоретического дискурса, в рамках которого уже более ста пятидесяти лет в России идут споры об интеллигенции, видимо, является одной из наиболее важных задач исследования проблемы в целом.

2. См., в первую очередь, сборник «Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология» (М.; Венеция, 1999 (Россия/Russia – 2[10])). Несколько особняком стоят исследования Д. Хапаевой, не учтенные в предлагаемых библиографических материалах, так как основная установка заключается в анализе интеллектуальной жизни Франции XX в. и содержания концепта «французские интеллектуалы» в рамках «истории идей» и «новой интеллектуальной истории». См.: Хапаева Д. Герцоги Пятой республики // Новое лит. обозрение. – М., 2004. – № 67. – С. 8–43; Ее же. После интеллектуалов // Республика словесности. – М., 2005. – С. 350–373; ее же. Герцоги Республики в эпоху переводов. – М., 2005. – 264 с.

См. также: Дюваль У. Утраченные иллюзии: Интеллектуалы во Франции / Пер. с англ. Сухозиной М. // Республика словесности. – С. 337–349; Сюриа М. Портрет интеллектуала в обличье домашней зверушки / Пер. с франц. и послесл. Фокина С. // Республика словесности. – С. 374–392.

3. Изданные Центром сборники статей и материалы конференций учтены во 2 разделе библиографического списка.

4. См.: Успенский Б.А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры / Русская интеллигенция и западный интеллектуализм... С. 7–9.

Возможно, именно оно поможет предотвратить своего рода ее «самозаговаривание»⁵.

Исследования по общим проблемам поколенческой истории русской интеллигенции на различных этапах ее социокультурного бытия в XIX–XX вв. представлены главным образом в заключительном, пятом разделе нашего списка. Его явная, бросающаяся в глаза библиографическая неполнота (отсутствие в нем очень многих работ 1990-х – начала 2000-х годов, в том числе содержащих в своем заглавии слово «интеллигенция») имеет для составителя характер осознанной необходимости. Ведь если подходить к определению проблематики изучения истории русской интеллигенции, исходя не только из всей суммы значений понятия (концепта «интеллигенция»), но и из всего многообразия реальных контекстов его содержания в России XIX–XX вв., то в представляемое исследовательское поле неизбежно будет вовлечена проблематика исследований ряда сословий и социальных слоев российского общества нового и новейшего времени и почти всех его профессиональных страт. Именно поэтому в нашем случае целесообразно существенное ограничение библиографической базы по теме «Интеллигенция и ее судьбы в России».

1. Понятие «интеллигенция». Интеллигенция в России: Общие проблемы (книги и статьи концептуального характера)

1. Азадовский К. «Судьбы его печальной нет в России...»: (Еще раз о гибели рус. интеллигенции) // Звезда. – СПб., 2002. – № 7. – С. 199–209.
2. Акопян К.З. В поисках утраченного смысла: Сб. ст. – Н. Новгород, 1997. – 211 с.
3. Аксютин В. Орден русской интеллигенции // Москва. – М., 1994. – № 4. – С. 77–92.
4. Арнольдов А.И. Интеллигенция: Мир творчества и социальная драма. – М., 2005. – 91 с.
5. Арнольдов А.И. Миссия интеллигенции: Драма и надежды – М., 2001. – 85 с.
6. Афонский Л. Интеллигенция и государство // Москва. – М., 1998. – № 2. – С. 147–160.

5. Опыт такого исследования см.: Лотман М.Ю. *Интеллигенция и свобода: (К анализу интеллигентского дискурса)* // *Русская интеллигенция и западный интеллектуализм...* – С. 122–151; Кустарев А.С. *Нервные люди. Poleмика об этой книге в журнале «Неприкосновенный запас»* (М., 2006. – № 3. – С. 18–66).

7. Ахиезер А.С. Интеллигенция // Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта (социокультурная динамика России) – 2-е изд. – Новосибирск, 1998. – Т. 2. – С. 205–210.
8. Березовая Л.Г. Пушкинианство русского интеллигента // Призвание историка: Проблемы духовной и политической истории России. – М., 2001. – С. 342–357.
9. Боров Ю. Интеллигенция и власть // Акад. тетр. – М., 1996. – № 2. – С. 5–6.
10. Буланин Д.М. Эпилог к истории русской интеллигенции: Три юбилея. – СПб., 2005. – 255 с. [2] л. ил.
11. Буркина А.А. Грани понятия «интеллигенция» // Вестн. Бурят. ун-та. Сер. 16. Политология. Культурология. – Улан-Удэ, 2004. – Вып. 1. – С. 132–139.
12. Васягина Т.Н. Интеллигенция и культура: (К постановке вопр.) – М., 1995. – 23 с. – Библиогр.: с. 21–23. Рукопись деп. в ИНИОН РАН № 50 616.
13. Вениамин, игумен. Термин, которому не повезло // Независимая газ. – М., 2001. – 20 июня. – С. 8.
14. Виноградов В.В. Интеллигенция // Виноградов В.В. История слов. – М., 1999. – С. 227–229.
15. Возилов В.В. Омнизм и нигилизм: Метафизика и историософия интеллигенции России. – Иваново, 2005. – 412 с.
16. Возилов В.В., Назаров Ю.Н. Философия интеллигенции: Разум как рев. сила истории. – Иваново, 2002. – 361 с.
Рец.: Семененко А.М. Интеллигенция как предмет философского исследования // Философия и общество = Philosophy a. society. – М., 2004. – № 4. – С. 196–199.
17. Гаспаров М. Интеллигенция и интеллигентность: От этимологии к морали // Красные холмы. – М., 1999. – С. 305–312.
18. Гильманов А.З. Военная интеллигенция как социально-профессиональная группа: Автореф. дис. д-ра социол. наук. – Уфа, 1992. – 41 с.
19. Глебкин В. Интеллигентный диссидент – тавтология или оксюморон? // Культура и власть в коммуникационной революции XX века. – М., 2002. – С. 416–432.
20. Глебкин В.В. Можно ли «говорить ясно» об интеллигенции? // Труды по культурной антропологии. – М., 2002. – С. 91–111.
21. Глотова В.В., Грачев Г.Н. Социальная роль русской интеллигенции // Культура как фактор социализации личности. – Воронеж, 1992. – С. 25–31. Рукопись деп. в ИНИОН РАН № 47 754.

22. Голикова Л.В. Интеллигентность / Ценности интеллигентного мира: Сб. ст. Всерос. науч. конф. – Магнитогорск, 2006. – Вып. 3. Ч. 1. – С. 171–177.
23. Гранин Д. Интеллигенты: Ст. выступления, эссе. – СПб., 2007. – 600 с.
24. Грязневич В. Поводыри слепых. Интеллигенция как социальный феномен // Звезда. – Л., 1991. – № 11. – С. 106–113.
25. Гудков Л., Дубин Б. Интеллигенция: Заметки о лит.-полит. иллюзиях. – М.; Харьков, 1995. – 189 с.
Рец.: Рейтблат А. // Новое лит. обозрение. – М., 1996. – № 20. – С. 391–393.
26. Гузенкова Т. Синдром положительного примера // Свобод. мысль. – М., 1993. – № 3. – С. 67–74.
Интеллигенция и ее менталитет.
27. Гусейнов А. Слово об интеллигенции // Новая Россия = New Russia. – М., 1996. – № 2. – С. 18–25.
28. Диденко П.И. Интеллигенция как субъект российской истории. – Волгоград, 2003. – 287 с.
29. Диденко Д.В. Опыт исторической типологии российских интеллектуальных слоев // Соц.-полит. журн. – М., 1998. – № 4. – С. 226–233.
30. Добрускин М.Е. О генезисе философского понятия интеллигенции // Философия и общество. – М., 2003. – № 4. – С. 16–25.
31. Егоров В. Интеллигенция и власть: (К типологии взаимоотношений в XX в.) // Alma mater. – М., 1993. – № 5. – С. 3–8.
32. Емельянова А.С. Социокультурный статус интеллигенции: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ростов н/Д., 2001. – 29 с.
33. Ершова Э.Б. Революции, реформы и российская творческая интеллигенция в первой половине XX века // Вопр. истории. – М., 2001. – № 6. – С. 103–115.
34. Живов В. Маргинальная культура в России и рождение интеллигенции // Новое лит. обозрение. – М., 1999. – № 37. – С. 37–51.
35. Зельманов А.Б. Разорванность сознания интеллигенции // Проблема сознания в отечественной и зарубежной философии XX века. – Иваново, 1994. – С. 97–100.
36. Золотусский И.П. От Грибоедова до Солженицына: Россия и интеллигенция. – М., 2006. – 347 с.
37. Зябликов А.В. Что такое художественная интеллигенция // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. – Кострома, 2005. – № 5. – С. 94–96. – Библиогр.: с. 96.
38. Игошин Л. Чуда не будет // Независимая газ. – М., 1993. – 6 ноября. – С. 4.

- «Образованщина» (интеллигенция) в России и постоянный поиск ею «алгоритмов» совершенствования жизни.
39. Иноземцев В. Класс интеллектуалов // Гордон А.Г. Диалоги [3]. – М., 2006. – С. 39–56.
40. Интеллигенция в России // Альтернативы = Alternatives. – М., 1997. – Вып. 2. – С. 131–154.
41. «Интеллигенция в условиях общественной нестабильности: конформизм или духовное лидерство?» Междунар. конф. по проблеме «Ученый и общество» (Москва, сент. 1995 г.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. – М., 1995. – № 3. – С. 222–223.
42. Интеллигенция древняя и новая // Народы Азии и Африки. – М., 1990. – № 3. – С. 78–86.
43. Капустин М.П. Культура и власть: Пути и судьбы русской интеллигенции в зеркале поэзии, 2002. – 471 с.
44. Камчатнов А.М. О концепте интеллигенция в контексте русской культуры // Язык и ментальность. – СПб., 2004. – С. 111–123.
45. Карасева А.В. Актуальные методологические проблемы изучения интеллигенции // Клио. – СПб., 2002. – № 1(16). – С. 14–20.
46. Карасева А.В. Интеллигенция: Некоторые подходы к определению понятия // Клио. – СПб., 2001. – № 1(13). – С. 139–143.
47. Каримов М.М. Русская интеллигенция как социокультурное явление // Культурное наследие России: Универсум религиозной философии. – Уфа, 2004. – С. 67–71.
48. Квакин А.В. Модернизация России и судьбы интеллигенции // Россия в Новое время: Выбор путей исторического развития. – М., 1994. – С. 73–75.
49. Келеман Л.А. Интеллигентность как интегральное качество человека. – Ставрополь, 2005. – 221 с. – Библиогр.: с. 108–220.
50. Кива А. Intellegentsia в час испытаний // Новый мир. – М., 1993. – № 8. – С. 160–167.
51. Кириленко Г.Г. Посланник трех миров: Интеллигенция в российской культуре // СоцИС: Соц. исслед. – М., 1997. – № 3. – С. 74–83.
52. Кириллов С. Интеллектуалы и интеллигенты // Москва. – М., 1993. – № 4. – С. 126–130.
53. Кнабе Г.С. Жажда тождества: Культ.-антропол. идентификация: Вчера. Сегодня. Завтра. – М., 2003. – 57 с.
54. Кнабе Г.С. Русская интеллигенция. Арбат // Кнабе Г.С. Древо познания и древо жизни. – М., 2006. – С. 594–653.
55. Кнабе Г.С. Русская интеллигенция – Истоки // Кнабе Г.С. Древо познания и древо жизни. – М., 2006. – С. 583–593.

56. Коган Л.Н., Чернявская Г.К. Интеллигенция. – Екатеринбург, 1996. – 67 с.
57. Кожин В. Между государством и народом: Попытка беспристрастного размышления об интеллигенции // Москва. – М., 1998. – № 6. – С. 124–137.
58. Козлова О.Н. Интеллигенция в Российском обществе // Соц.-полит. журн. – М., 1995. – № 1. – С. 162–174.
59. Колеров М. Самоанализ интеллигенции как политическая философия: Наследство и наследники «Вех» // Новый мир. – М., 1994. – № 8. – С. 160–171.
60. Колесникова А.В. Жизнетворчество русской интеллигенции или Бытие, творящее идеи нового бытия. – Новосибирск, 2005. – 147 с.
61. Комиссаров С.Н. Художественная интеллигенция: Противоречия в сознании и деятельности. – М., 1991. – 303 с.
62. Кондаков И.В. Интеллигенция // Культурология. XX век: Энциклопедия. – СПб., 1998. – Т. 1. – С. 254–263.
63. Кордонский С.Г. Российская интеллигенция: Генезис, онтология, этика и эстетика // Куда идет Россия?..: Альтернативы обществ. развития. 2 Междунар. симпоз., 15–18 дек. 1994 г. – М., 1995. – С. 96–508.
64. Кормер В.Ф. Крот истории или революция в республике S=F: Роман; Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура; О карнавализации как генезисе «двойного сознания». – М., 1997. – 287 с.
65. Корупаев А.Е. Культурная миссия интеллигенции России: Докл. и тез. междунар. и всерос. науч. конф. – М., 1996. – 27 с.
66. Корупаев А.Е. Очерки интеллигенции России. – М., 1995.
Ч. 2. Очерки истории русской интеллигенции. 154 с. Библиогр.: с. 136–152, 154 с.
67. Кочетов А.Н. Интеллектуальный потенциал общества. – Саратов, 1991. – 127 с., табл.
68. Кошелева Л.А. Интеллигенция как феномен русской культуры: Автореф. дис. ... канд. – М., 2000. – 22 с.
69. Красильников С.А. Феномен и природа конформизма российской интеллигенции в XX веке // Изв. Урал. гос. ун-та. – Екатеринбург, 1998. – № 8. – С. 81–85.
70. Кротов А. Русская смута. – М., 1999. – 446 с.
71. Кустарев А. Конгломерат «интеллигенция» и его нарратив // Неприкосновен. записи. – М., 2006. – № 3(047) – С. 19–30.
72. Кустарев А. Критика нечистого разума // Всемир. слово. – СПб., 2000. – № 13. – С. 94–95.
- Ж. Бенда (1887–1956) и его книга 1927 г. «Предательство клириков».

73. Кустарев А. Нервные люди: Очерки об интеллигенции / Предисл. Фурсова А. – М., 2006. – 374 с.
- Рец. 1) Интеллигенция – власть – образ будущего: (Беседа Кирилла Кобринина с философом Александром Пятигорским) // Неприкосновен. запас. – М., 2006. – № 3 (47). – С. 31–38;
- 2) Куренной В. Теория мифа // Там же. – С. 39–47; Бикбов А. Эмиграция как акт познания // Там же. – С. 48–55.
- Ответ: Кустарев А. Критик как редактор // Там же. – С. 56–66.
74. Кустарев А. Элвин Гулднер и его книга // Рубежи. – М., 1997. – № 4. – С. 3–9.
- Книга Э. Гулднера (А. Гоулднера). «Будущее интеллектуалов и восхождение нового класса».
75. Ламперт Е. О путях русской интеллигенции // Филос. исслед. – М., 1996. – № 2. – С. 210–217.
76. Левинтова Е. Дискурс интеллектуалов в России и Польше: Сравнит. анализ // Мониторинг общественного мнения: Экон. и соц. перемены. – М., 2002. – № 4. – С. 14–38.
77. Лихачев Д.С. Об интеллигенции. – СПб., 1997. – 445 с.
78. Магарил С.А. Национальное развитие и российская интеллигенция // Доклады Методологического семинара ФИ АН. – М., 2004. – Вып. 13: Обществ. сознание и методы управления им. Максидан (Анхзангельский М.Е.). Интеллигенция, гуманизм и христианство. – 2003. – 155 с.
79. Малинин В.А. Интеллигенция // Русская философия: Словарь. – М., 1995. – С. 187–188.
80. Мамедов Р. Интеллигенция как социальная общность, ее жизнедеятельность и роль в современном мире: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – М., 1993. – 44 с.
81. Милаева О.В. Специфика изучения научной интеллигенции // Актуальные проблемы исторической науки. – Пенза, 2005. – Вып. 2. – С. 341–347.
82. Моисеев Н.Н. Об интеллигенции, ее судьбе и ответственности // Социал-гуманит. знания. – М., 1999. – № 2. – С. 112–134.
83. Наан Г.И. Власть и разум. Бюрократия и интеллигенция в капиталистическом обществе // ЭКО. – Новосибирск, 1988. – № 1. – С. 3–23.
84. Наумова Т.В. Интеллигенция и пути развития российского общества // СоцИс: Соц. исслед. – М., 1995. – № 3. – С. 39–46.
85. Никитина Т.В. О понятии «гуманитарная интеллигенция»: Социол. подход // СоцИс: Соц. исслед. – М., 1992. – № 2. – С. 33–41.
86. Николаев А.Н. Исторические аспекты становления российской технократической элиты (1917–1995 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Саратов, 1996. – 40 с.

87. Николаева И. Интеллигенция: Превратности свободы // Октябрь. М., 1997. – № 12. – С. 114–124.
88. Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Интеллигенция // Новая философская энциклопедия. – М., 2001. – Т. 2. – С. 130.
89. Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Интеллигенция // Социологическая энциклопедия. – М., 2003. – Т. 1. – С. 376–377.
90. Олещук Ю. Об исторической роли интеллигенции // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 1998. – № 7. – С. 70–79.
91. Орлов С.Б. Политическая мифология в России: Опыт концептуального анализа мифа об интеллигенции. – Барнаул, 2002. – 215 с.
92. Павлова Н.Г. Интеллигенция и марксизм: Анатомия споров. – Барнаул, 2002. – 117 с. – Библиогр.: с. 109–116.
93. Павлов О. «Интеллигенция всегда жила разной жизнью с народом» // Лит. Россия. – М., 1996. – № 13. – С. 7.
94. Падерин В.К. Интеллигенция в социокультурном процессе // Науч. Татарстан. – Казань, 1996. – № 4. – С. 66–70.
95. Панарин А.С. Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века. – М., 1998. – 349 с.
96. Панфилов А.К. О слове интеллигенция // Вопросы языкознания и русского языка. – М., 1970. – С. 362–373 (Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина № 353).
97. Панченко А. Не хочу быть интеллигентом // Моск. новости. – М., 1991. – № 50. – С. 6.
98. Петров В.М. Власть духа. – Екатеринбург, 1993. – 188 с.
99. Пичурин Л.Ф. Канделябры – оружие интеллигенции?: Избранная публицистика 90-х гг. – Томск, 1999. – 63 с.
100. Плющенко В. Национализм и интеллигенция // Мировая экономика и международные отношения. – М., 1993. – № 6. – С. 27–86.
101. Погорецкий В.Г. Научно-техническая интеллигенция: Функциональный рассудок и личностное самосознание // Системные исследования: Методол. проблемы: Ежегодник. 2000. – М., 2002. – С. 317–336.
102. Покровский Н.Е. Новые горизонты или историческая западня? СоцИс.: Соц. исслед. – М., 1994. – № 11. – С. 119–128.
- Интеллигенция и ее роль в русской истории.
103. Померанц Г. Интеллигент в разломе России // Искусство кино. – М., 1993. – № 6. – С. 27–29.
104. Пригарин А. Будущее за интеллигенцией // Альтернативы = Alternatives. – М., 1999. – Вып. 3. – С. 2–22.
105. Рассадин Ст. Похвальное слово нормальности, или Русский интеллигент // Искусство кино. – М., 1995. – № 3. – С. 21–28.

106. Рац М. Интеллигенты, или интеллектуалы // Книжн. обозрение. – М., 1995. – № . – С. 13.
107. Резник Ю.М. Социальная теория и общество: Гражданская миссия и ответственность интеллектуалов // Личность. Культура. О-во = Culture. Personality. Soc. – М., 2006. – Т. 8. Вып. 1 (29). – С. 60–79.
108. Романовский С.И. Нетерпение мысли // Новый часовой. – М., 1998. – № 6/7. – С. 363–369.
109. Романовский С.И. Нетерпение мысли или исторический портрет радикальной русской интеллигенции. – СПб., 2000. – 364 с.
110. Рудницкая Е.Л. Лики русской интеллигенции. – М., 2007. – 623 с.
111. Рыженко В.Г., Корзун В.П. Культура, интеллигенции, модернизация: (Реф. обзор) // Соц. и гуманит. науки. Отеч. и зарубеж. лит.: РЖ. Сер. 3, Философия. – М., 1996. – № 4. – С. 129–159.
112. Сабенникова И.В. Интеллигенция // Общественная мысль России XVIII – начала XX в.; Энциклопедия. – М., 2005. – С. 173–176.
113. Савчук В. Инакомыслие или конформизм: Нравственный выбор интеллигенции в России // Логос. – М., 2005. – № 6(51) – С. 233–242.
114. Секацкий А. Тайна Кощея Бессмертного // Октябрь. – М., 1999. – № 6. – С. 163–170.
- Психология интеллигенции: Состояние «отложенной смерти».
115. Сергейчик С.И. Российская интеллигенция: История и судьба. – М., 2006. – 111 с.
116. Сипелина Ю.Ю. О циклах изменения религиозности образованной части российского общества (начало XVIII в. – 1917) // СоЦис: Соц. исслед. М., 2003. – № 10. – С. 88–96.
117. Сиротина И.Л. Отечественный тип философствования в мемуарах русской интеллигенции от XIX к XXI веку. – Саранск, 2002. – 110 с.
118. Скворцов А. Вехи и направления: (Судьба интеллигенции в России) // Подъем. – Воронеж, 1999. – № 11. – С. 147–173.
119. Славный Б. Скромное обаяние левой интеллигенции // Рубежи. – М., 1995. – № 3. – С. 116–122.
120. Смирнова Г.С. Интеллектуальные поиски российской интеллигенции в XX веке: От «Великой России» к ноосфере: (Опыт реконструкции) // Проблемы теории и истории изучения интеллигенции: Поиск новых подходов. – Иваново, 1994. – С. 12–20.
121. Смирнова Н.М. Интеллигентское сознание как предтеча тоталитарного менталитета // Полис. – М., 1993. – № 4. – С. 125–133.
122. Соминич Г.Е. Коллекция документов личного происхождения в РГИА как исторический источник по истории интеллигенции в России конца XIX – начала XX в. // Деятели русской науки и культуры XIX–XX веков. – СПб., 2001. – Вып. 1. – С. 149–165.

123. Степанов Ю.С. Интеллигенция // Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 1997. – С. 610–633.
124. Степанова О.К. Понятие «интеллигенция»: Судьба в символическом пространстве и во времени // СоцИс.: Соц. исслед. М., 2003. – № 1. – С. 40–58.
125. Тамбовцев В.М. Интеллигенция // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. – М., 1996. – Т. 2. – С. 359–361.
126. Труфанов А.А. Основы теории интеллигентности. – Казань, 2002. – 271 с. – Библиогр.: с. 263–270.
127. Уваров П.Б. Дети хаоса: Исторический феномен интеллигенции. – М., 2005. – 196 с.
128. Успенский Б.А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Успенский Б. Этюды о русской культуре. – СПб., 2002. – С. 393–413.
129. Ушакин С.А. Интеллигентность сквозь призму интересов // Полис. – М., 1998. – № 4. – С. 21–36.
130. Фадеева Л.А. «Образованный класс» викторианской Англии как социально-профессиональный феномен: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1996. – 38 с.
131. Фадеева Л.А. Очерки истории британской интеллигенции. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1995. – 195 с.
132. Фадеева Л. Это странное слово «интеллигенция» // Рубежи. – М., 1998. – № 2. – С. 86–92.
133. Файбусович С. Спектральное смещение или еще раз о судьбах интеллигенции // Сегодня. – М., 1993. – № 74. – С. 70.
134. Филатова А. Концепт *интеллигенция* в смысловом пространстве современной русской культуры // Логос. – М., 2005. – № 6(51). – С. 206–217.
135. Филиппов А.Ф. Интеллектуалы как «новый клир» // ФРГ глазами западногерманских социологов. – М., 1989. – С. 168–195.
136. Хорос В. Интеллигенты всех слоев // Лит. газ. – М., 1988. – № 42. – С. 10.
137. Хорос В. Разомкнутый треугольник // Знание – сила. – М., 1990. – № 1. – С. 10–17.
- Власть – интеллигенция – народ в истории России.
138. Цветков О.М. Интеллигентство и интеллектуализм как конкурирующие типы российской социальности // Изв. Центра систем. исслед. Майкоп. гос. технол. ин-та. – Майкоп, 1999. – Вып. 1. – С. 26–30.
139. Цветкова М.В. К вопросу о специфике ментальности российской интеллигенции // Россия в Новое время: Выбор путей исторического развития. – М., 1994. – С. 7–77.

140. Чередник О.В. Онтологические основания бытия русской интеллигенции // *Личность. Культура. О-во = Culture. Personality. Soc.* – М., 2001. – Т. 3, № 7. – С. 341–254.
141. Чернышевский Д.В. Интеллигенция в России как явление этногенеза // *Россия в Новое время: Выбор путей ист. развития.* – М., 1994. – С. 105–107.
142. Шарова Л. Нравственный камертон эпохи // *Грани.* – М., 1999. – № 192. – С. 9–27.
143. Шкуратов В. Интеллигенция в проекте современности // *Логос.* – М., 2005. – № 6(5) – С. 243–252.
144. Шмидт С.О. К истории слова «интеллигенция» // *Россия. Запад. Восток. Встречные течения: К 100-летию со дня рождения академика М.П. Алексеева.* – СПб., 1996. – С. 409–417.
145. Эльфонд И.Я. Гуманитарная интеллигенция и возрождение культуры // *Трансформация цивилизованно-культурного пространства бывшего СССР.* – М., 1994. – С. 278–286.
146. Эрлих С.Е. Россия колдунов. – СПб., 2006. – 292 с. Интеллигенция в России.
147. Яковенко И.А. Интеллигентщина // *Рубежи.* – М., 1997. – № 10/11. – С. 19–23.

* * *

148. Арон Р. Опиум интеллектуалов / Пер. Черняка А. // *Логос.* – М., 2005. – № 6(51). – С. 182–205.
149. Бенда Ж. Предательство интеллектуалов (1927) / Пер. Кустарева А. // *Кустарев А. Нервные люди: Очерки об интеллигенции.* – М., 2006. – С. 369–374.
150. Бенда Ж. Предательство клириков / Пер. Кустарева А. // *Всемир. слово.* – СПб., 2000. – № 13. – С. 96–100.

Фрагменты

151. Берлин И. Рождение русской интеллигенции / Вступ. ст. и публ. Дубина Б. // *Вопр. лит.* – М., 1993. – Вып. VI. – С. 188–212.
То же // Берлин И. История свободы. Россия. – М., 2001. – С. 9–32.
152. Бохеньский Ю. Интеллектуал // Бохеньский Ю. Сто суеверий / Пер. Гуренко М., – М., 1993. – С. 66–68.
153. Гаррос В. Интеллигенция // 50/50; Опыт словаря нового мышления. – М., 1989. – С. 131–137.
154. Гулднер Э. Будущее интеллектуалов и восхождение нового класса / Пер. с англ. Кустарева А. // *Рубежи.* – М., 1997. – № 4. – С. 10–38.

155. Интеллигенция и общество: Сб. рефератов и переводов / ФБОН АН СССР. – М., 1968.

156. Манхейм К. Проблема интеллигенции: Исслед. ее роли в прошлом и настоящем. К XIX Всемир. филос. конгр. / Пер. Вольсон Л.Ф.; Предисл. Гуревич П.С. – М.: ИНИОН, 1993. – 104 с.

То же // Манхейм К. Избранное. Социология культуры. – М., СПб., 2000. – С. 94–165.

157. Милош Ч. Порабощенный разум / Пер. с пол., предисл. и примеч. Британишского В. – СПб., 2003. – 285 с.

158. Моррас Ш. Будущее интеллигенции / Пер. с фр. и послесл. Руткевича А.М. – М., 2003. – 157 с. – (Идеологии).

159. Селеньи И. Интеллигенция и власть: Опыт Восточной Европы 1960-е – 80-е гг. // Рубеж. – Сыктывкар, 1995. – № 6/7. – С. 198–237.

160. Страда В. Реформа интеллигенции // Обществ. науки и современность. – М., 1993. – № 3. – С. 107–115.

161. Страда В. Интеллигенция как зеркало европейской революции // Рус. мысль. – М., Париж, 1997. – № 4189. – С. 11–12.

162. Тодоров Ц. Человек, потерявший Родину: [главы из книги] / Пер. Кулиш Н. // Иностр. лит. – М., 1998. – № 6. – С. 200–211.

Интеллектуалы.

163. Твердисилова Е.Ф. [Реферат] // Обществ. науки за рубежом: РЖ. Литературоведение. – М., 1990. – № 6. – С. 35–42.

Реф. сб.: Валицкий А. Русская версия предательства интеллигентов.

Walicke A. Posyiska wersia zdrady Klerkow // Res Publica. – W-wa, 1988. – N 10. – S. 101–108.

Хабермас Ю. Первым почуять важное. Что означает интеллектual / Пер. с нем. Левинсон К. // Неприкосновенный запас. – М., 2006. – № 3(47). – С. 5–13.

164. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избр. полит. ст., выступления и интервью / Пер. Офертаса С. 4; Под общ. ред. Визгина В.П. и Скуратова Б.М. – М., 2002. – 384 с.

2. Сборники статей и материалы конференции

165. Актуальные проблемы историографии отечественной интеллигенции. Редкол.: Меметов В.С. (отв. ред.) и др. – Иваново, 1996. – 124 с.

166. В поисках истины: Интеллигенция провинции в эпоху обществ. потрясений: Материалы науч.-практ. конф. / Редкол.: ...Янковская Г.А. (гл. ред.) – Пермь, 1999. – 192 с.

167. Власть и интеллигенция: (Из опыта послевоен. развития стран Вост. Европы) / Отв. ред. Новопапин Ю.С. – М., 1992. – 219 с.

168. Власть и интеллигенция: Из опыта послевоен. развития стран Вост. Европы / Отв. ред. Новопашин Ю.С. – М., 1993. Вып. 2. – 200 с.
169. Власть и интеллигенция: М., 1999.
Вып. № 3: Культурная политика в странах Центральной и Восточной Европы, 1920–1950-е годы / Ред.-сост. Стыкалин А.С. – 161 с.
170. Генезис, становление и деятельность интеллигенции: Междисциплинарный подход: Тез. докл. XI Междунар. науч.-теорет. конф., 20–22 сент. 2000 г. Редкол.: Меметов В.С. (отв. ред.) и др. – Иваново, 2000. – 384 с.
171. Гражданские позиции интеллигенции: «Камо грядеши?..» / Под ред. Тощенко Ж.Т. – М., 2004. – 359 с.
172. 90-летие «ВЕХ»: Российская интеллигенция в XX веке: Материалы Всерос. науч. конф., 16–17 марта 1999 г. – Пенза, 1999.
Кн. 1. – 123 с.
173. Жизненные стили и социальные практики интеллигенции: Сб. ст. по материалам науч. конф. «Жизненные стили и социал. практики интеллигенции конца XX – начала XXI в.» (23–24 апр. 2002 г.) Под ред. Тощенко Ж.Т.; Сост.: Цапко М.С., Росляков А.Б. – М., 2002. – 297 с.
174. Из истории русской интеллигенции: Сб. материалов и ст. к 100-летию со дня рождения В.Р. Лейкиной-Свирской. Сост.: Ансберг О.Н. и др.; Отв. ред. Ганелин Р.Ш. – СПб, 2003. – 551 с. [8] л. ил. – Список опубл. науч. тр. В.Р. Лейкиной-Свирской: с. 520–530.
175. Интеллектуальная элита России на рубеже XIX–XX вв.: Материалы Междунар. науч. конф. Редкол.: ... Пospelова Н.И. (отв. ред.) и др. – Киров, 2001. – 227 с.
176. Интеллигент и интеллигентоведение на рубеже XXI века: Итоги пройденного пути и перспективы: Тез. докл. X Междунар. науч.-теорет. конф., 22–24 сент. 1999 г. / Редкол.: Меметов В.С. (отв. ред.) и др. – Иваново, 1999. – 376 с.
177. Интеллигенция в диалоге культур.: Сб. ст. по материалам XIII Междунар. теорет.-методол. конференции. 5 апр. 2007 / Под общ. ред. Тощенко Ж.Т. – М., 2007. – 510 с.
178. Интеллигенция в истории: Образованный человек в представлениях и социальной действительности / Отв. ред. Сдвижков Д.А. – М., 2001. – 312 с.
179. Интеллигенция в истории России и российских регионов: XVI Урал. Бирюковские чтения / Ред.-сост.: Александрович Ю.М. – Челябинск, 2005. – 104 с. [6] л. Интеллигенция в обществе риска / Под ред. Тощенко Ж.Т. – М., 2003. – 524 с.
181. Интеллигенция в политической истории XX века: Межвуз. сб. науч. тр. / Редкол.: Меметов В.С. (отв. ред.) и др. – Иваново, 1993. – 112 с.

182. Интеллигенция в потоке времени: Размышления и судьбы: Межвуз. сб. науч. тр. / Редкол.: Репринцев А.В (отв. ред.) и др. – Курск, 2004. – 435 с.: табл.
183. Интеллигенция и власть / Сост. и ред. Студеникин А.И. – М., 1999. – 222 с.
184. Интеллигенция и власть: По материалам Первого съезда обществ. движения «Конгресс интеллигенции Алт. края» / Редкол.: Чернышов Ю.Г. (отв. ред.) и др. – Барнаул, 1998. – 143 с.
185. Интеллигенция и либерализм в России: Межвуз. науч. сб. / Редкол.: Устьянцев В.В. (отв. ред.) и др. – Саратов, 1995. – 76 с.
186. Интеллигенция и мир / Гл. ред. Меметов В.С. – Иваново, 2001. – № 1. – 100 с.
187. Интеллигенция и «новый авторитаризм»: По материалам II съезда обществ. движения «Конгресс интеллигенции Алт. края» / Под ред. Чернышова Ю.Г. – Барнаул, 2000. – 63 с.
188. Интеллигенция и нравственность: Социол. очерки НИИ высш. образования; Редкол.: Лисовский В.Т., Коханович Л.И. (науч. ред. и сост.). – М., 1993. – 109 с.
189. Интеллигенция и общественно-политическая жизнь: Материалы «круглого стола». «Роль и место интеллигенции в обществ. жизни. Пути и пробл. формирования интеллигентности среди молодежи на пороге XXI века», г. Нерюнгри, 9 апр. 1999 г. / Отв. ред. и сост. Максимов П.С. – Якутск, 2000. – 87 с.
190. Интеллигенция и политика / Отв. ред. Меметов В.С. – Иваново, 1991. – 130 с.
191. Интеллигенция и российское общество в начале XX века: Сб. ст. / Отв. ред. Китанина Т.М. – СПб., 1996. – 217 с.
192. Интеллигенция, провинция, Отечество: Пробл. истории, культуры, политики: Тез. докл. межгос. науч.-теорет. конф., Иваново, 24–25 сент. 1996 г. / Меметов В.С. (отв. ред.) и др. – Иваново, 1996. – 521 с.
193. Интеллигенция России в XX веке и проблема выбора: Материалы «круглого стола» Всерос. конф. «Интеллигенция России в истории XX века: Неоконченные споры», посвящ. 90-летию сборника «Вехи» / Отв. ред. Кондрашева М.И. – Екатеринбург, 1999. – 123 с.: ил. – Библиогр.: с. 95–123.
194. Интеллигенция России в истории XX века: Неоконченные споры: К 90-летию сб. «Вехи»: Тез. докл. и сообщ. Всерос. науч. конф., 24–25 дек. 1998 г. / Отв. ред.: Главацкий М.Е., Постников С.П. – Екатеринбург, 1998. – 287 с.
195. Интеллигенция России в конце XX века: Система духовных ценностей в исторической динамике: Материалы «круглых столов». Всерос. науч.

конф., посвящ. памяти проф. Чуфарова: Творч. личность как духовная ценность; Интеллигенция и конформизм. – Екатеринбург, 1998. – 80 с.

196. Интеллигенция России: История и судьбы: Межвуз. сб. науч. ст. / Редкол.: Ефанова Л.П. (отв. ред.) и др. – Ставрополь, 1999. – 133 с.

197. Интеллигенция России: Традиции и новации: Тез. докл. межгос. науч.-теорет. конф., Иваново, 25–27 сент. 1997 г. / Редкол.: Меметов В.С. (отв. ред.) и др. – Иваново: – 447 с.

198. Интеллигенция России: Уроки истории и современность: Тез. докл. межгос. науч.-теорет. конф., Иваново, 20–22 сент. 1994 г. / Редкол.: Меметов В.С. (отв. ред.) и др. – Иваново, 1994. – 335 с.

199. История российской интеллигенции: «Материалы и тез. науч. конф.» / Редкол.: Касаров Г.Г. (отв. ред.) и др. – М., 1995.

Ч. 1. – 107 с.

Ч. 2. – 127 с.

200. Конгресс российской интеллигенции, Москва, 10–11 декабря 1997 г. / Сост. и отв. ред. – СПб., 1998. – 291 с.

201. Культура и интеллигенция меняющихся регионов России: XX век: Интеллектуал. Диалоги XXI века. Россия – Сибирь – Казахстан: Материалы VI Всерос. науч. и науч.-практ. конф. с междунар. участием (Омск, 3–5 окт. 2006 г.) / Омск, 2006.

Ч. 2. / Отв. ред.: Рыженко В.Г. – 325 с.

202. Культурные практики в идеологической перспективе Россия, XVIII – начало XX в. Сборник / Сост. Мазур Н.Н. – Москва; Венеция, 1999. – 279 с. – (Россия / Russia / Под ред. Охотина Н.; 3(11)).

203. Невостребованные возможности русского духа. Отв. ред. Власова В.Б. – М., 1995. – 85 с.

204. Некоторые современные вопросы анализа российской интеллигенции / Отв. ред. Меметов В.С. – Иваново, 1997. – 155 с.

205. Нравственный императив интеллигенции: Прошрое, настоящее, будущее: Тез. докл. междунар. науч.-теорет. конф., 23–25 сент. 1998 г. / Редкол.: Меметов В.С. (отв. ред.) и др. – Иваново, 1998. – 467 с.

206. Поиск новых подходов в изучении интеллигенции: Проблемы теории, методологии, источниковедения и историографии / Отв. ред. Меметов В.С. – Иваново, 1993. – 461 с.

207. Общечеловеческие императивы и этнонациональные ценности интеллигенции: Материалы XVI Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 22–24 сент. 2005 г. / Редкол.: Меметов В.С. (отв. ред.) и др. – Иваново, 2005. – 232 с.

208. Политическая культура интеллигенции и ее место и роль в жизни общества: Материалы XVII Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 21–

23 сент. 2006 г.; Редкол.: Меметов В.С. (отв. ред.) и др. – Иваново, 2006. – 340 с.

209. Проблемы изучения истории российской интеллигенции и культуры в вузовских исторических курсах: Тез. докл. респ. науч.-метод. конф., 24–25 марта 1994 г. / Редкол.: ...Меметов В.С. (отв. ред.) и др. – Иваново, 1994. – 168 с.

210. Проблемы методологии истории интеллигенции: Поиск новых подходов: Межвуз. сб. науч. тр. / Редкол.: Меметов В.С. (отв. ред.) и др. – Иваново, 1995.

211. Проблемы теории и истории изучения интеллигенции: Поиск новых подходов: Межвуз. сб. науч. тр. / Редкол.: Меметов В.С. (отв. ред.) и др. – Иваново, 1994. – 128 с.

212. Религия, образование, культура: Необходимость диалога: Форум интеллигенции, Уфа, 24–25 нояб. 2000 г. Сост.: Филатов С.А.; ред. Ковалева И.Ю. – М., 2001. – 223 с.

213. Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии: Тез. докл. межгос. науч.-теорет. конф., Иваново, 20–21 сент. 1995 г. Редкол.: Меметов В.С. (отв. ред.) и др. – М., 1995.

214. Российская интеллигенция: Критика исторического опыта: Тез. докл. Всерос. конф. с междунар. участием, посвящ. 80-летию сб. «Смена вех», 1–2 июня 2001 г. / Отв. ред.: Кондрашева М.И., Русакова О.Ф.: Под общ. ред. Главацкого М.Е. – Екатеринбург, 2001. – 270 с.

215. Российская интеллигенция на родине и в зарубежье: Сб. науч. ст. к 30-летию начала науч.-пед. деятельности... А.В. Квакина / Редкол.: Емельянов Ю.Н. и др.; Сост. и ред. Крупкин М.Б., Рец А.А. – М., 2005. – 304 с. – Список науч. и науч.-метод. тр. д-ра ист. наук, проф. А.В. Квакина: с. 293–304.

216. Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология: Материалы междунар. конф., Неаполь, май, 1997 / Сост. Успенский Б.А. – Москва; Венеция, 1999. – 151 с. – (Россия / Russia / Под ред. Охотина Н.; 2 [10].

217. Русская интеллигенция: История и судьба / Редкол.: Лихачев Д.С. (отв. ред.) и др. – М., 1999. – 423 с. Рец.: Кустарев А. // Pro et contra. – М., 2001. – Т. 5, № 3. – С. 255–263.

218. Русское подвижничество / Сб. ст. к 90-летию Д.С. Лихачева / Отв. ред. Раушенбах Б.В.; сост. Князевская Т.Б. – М., 1996. – 572 с.

219. Собор: (Альманах религиоведения) – Елец, 2003.

Вып. 3: Православие и интеллигенция / Отв. ред.: Белозерцев Е.П., о. Василий (Романов); ред.-сост.: Белканов Н.А. и др. – 288 с.: ил. – Библиогр.: с. 281–283.

220. Социальный статус и имидж гуманитарной интеллигенции: Сб. ст. / Под ред. Тощенко Ж.Т. – М., 2001. – 321 с.

221. Судьба русской интеллигенции: Материалы науч. дискуссии. 23 мая 1996 г. – СПб., 1996. – 80 с.
222. Традиции сибирской интеллигенции: Материалы междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 7–8 окт. 1998 г. / Редкол.: Бобкова Г.И. и др. – Иркутск, 1999. – 86 с.
223. 1917 год в биографиях и судьбах интеллигенции России: Тез. докл. конф. учащихся 18 нояб. 1997 г. «Мемориал»; под ред. Главацкого М.Е. – Екатеринбург, 1998. – 64 с.: портр.
224. Уральские Бирюковские чтения: Сб. науч. ст. / Совет Урал. Бирюковских чтений и др. – Челябинск, 2004.
- Вып. 3: Из истории российской интеллигенции / Науч. ред. Загребин С.С. – 598 с.
225. Феномены провинции. Проблемы интеллигенции: Межвуз. сб. науч. тр. / Редкол.: Ромаха О.В. (науч. ред.) и др. – Тамбов, 1996.
- Вып. 4. – 130 с.
226. Феномен российской интеллигенции: История и психология: Материалы Междунар. науч. конф., 24–25 мая 2000 г., С.-Петербург / Редкол.: Полтораки С.Н. и др. – СПб., 2000. – 239 с.

3. Проблема интеллигенции в истории русской мысли

227. Белоус В. Вольфила [Петроградская Вольная Философская Ассоциация]. – 1919–1924. – М., 2005.
- Т. 1. – 842 с.
- Т. 2. – 800 с.
228. Вехи: Pro et contra: Антология / Изд. подгот. Сапов В.В.; отв. ред. Бурлака Д.К. – СПб., 1998. – 856 с.
229. Зеленая лампа: Беседа IV: «Русская интеллигенция как духовный орден»: (По поводу речи И.И. Бунакова) // Русская идея: В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. – М., 1994. – Т. 1. – С. 293–305.
230. Интеллигенция. Власть. Народ: Антология / Ред. сост.: Новикова Л.И., Сиземская И.Н. – М., 1993. – 336 с.
231. Неуслышанные голоса / Гл. ред. Ямбург Е.А. – М., 2003.
- Т. 2: Традиции «Вех» и современность / Сост. Померанц Г. – 447 с.
232. Русская интеллигенция. Автобиографии и библиографические документы в собрании С.А. Венгерова: Аннот. указ. – СПб., 2001. – Т. 1: А–Л. – 640 с.
233. Аксаков И.С. Отчужденность интеллигенции от народной стихии // Аксаков И.С. У России одна-единственная столица... – М., 2006. – С. 181–183.
- Впервые: День. – СПб., 1861. – 21 окт.

234. Бердяев Н.А. Война и кризис интеллигентского сознания // Бердяев Н.А. Грех войны. – М., 1993. – С. 77–82.
То же // Бердяев Н.А. Судьба России. – М., 1990. – С. 48–54.
Впервые: Биржевые ведомости. – Пг., 1915. – 7 авг.
235. Блок А.А. Россия и интеллигенция. Слоним М.Л. Русские предтечи большевизма. – М., 2000. – 96 с.
236. Вернадский В.И. Русская интеллигенция и новая Россия // Вернадский В.И. Публицистические статьи. – М., 1995. – С. 294–295.
237. Гершензон М. Исторические записки // Избранные труды. – М., Иерусалим, 2000. – Т. 3. – С. 427–523.
Гл. XVIII–XXXIII: Интеллигенция. – С. 502–523.
238. Жуковский В.А. Из дневников 1827–1840 годов / Публ., вступ. ст. и примеч. Янушкевича // Наше наследие. – М., 1994. – № 32. – С. 35–47.
О слове «Интеллигенция». – С. 46.
239. Иванов В.Ф. Русская интеллигенция и масонство: От Петра I до наших дней / Сост., вступ. ст. и примеч. Смолина М.Б. – 4-е изд. – М., 2001. – 541 с. – Библиогр.: с. 9–20.
240. Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли / Подгот. текста, послесл. и примеч. Задорожнюк И.Е. и Лаврик Э.Г. – М., 1997.
Т. 1. – 416 с.
Т. 2. – 400 с.
Т. 3. – 367 с.
241. Левин И.Д. Сочинения. – М., 1994. – Т. 2. – 559 с.
Об интеллигенции: с. 101–103.
242. Лозинский Е.И. Что же такое, наконец, интеллигенция? Крит.-социол. опыт – 2-е изд. стер. – М., 2003. – 260 с.
243. Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1995. – Т. 3: Национализм и европеизм, 1995. – 478 с.
244. Овсянко-Куликовский Д.Н. Из «Истории русской интеллигенции» // Овсянко-Куликовский Д.Н. Литературно-критические работы. – М., 1989. – Т. 2. – С. 4–305.
245. Степун Ф.А. Мысли о России. Национально-религиозные основы большевизма: Пейзаж, крестьянство, философия, интеллигенция // Степун Ф.А. Чаемая Россия. – СПб., 1999. – С. 5–33.
Впервые: Соврем. зап. // Париж, 1927. – № 32. – С. 279–310.
246. Степун Ф.А. Пролетарская революция и революционный орден русской интеллигенции // Степун Ф.А. Чаемая Россия. – СПб., 1999. – С. 321–340.
Впервые: Мосты. – Мюнхен, 1959. – № 3. – С. 171–188.

247. Федотов Г.П. О святости, интеллигенции и большевизме: Избр. ст. / Сост., вступ. ст. Заманеева А.Ф.; Коммент. Печуриной О.А., Шмелевой Е.Л. – СПб., 1994. – 151 с.

248. Фет А.А. Наша интеллигенция / Предисл. Асланова Г.Д. // Вопр. философии. – М., 2000. – № 11. – С. 126–174.

249. Франк С.Л. Русское мировоззрение / Сост. и предисл. Ермичева А.А. – СПб., 1996. – 738 с.

Из содерж.: Лев Толстой и русская интеллигенция. – С. 440–445. О так называемом «новом религиозном сознании». – С. 542–547; «Вехи» и их критики. – С. 547–551.

4. Историография

250. Алисов Д.А. Советские историки в поисках объективности: Применение количественных методов в региональных исследованиях по истории интеллигенции // Мир историка: XX век. – М., 2002. – С. 345–360.

251. Арсланов Р.А. Проблема интеллигенции в творчестве К.Д. Кавелина // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: история. – М., 1996. – № 3. – С. 14–23. – Рез. англ.

252. Булгакова Л.А. Поиски идентификации русской интеллигенции в современной историографии // Клио. СПб., 2002. – № 1(16). – С. 28–37.

253. Данилов А.А., Меметов В.С. Интеллигенция провинции в истории и культуре России. – Иваново, 1997. – 174 с. – Библиогр.: с. 152–173.

254. Диденко Д.В. База данных «Русская публицистика 1909–1911 гг. о проблемах интеллигенции // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». – М., 1998. – № 23. – С. 19–21; 1999. – № 24. – С. 214–229.

255. Из истории мировой культуры: Тексты лекций / Прудкогляд В.Ф., Баженов А.В., Касьянов В.В. и др.; Редкол.: Комоедов В.И. – Краснодар, 1994. – 106 с.

Из содерж.: Об определении понятия «интеллигенция»: (историогр. обзор) – С. 97–106.

256. История интеллигенции России в биографиях ее исследователей: Опыт энциклопед. словаря. – Екатеринбург, 2002.

257. Кемпинский Э.В. Беспочвенность российской интеллигенции: (в оценках отечественных и зарубежных исследователей) // Россия в Новое время: Историческая традиция и проблема самоидентификации. – М., 1993. – С. 108–110.

258. Корупаев А.Е. Российская интеллигенция: Историография рубежа 80–90-х годов XX в. – М., 1994. – 15 с. – Библиогр.: с. 11–14.

259. Левина Ж.Е. Феномен российской интеллигенции в гуманитарных исследованиях 1994–2002 гг. // Проблемы историографии и истории. – Омск, 2002. – С. 65–73. – Библиогр.: с. 71–73.

260. Пузанов В.С. Эскизы социальной биографии интеллигенции России: (Историогр. аспект). – Оренбург, 2001. – 269 с.

261. Рыженко В.Г. О стереотипах в исследовательской практике 1920-х годов: (на примере ситуации в интеллигентоведении) // Историк на пути к открытому обществу. – Омск, 2002. – С. 82–88.

262. Рыженко В.Г. Роль исследовательских центров в складывании современного интеллигентоведения // Изв. Урал. гос. ун-та. – Екатеринбург, 2004. – № 29. – С. 174–181.

263. Самарцева Е.И. Историографический эскиз проблемы генезиса отечественной интеллигенции: (Россия. Русское зарубежье, XX в.) – Тула, 1997. – 74 с. – Библиогр.: с. 59–71.

264. Самарцева Е.И. Российская интеллигенция до октября 1917 года: Историогр. очерк. – Тула, 1998. – 191 с.

265. Соколова Ф.Х. Проблема интеллигенции и ее религиозности в русской исторической и философской мысли // Свеча-2000: Религия в гуманитар. измерении Баренцева региона. – Архангельск, 2001. – Вып. 1, ч. 2. – С. 96–107.

266. Степанян К. Разум, любовь и свобода // Знамя. – М., 1993. – № 5. – С. 199–203.

Обзор книг об исторических судьбах интеллигенции.

267. Фадеева Л.А. Проблема интеллигенции в отечественной исторической науке // Историческая наука в меняющемся мире. – Казань, 1993. – Вып. 2. – С. 90–94.

268. Шеина И.Б. Проблемы интеллигенции в освещении современной российской прессы (1986–1999): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ростов н/Д., 2000. – 22 с.

269. Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии / Шпет Г.Г. Сочинения. – М., 1989. – С. 11–344.

* * *

270. Олейник О.Ю. Изучение проблем интеллигенции в 1990-е годы: Библиография / Сост. Олейник О.Ю. – Иваново, 2000. – 116 с.

271. Олейник О.Ю. Изучение проблем интеллигенции в 1990-е годы. Справочно-библиогр. информация // Интеллигенция и мир. – Иваново, 2003. – № 1. – С. 91–101.

272. Советская интеллигенция: Сов. ист. и филос. лит. за 1968–1977 гг.: Библиогр. указ. / Сост. Искольдская К.К., Фортунатов В.В.; Ред.: Волков В.С., Федюкин С.А. – Новосибирск, 1978. – 450 с.